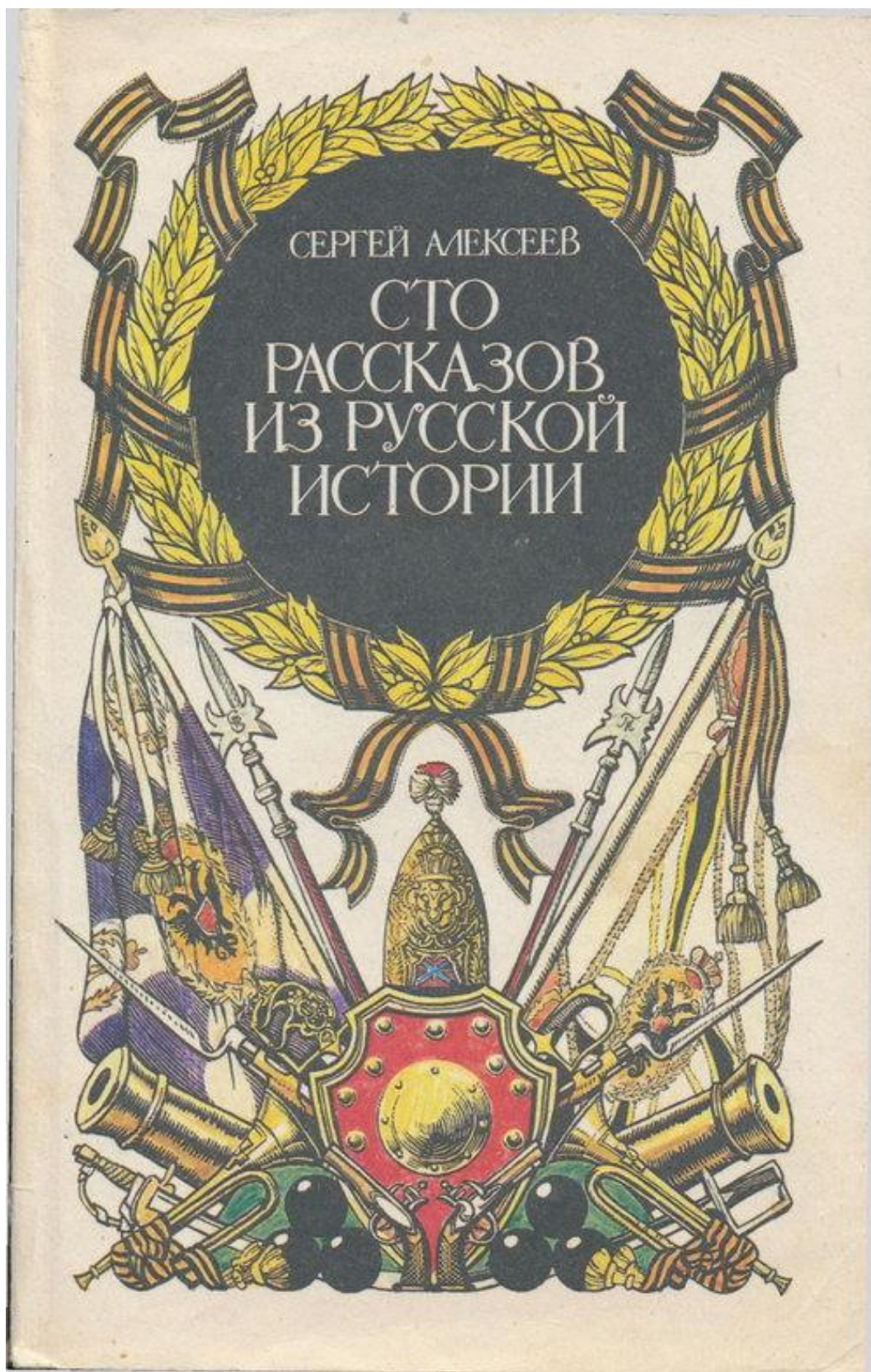

Сергей Петрович Алексеев
Сто рассказов из русской истории

—

<http://www.litmir.net>
«Сто рассказов из русской истории»: Юридическая литература; Москва; 1991
ISBN 5-7260-0553-8

Аннотация

В книге, написанной живым, образным языком, перед читателем предстанут яркие картины исторического прошлого нашей Родины – России, люди, оставившие в ее истории глубокий след: Степан Разин, Петр Первый, Суворов, Кутузов, декабристы. Рассчитана на детей младшего и среднего школьного возраста.

От автора

Это книга для тех, кто любит родную историю.

Чем прославился фельдмаршал Суворов?

Чем знаменит Кутузов?

Почему и в рассказах своих, и в легендах, и в песнях народ бережно хранит имя Степана Разина?

Почему и сейчас, много поколений спустя, мы вспоминаем Петра Первого?

Кто такие декабристы, за что они боролись?

Велика наша Родина.

Много сложного и нелегкого было в ее истории.

Много прекрасного и великого.

У нас есть что вспоминать и чем гордиться.

Перед вами рассказы о том, что было.

О нашем Отечестве и народе.

РАССКАЗЫ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ, КАЗАКАХ И ВОССТАВШЕМ НАРОДЕ

ВСАДНИК

Отряд верховых ехал крестьянским полем. Поднялись всадники на пригорок. Смотрят -

что за диво? Мужик пашет землю. Только не конь у него в сохе. Впряглись вместо лошади трое: крестьянская жена, мать – старуха да сын – малолеток.

Потянут люди соху, потянут, остановятся и снова за труд.

Подъехали конные к пахарю.

Главный из них кинул суровый взгляд:

– Ты что же, такой – сякой, людишек заместо скотины!

Смотрит крестьянин – перед ним человек огромного роста. Шапка с красным верхом на голове. Зеленые сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Нагайка в руках крученая.

«Видать, боярин, а может, и сам воевода», – соображает мужик.

Повалился он знатному барину в ноги, растянулся на борозде.

– Сироты, сироты мы. Нету коня. Увели за долги кормильца.

Лицо всадника перекошилось. Слез он на землю. Повернулся к крестьянину.

Мужик попятился вскочил – и бежать с испуга.

– Да стой ты, пеший! Стой ты! Куда?! – раздался насмешливый голос.

Мужик несмело вернулся назад.

– На, забирай коня. – Человек протянул мужику поводья.

Опешил крестьянин. Застыли жена и старуха мать. Раскрылся рот у малого сына. Смотрят. Не верят такому чуду.

Конь статный, высокий. Масти сизой, весь в яблоках. Княжеский конь.

«Шутит барин», – решает мужик. Стоит. Не шелохнется.

– Бери же. Смотри, передумаю, – пригрозил человек. И пошел себе полем.

Верховые ринулись вслед. Лишь один молодой на минуту замешкался, обронил он случайно кисет с табаком.

«Всевышний, всевышний послал», – зашептал обалдело крестьянин.

Повернулся мужик к коню. И вдруг испугался. Да не колдовство ли все это? Потянулся к нему. Конь и дернул его копытом.

Схватился мужик за ушибленное место.

– Настоящий! – взвыл от великого счастья. – Кто вы, откуда?! – бросился он к молодому парню.

– Люди залетные. Соколы вольные. Ветры весенние, – загадочно подмигнул молодец.

– Да за кого мне молиться? Кто ж такой тот, в шапке?

– Разин. Степан Тимофеевич Разин! – уже с ходу прокричал верховой.

СТРЕЛЕЦКИЕ СТРУГИ

– Разин, Разин идет!

– Степан Тимофеевич!

1670 год. Непокойно в государстве Российском. В огромной тревоге бояре и царские слуги. Восстал, встрепнулся подневольный, угнетаемый люд. Крестьяне, казаки, башкирцы, татары, мордва. Сотни их, великие тысячи.

Ведет крестьянское войско лихой атаман донской казак Степан Тимофеевич Разин.

– Слава Разину, слава!

Восставшие подступили к Царицыну. Остановились чуть выше города, на крутом берегу Волги. Устроили лагерь.

– Нам бы, не мешкая, Царицын брать, – пошли среди казаков разговоры.

Вечером в темноте явились к Разину горожане:

– Приходи, батюшка, властвуй. Ждут людишки тебя в Царицыне. Стрельцов немного, да и те не помеха. Откроем тебе ворота.

– Бери, бери, атаман, Царицын, – насаждают советчики.

Однако Разин не торопился. Знал он, что сверху по Волге движется на стругах к Царицыну большое стрелецкое войско.

У стрельцов пушки, мушкеты, пищали, пороху хоть отбавляй. Стрельцы ратному делу обучены. Ведет их знатный командир голова Лопатин. «Как же с меньшими силами побить нам

такую рать? – думает Разин. – В городе тут не схоронишься. Разве что дольше продержишься. А нам бы под корень. В полный казацкий взмах».

Все ближе и ближе подплывает Лопатин к Царицыну.

– Бери, атаман, твердыню! – кричат казаки.

Не торопится, мешкает атаман.

Каждый день посылает Лопатин вперед лазутчиков. Доносят они начальнику, как ведут себя казаки.

– Стоят на кручах. Город не трогают.

«Дурни, – посмеивается голова Лопатин. – Нет среди них доброго командира».

– Батюшка, батька, отец, Царицын бери, – умоляют восставшие своего атамана.

Молчит, словно не слышит призывов, Разин.

Тем делом лопатинский караван поравнялся с казацкими кручами. Открылась оттуда стрельба.

«Стреляйте, стреляйте, – язвит Лопатин. – То-то важно, кто победное стрельнет».

Держится он подальше от опасного берега. Вот и Царицын вдали. Вот уже рядом. Вот и пушка салют – привет ударила с крепости.

Доволен Лопатин. Потирает руки.

И вдруг... Что такое?! С царицынских стен посыпались ядра. Одно, второе, десятое. Летят они в царские струги. Наклоняются, тонут струги, как бумажные корабли.

На высокой городской стене кто-то заметил широкоплечего казака в атаманском кафтане.

– Разин, Разин в Царицыне!

– Разбойники в городе!

– Стой, повертай назад!

Но в это время, как по команде, и с левого и с правого берега Волги устремились к каравану челны с казаками. Словно пчелы на мед, полезли разинцы на стрелецкие струги.

– Бей их! Круши!

– Голову руби голове!

Сдались стрелецкие струги.

– Хитер, хитер атаман, – восхищались после победы восставшие. – Ты смотри – обманул голову. До последней минуты не брал Царицына.

– У головы – голова, у Разина – две, – долго шутили разинцы.

НЕ ОСУДИТ

Боярин Труба – Нащекин истязал своего крепостного. Скрутили несчастному руки и ноги, привязали вожжами к лавке. Стоит рядом боярин с кнутом в руке, бьет по оголенной спине крестьянина.

– Так тебе, так тебе, племя сермяжное. Получай от меня, холоп. Научу тебя шапку снимать перед барином.

Ударит Труба – Нащекин кнутом, поведет ремень на себя, чтобы кожу вспороть до крови. Отдышится, брызнет соленой водой на рану. И снова за кнут.

– Батюшка, Левонтий Минаич, – молит мужик. – Пожалей. Не губи. Не было злого умысла. Не видел тебя при встрече.

Не слушает боярин мольбы и стонов, продолжает страшное дело.

Теряет крестьянин последние силы. Собрался он с духом и молвил:

– Ужо тебе, барин. Вот Разин придет.

И вдруг...

– Разин, Разин идет! – разнеслось по боярскому дому.

Перекосилось у Трубы – Нащекина лицо от испуга. Бросил он кнут. Оставил крестьянина. Подхватил полы кафтана, в дверь – и бежать.

Ворвались разинские казаки в боярскую вотчину, перебили боярских слуг. Однако сам хозяин куда-то скрылся.

Собрал Разин крестьян на открытом месте. Объявил им волю. Затем предложил избрать старшину над крестьянами.

– Косого Гурьяна! Гурку, Гурку! – закричали собравшиеся. – Он самый умный. Он справедливее всех.

– Гурку так Гурку, – произнес Разин. – Где он? Выходи – ка сюда.

– Дома он, дома. Его боярин люто побил.

Оставил Разин кнут, пошел к дому Косого Гурьяна. Вошел. Лежит на лавке побитый страдалец. Лежит, не шевелится. Спина приоткрыта. Не спина – кровавое месиво.

– Гурьян, – позвал атаман крестьянина.

Шевельнулся тот. Чуть приоткрыл глаза.

– Дождались. Пришел, – прошептал несчастный. На лице у него появилась улыбка. Появилась и тут же исчезла. Умер Гурьян.

Вернулся Разин к казацко – крестьянскому кругу.

– Где боярин?! – взревел.

– Не нашли, отец – атаман.

– Где боярин?! – словно не слыша ответа, повторил Степан Тимофеевич.

Казаки бросились снова на поиск. Вскоре боярин нашелся. Забился он в печку, в парильне, в баньке. Там и сидел. Притащили Трубу – Нащекина к Разину.

– Вздернуть, вздернуть его! – понеслись голоса.

– Тащи на березу! – скомандовал Разин.

– Пожалей, не губи, – взмолился Труба – Нащекин. – Пожалей! – закричал он тонким, пронзительным, бабьим криком.

Разин зло усмехнулся.

– Кончай, атаман, кончай. Не тяни, – зашумели крестьяне.

И вдруг подошла девочка. Маленькая – маленькая. Посмотрела она на Разина:

– Пожалей его, дяденька.

Притихли крестьяне. Смотрят на девочку. Откуда такая?

– Может, безбожное дело затеяли, – вдруг вымолвил кто-то. – К добру ли, если несмышлениш – дите осуждает.

Все выжидающе уставились на атамана.

Глянул Разин на девочку, посмотрел на мужиков, потом вдаль, на высокое небо.

– Вырастет – поймет, не осудит. Вешай! – прикрикнул на казаков.

СПАСИ – И-ТЕ!

Разин сидел на берегу Волги. Ночь. Оперся Разин на саблю, задумался.

«Куда повернуть походом? То ли на юг – вниз по матушке – Волге, к Астрахани, к Каспийскому морю. То ли идти на север – на Саратов, Самару, Казань, а там – и Москву.

Москва, Москва. Город всем городам. Вот бы куда податься. Прийти, разогнать бояр. Да рано. Силы пока не те. Пушек, пороху маловато, мушкетов. Мужики к войне не привычны. Одежка у многих рвань. Стало, идти на юг, – рассуждает Степан Тимофеевич. – Откормиться. Одеться. Войско отладить. А там... – у Разина дух захватило, – а там – всю боярскую Русь по хребту да за горло».

Сидит атаман у берега Волги, думает думы свои. Вдруг раздался крик на реке. Вначале тихий – Разин решил, что ослышался. Потом все громче и громче:

– Спаси – и-ите!

Темень кругом. Чернота. Ничего не видно. Но ясно, что кто-то тонет, кто-то бьется на быстрине.

Рванулся Разин к реке. Как был в одежде, так и бухнулся в воду.

Плывет атаман на голос. Взмах, еще взмах.

– Кто там – держись!

Никто не ответил.

«Опоздал, опоздал, – сокрушается Разин. – Погиб ни за что человек». Проплыл он еще с

десяток сажений. Решил возвращаться назад. Да только в это самое время метнулась перед ним косматая борода и дернулись чьи-то руки.

– Спаси – и-те! – прохрипел бородач. И сразу опять под воду.

«Эн, теперь не уйдешь», – повеселел атаман. Нырнул он и выволок человека. Вынес на берег. Положил на песок лицом вниз. На спину принажал коленкой. Хлынула вода изо рта у спасенного.

– Напился, – усмехнулся Степан Тимофеевич.

Вскоре спасенный открыл глаза, глянул на атамана:

– Спасибо тебе, казак.

Смотрит Разин на незнакомца. Хилый, иссохший мужичонка. В рваных портках, в холщовой разлезшейся по бокам рубахе.

– Кто ты?

– Беглый я. К Разину пробираюсь. Слыхал?

Мужик застонал и забылся.

В это время на берегу слышались голоса.

– Ба – а-тюшка! Атаман! Степа – а-н Тимофеевич!

Видать, приближенные ходили, искали Разина. Разин ступил в темноту.

Поравнялись казаки с мужиком. Наклонились, прислушались.

– Дышит!

Потащили двою спасенного в лагерь, а другие пошли дальше берегом Волги:

– Ба – а-тюшка! Атаман!

Утром есаулы доложили Разину, что ночью кто-то из казаков спас беглого человека. Только кто, неизвестно. Не признаются в казачьих сотнях.

– Видать, не всех опросили? – усмехнулся Степан Тимофеевич.

ЯИЦКИЙ КАМЕННЫЙ ГОРОДОК

Река Яик. Каспийское море. Яицкий каменный городок.

Высокие яицкие башни, стены метровы, ворота дубовы. Не городок, а твердыня.

«Тут отдыхать моим казакам, – раздумывал Разин. – Да только пойдя возьми городок Полвойска у стен уложишь».

И вот однажды Разину доложили – в степи схвачены люди. Человек тридцать. Идут в Яицкую крепость. Богомольцы. Монахи.

Хотел Разин сказать: «Людишки святые, мирные. Отпустите, пусть-ка идут». Да вдруг спохватился:

– Эй, постойте. Ведите сюда.

Явились монахи.

– Раздевайся!

Позвал казаков.

– Одевайся!

Поменялись они нарядами.

Неспокойно в Яицкой крепости. Знают стрельцы, знает начальник, что где-то Разин рядом в степи. Того и гляди под стены пожалует.

Усилил начальник охрану крепости. Строго наказал никого не выпускать и не впускать без доклада. К ночи ворота – на все засовы.

Солнце клонится к закату. Стоят дозорные в караулах. Смотрят внимательно в степь.

Вдруг видят – движется к городу группа людей. Присмотрелись – монахи.

Подошли богомольцы к воротам:

– Откройте.

Смутились охранники:

– Куда вы?

– В соборы яицкие. К иконам святым на поклон.

– Ночуйте в степи. Не велено, странники.

– Ах вы, безбожники, – зароптали монахи. – Ужо попомнит господь.

Караульные пошли, доложили начальнику.

– Сколько их?

– Душ тридцать.

– Впустите. Да смотрите, чтобы лишку не оказалось.

Тем временем стало совсем темно. Вернулись посыльные. Открыли засовы. Бородатый стрелец, впуская по одному, пересчитывать богомольцев.

Один, второй... двадцатый... тридцатый. Стойте!

– Ты что, борода. Считать не умеешь? – послышался чей-то голос. – Еще и двадцати не прошло.

«Что такое?» – растерялся стрелец.

Вот уже сорок. Вот уже пятьдесят. Вот уже и мужики поперли. Вот и лошадиная морда сунулась. Один верховой, за ним второй, за вторым – третий.

– Стойте! Стойте! – кричит охранник.

Да где тут! Подбежал к нему здоровенный детина. Зажал рот приготовленным кляпом.

Пока поняли в крепости, в чем дело, пока подняли крик, было уже поздно.

Так и достался Яицкий городок Разину без всякого боя. Правда, на улицах постреляли. Да это уже не в счет.

Был городок боярский. Стал разинский городок.

ДВЕ РУКИ

Группа беглых крестьян пробиралась на Волгу, к Разину.

Шли ночами. Днями отсыпались в лесах и чащобах. Держались подальше от проезжих дорог. Стороной обходили селенья. Шли целый месяц.

Старший среди мужиков, рябоватый дядя Митяй, поучал:

– Он, атаман Степан Тимофеевич, – грозный. Он нератных людей не любит. Спросит: владеете саблей? Говорите – владеем. Колете пикой? Колем.

Явились крестьяне к Разину.

– Принимай, отец – атаман, в войско свое казацкое.

– Саблей владеете?

– Владеем.

– Пикой колете?

– Колем.

– Да ну, – подивился Разин. Приказал привести коня. – Залезай, борода, – показал на дядю Митяя. – Держи саблю.

Не ожидал дядя Митяй проверки. «Пропал, пропал, казнит за вранье атаман». Стал он выкручиваться:

– Да мы больше пеше.

– В казаках, да и пеше? А ну-ка залазь!

– Да я с дороги, отец, устал.

– Не бывает усталости ратному человеку.

Смирился дядя Митяй. Подхватили его казаки под руки, кинули верхом на коня. Взялся мужик за саблю...

Гикнули казаки. Помчался по полю конь. Непривычно дяде Митяю в седле. Саблю впервые держит. Взмахнул он саблей, да тут же и выронил.

– Сабля с норовом, с норовом. Не дается, упрямая, – гогочут вокруг казаки.

– Зачем ему сабля? Он по ворогу лаптем, – пуще всех хохочет Степан Тимофеевич.

Обидно стало крестьянину. Набрался он храбрости. Подъехал к Разину и говорит:

– Зря, атаман, смеешься. Стань за соху – может, мы тоже потешимся.

Разгорячился от смеха Разин:

– Возьму да и встану.

Притащили ему соху. Запрягли кобылицу. А Разин, как и все казаки, от роду не пахивал

поле. Думал – дело простое. Начал – не ладится.

– Куда, куда скривил борозду? – покрикивает дядя Митяй.

– Мелко, мелко пласт забираешь. Ты глубже, глубже землю, – подсказывают мужики.

Нажал атаман посильнее – лопнул сошник.

– Соха с норовом, с норовом. Не дается, упрямая, – засмеялись крестьяне.

– Да зачем казаку соха? Он саблей землю вспашет, – похихикивает дядя Митяй.

Посмотрел Разин на мужиков. Рассмеялся.

– Молодец, борода, – похлопал по плечу дядю Митяя. – Благодарю за науку. Эй, – закричал казакам, – не за– бижать хлебопашный народ. Выдать коней, приклад. Равнять с казаками. – Потом задумался и добавил: – И пахарь и воин что две руки при одном человеке.

ТРЕТЬ АРШИНА

При взятии городов Разин строго наказывал никому из купцов не чинить обиды. Понимал Разин: без купца даже гвоздя и того не достанешь.

– Мы их не тронем, отец – атаман, – отвечали восставшие. – Они бы нас не обидели.

– Обидишь вас, – усмехнулся Степан Тимофеевич. – А обидят: обмерят, обвешают – так взыск. Моим атаманским именем.

Вступили разинцы в Астрахань. Открыли купцы свои лавки, разложили товары. Разин сам прошел по рядам. Даже купил сапожки. Красные, маленькие – гостинец для дочки своей Парашки.

Вернулся Степан Тимофеевич в свой атаманский шатер. Доволен. Бойко, мирно идет торговля.

Толпится народ у лавки купца Окаимова. Торгует купец атласом и шелком. Покупают казаки красные, зеленые, желтые штуки себе на выходные рубахи. Отмеряет купец. Отмеряет и думает: «Или я человек не торговый, чтобы при такой– то удаче и не обмерить?» Перекрестился купец и стал каждому по трети аршина недорезать.

Прошло полдня, как вдруг кто– то из казаков заметил обман. Стали казаки проверять свои штуки. И у одного, и у второго, и у пятого, и у десятого по трети аршина в куске не хватает.

– Держи его, нечестивца!

– К ответу злодея!

Схватили купца покупатели. Вытащили из лавки, тут же устроили суд. Через час дежурный есаул докладывал Разину:

– Дюже обозлился народ. Укоротили купца.

– Как – укоротили? – насупился Разин.

– На треть аршина.

– Как так – на треть аршина?!

– Голову с плеч.

– Тьфу ты! – ругнулся Разин. – Ну– ка зови обидчиков.

Явились казаки к атаману.

В страшном гневе кричит на них Разин:

– За треть аршина – жизни купца лишили! Кровью за тряпки брызнули!

– Не гневись, не гневись, атаман, подумай, – отвечают ему казаки. – Да разве в аршинах дело. Воровскую голову с плеч – лишь польза народу. Тут бы и нам, и внукам, и правнукам дело такое попомнить. Не гневись, атаман.

Остыл Разин.

– Ладно, ступайте. «Нужен, нужен купец народу, – рассуждал про себя Степан Тимофеевич. – Нельзя без торгового люда. Но и беда от него немалая, когда Окаимовы в нем заводятся. Может, и правильно решили люди».

КАЗАЦКОЕ СЛОВО

Два молодых казака, Гусь и Присевка, заспорили, кто больше народному делу предан.

– Я, – кричит Гусь.

– Нет, я, – уверяет Присевка.

– Я жизни не пожалею, – бьет себя Гусь в грудь кулаком.

– Я пытки любые снесу и не пикну, – клянется Присевка.

– Хочешь, я палец в доказ отрежу.

– Что палец. Я руку себе оттяпаю!

Расшумелись казаки, не уступают один другому.

Разин в это время проходил по лагерю и услышал казацкий спор. Остановился. Усмехнулся.

Заметили спорщики атамана. Притихли.

Посмотрел Степан Тимофеевич на молодцов.

– Ну и крикуны: жизнь, пытки, палец, рука. Хотите себя проверить?

– Приказывай, атаман! Слово даем казацкое.

– Грамоте учены?

– Нет, Степан Тимофеевич.

– Так вот. Кто первым осилит сию премудрость – тому настоящая вера.

Смутились казаки. Не ожидали такого. Ну и задал отец – атаман задачу. Однако что же тут делать? Назад не пойдешь. Слово казацкое брошено.

Не зря говорил про грамоту Разин. Нужны ему люди, умеющие писать и читать. Мало таких. Трудно крестьянскому войску.

Пошли казаки в церковь, разыскали дьячка:

– Обучай, длинногровый.

Сели они за буквы. Пыхтят, стараются казаки. Только трудно дается наука. Неделя проходит, вторая.

– Нет больше моих силушек, – плачет по – детски Гусь.

– Уж лучше бы смерть от стрелецкой пули, – стонет Присевка.

Проходит еще неделя.

– Голова моя, голова раскалывается. Помру я на этом деле, – убивается Гусь.

– За что же муки такие адовы? – причитает Присевка.

Стонут, проклиная судьбу свою казаки. Стонут, а все же стараются. Слово казацкое дадено.

Прошло целых два месяца.

– Ну, ступайте, – произнес наконец дьячок.

Словно ветром сдуло казаков – помчались быстрее к Разину.

– Осилили, отец – атаман, премудрость!

– Да ну! – не поверил Степан Тимофеевич.

– Проверь!

Протянул Разин Гусю писанный лист бумаги.

– Читай – ка.

Читает Гусь. Правда, не так чтобы очень гладко. Однако все верно, все разбирает.

– Молодец, казак! – похвалил Разин.

Достал он лист чистой бумаги, протянул Присевке.

– Пиши – ка.

Пишет Присевка. Правда, не так чтобы очень быстро. Однако все верно. Буквы не путает.

– Молодец, казак, – подивился Разин.

Приблизил Степан Тимофеевич к себе казаков. Приставил к разбору важных бумаг и сообщений. Дельными оказались они помощниками.

– Молодцы, молодцы, – не нахвалится Разин. – Не опозорили честь казацкую.

Смущаются Гусь и Присевка.

– А как же – дело народное.

Взяв Самару, Разин дальше пошел – на север, к Симбирску.

Идет вверх по Волге Разин. А в это время следом за ним поднимается струг с виноградом. Это астраханцы решили послать атаману гостинец.

– Пусть отведаст отец – атаман. Пусть и казаки ягодой этой побалуются.

Виноград отборный – райская ягода. Грозди одна к одной.

Добрался струг до Царицына. В Царицыне Разина нет. Ушли уже отряды к Саратову.

Филат Василенок, старший на струге, подал команду трогаться дальше в путь.

Добрался струг до Саратова. В Саратове Разина нет. Ушли отряды уже к Самаре.

Приздумался Филат Василенок. Лето жаркое. Дорога дальняя. Портиться стал виноград.

Половина всего осталась.

– Ну и прытко идет атаман!

Подумал Филат, все же решил догнать Разина.

– Налегай, налегай! – покрикивает на гребцов.

Налегают гребцы на весла.

Прибыли астраханцы в Самару. В Самаре Разина нет.

– О Господи праведный! – взмолился Филат Василенок. – За какие грехи наказал ты меня, несчастного?

От винограда и десятой доли теперь не осталось. Гребцы к тому же устали. В струге течь появилась.

Думал, думал Филат Василенок, крутил свою бороду. В затылке и правой и левой рукой чесал. Прикидывал так и этак. Ясно Филату – не довезет он Разину гостинец в сохранности.

Решил Василенок дальше не плыть. «Эх, была не была, раздам я виноград самарцам. Детям, – подумал Филат. – Вот кому будет радость».

Так и поступил.

Для самарцев виноград – ягода невиданная. Собрались на берегу и мал и стар.

Раздавал Василенок виноград ребятишкам, приговаривал:

– Отец – атаман Разин Степан Тимофеевич жалует.

То-то был праздник в тот день в Самаре! Виноград сочный, вкусный. Каждая ягода величиной с грецкий орех. Набивают ребята рты. Сок по губам, по щекам течет. Даже уши в соку виноградном.

Вернулся Василенок в Астрахань. Рассказал все как было. Не довез, мол, виноград Разину. Раздал его в Самаре ребятам.

– Как! Почему? – возмутились астраханцы.

Обидно им, что их гостинец не попал к Степану Тимофеевичу. Наказали они Филата. А к Разину послали гонца с письмом.

Написали астраханцы про струг с виноградом, про Филата, про самарских ребят. В конце же письма сообщили: «Бит Филат Василенок нещадно кнутами. А будет воля твоя, отец-атаман, так мы посадим его и в воду ¹. Отпиши».

Ответ от Разина прибыл.

Благодарил Степан Тимофеевич астраханцев за память, за струг. Написал и о Филате Василенке. Это место астраханцы читали раз десять. Вот что писал Разин:

«А Филатке Василенку моя атаманская милость». Далее шло о том, что жалует Разин Филата пятью соболями, то есть пятью соболиными шкурками, казацкой саблей и шапкой с малиновым верхом. «Дети, – значилось в разинском письме, – мне паче себя дороже. Ради оных и бьемся мы с барами. Ради оных мне жизни своей не жалко».

ДЕЛО БЫЛО В КРУТЫХ ЖИГУЛЯХ

Дело было в крутых Жигулях. Избили разинцы товарища.

¹ Посадить в воду – вид казни: человека сажали в мешок и бросали в реку.

Началось все с того, что собрались они на высокой круче. Смотрели оттуда на даль и ширь. Простором речным любовались. Потом незаметно завязался у них разговор. Слово за словом. Шутка за шуткой. Кончилось тем, что заспорили разницы вдруг, что бы делал каждый из них, если бы стал ца рем. Вот до чего додумались.

– Я бы досыта ел, – заявил один.

– Я бы досыта спал, – заявил второй.

– Я бы ведрами брагу пил, – прозвучал и такой ответ.

– Я бы в кафтане ходил малиновом.

Пятый тоже мыслишку под хохот вставил:

– Ой, братцы! Если бы только я стал царем, я бы на персидской княжне женился.

Потом ответы пошли посерьезнее.

– Я бы все поменял местами. Простых людишек боярами сделал, бояр превратил в холопов.

– А я бы, как батька наш Степан Тимофеевич, волю любому и землю дал.

– Я бы дворянство извел под корень.

Увлечлись, размечтались не на шутку разинцы. Начали уже говорить и о том, что не под силу царю любому, будь ты хоть первым из первых царь. В голову лезут всякие фантазии.

– Я бы скатерть завел самобранку. Бросил ее на землю. Эй, набегай, людишки, любого рода, любого племени – турок, башкир, казак. В обиде никто не будет.

– Я бы дивный город построил. Чтобы стены его – до неба, крыши – из хрусталя. Живите на славу, люди!

– А я бы так сделал, чтобы люди не знали смерти.

– Я бы придумал живую воду, чтобы поднять из могил погибших в боях казаков.

– Дал бы я людям крылья, чтобы люди выше орлов летали.

Шумно ведется спор. О красивой жизни народ мечтает. И только парень один молча стоит, прислонившись к сосне, смотрит на других удивленно и глупо глазами хлопает.

– Ну а ты бы, – полезли к нему казаки, – что бы ты сделал, если бы стал царем?

– Я- то? – переспросил парень.

– Ты- то.

– Я бы купил корову.

Сбил он ответом разинцев. Хоть и понятны его слова. В жизни парень, видать, намучился. Да не к месту его ответ. Зачем в такую минуту он с дурацкой коровой сунулся?

Обозлились на парня разинцы.

Дело было в крутых Жигулях. Побили товарища разинцы.

КАЧЕЛИ

Быстро шел вверх по Волге Разин. Истомились войска в походе. И вот в приволжском большом селе стали они на отдых.

В первый же день казаки соорудили качели. Врыли в землю столбы – в каждом по пять саженой. Выше деревьев взлетали качели.

Сбежалось к берегу Волги все село.

Визгу, смеху здесь было столько, что даже Волга сама дивилась, привставала волной на цыпочки, смотрела на шумный берег.

В полном разгаре отдых. Три дня кругом веселье.

– Эх, простоять бы нам тут неделю! – поговаривают казаки.

К Волге, к качелям, вышел и Разин.

– А ну- ка, батька!

– Степан Тимофеевич!

– Место давай атаману! Место! – кричат казаки. Потащили его к качелям:

– Красоту какую кругом увидишь!

Усмехнулся Степан Тимофеевич:

– А вдруг как не то с высоты увижу?

– То самое, то, – не унимаются разинцы. – И Волгу, и плес, и приволжские кручи. Над лесом взлетишь, атаман. Как сокол распрабишь крылья.

Залез на качели Разин. Вместе с девушкой местной, Ду– няшей. Замерло сердце у юной Дуняши. Вцепилась она в веревки.

Набрали качели силу. То вверх, то вниз, то вверх, то вниз. Разгорячился Степан Тимофеевич. Разметались под ветром кудри. Полы кафтана, как крылья, дыбятся. Глаза черным огнем горят.

Все выше и выше взлетают качели. Режут небесную синь.

– Вот это да! По – атамански, по – атамански! – кричат казаки.

Побелела совсем Дуняша:

– Ух, боязно! Ух, боязно!

– Девка, держись за небо! – смеется какой- то остряк.

Состязаются весельчаки:

– Отец – атаман, бабку мою не видишь?

– Может, ангелов в небе видишь?

– Как там Илья – пророк?

– И ангелов вижу, и бабку вижу. А вона едет в карете Илья – пророк, – отвечает на шутки Разин. А сам все время на север смотрит – туда, куда дальше идти походом. Даже ладонь к глазам подводит.

Заприметили это разинцы.

– Что там, отец – атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

– Что видишь, отец – атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

Недоумевают внизу казаки. Может, пожар атаман увидел? Может, боярские струги идут по Волге? Или вовсе какая невидаль? Прекратилось вокруг веселье. Обступили качели разинцы.

– Что видишь, отец – атаман?

Выждал Разин, когда все утихло:

– Горе людское вижу. Слезы сиротские вижу. Стоны народные слышу. Ждут нас люди добрые. На нас надеются.

Кольнули слова атамана казацкие души.

Замедлили мах качели. Спрыгнул на землю Разин. Подошел к нему сотник Веригин:

– Правда твоя, атаман. Не ко времени отдых выбран.

– Верно, верно, – загудели кругом казаки. – Дальше пошли походом.

Поднялось крестьянское войско. Сотня за сотней. Отряд за отрядом. Вздрыбилась дорожная пыль.

Остались в селе качели. Долго еще на них мальчишки взлетали в небо. И, замирая на высоте, вслед ушедшим войскам смотрели.

ЕПИФАН КУЗЬМА – ЖЕЛУДОК

Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник – Разин верхом на коне.

В тревоге живут бояре. И в Твери, и в Рязани, и в Орле, и в Москве, и в других городах и селах.

Послышится цокот копыт по дороге – затрясутся осинкой боярские ноги. Ветер ударит в окна – боярское сердце замрет и екнет.

Боярин Епифан Кузьма – Желудок боялся Разина не меньше других.

А тут еще боярский холоп Дунайка рассказывал ему что ни день все новые и новые страсти. И как назло, всегда к ночи.

Много про Разина разных слухов тогда ходило. И с боярами лют, и с царскими слугами крут. И даже попов не жалеет. А сам он рожден сатаной и какой- то морской царицей.

В общем, нечистое это дело.

– Пули его не берут, – говорил Дунайка. – Пушки, завидя его, умолкают. Перед ним

городские ворота сами с петель слетают.

– Ох, ох, пронеси, Господи! – крестился боярин Кузьма– Желудок.

– А еще он летает птицей, ныряет рыбой, – шепчет Дунайка. – Конь у него заколдованный – через реки и горы носит. Саблю имеет волшебную. Махом одним сто голов сбивает.

– Ох, ох, сохрани, Господи!

– А еще, – не умолкает Дунайка, – свистом своим, мой боярин, он на Волге суда привораживает. Свистнет – и станут на месте струги. Люди от погляда его каменеют.

– Ох, ох, не доведи свидеться!

Живет боярин как заяц – в страхе. Потерял за месяц в весе два пуда. Постарел сразу на десять лет. Последних волос на голове лишился.

Молился боярин Кузьма – Желудок, чтобы беда прошла стороной.

Не услышал Господь молитвы.

И вот однажды ночью случилось страшное. Открыл бедняга глаза – Разин стоит у постели.

Захотел закричать боярин. Но не может.

И Разин молчит, лишь взглядом суровым смотрит.

Чувствует боярин, что под этим взглядом он каменеет.

Вспомнил слова Дунайки. Двинул рукой – не движется. Двинул ногой – не движется.

– О – о!.. – простонал несчастный. Но крик из души не вышел.

Утром слуги нашли хозяина мертвым.

– С чего бы?

– Да как- то случилось!

Не понимают в боярском доме, что с барином их стряслось.

– Что- то рано Господь прибрал.

– Жить бы ему да жить.

– Может, выпил боярин лишку?

– Может, что- то дурное съел?

– Сон ему, может, недобрый привиделся? Уж больно всю ночь стонал.

... Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник.

КРАСАВЕЦ ЛЕВКА

Красавец Левка заснул в дозоре. Полагалась за это у разинцев смерть.

Однажды отправился Разин проверять, как службу несут караулы.

Ночь стояла темная. Звезд не было. Луны не видно. Небо в тучах. Выбрал Степан Тимофеевич время перед рассветом, когда дозорных особенно клонит в сон.

Идет Разин от поста к посту. То тут, то там вырываются из темноты голоса:

– Стой! Отзовись!

Отзывается Степан Тимофеевич. Узнают разинский голос дозорные:

– Здравия желаем, отец – атаман!

Надежно службу несут караулы. Доволен Степан Тимофеевич.

Прошел он шесть дозорных постов. Остался седьмой, последний. Тут и дежурил Левка. Красавец он потому, что кончик носа у него обрублен. В шутку окрестили его так казаки. Когда – то ходил он походом в Ногайские степи. В одном из боев и лишился носа.

Стоял Левка в дозоре у самой реки, на волжской круче у старых сосен.

Вышел Разин к речному откосу. Никто не отозвался на звонкий шаг.

«Что такое?» – подумал Разин. Остановился. Тихонько свистнул. Минуту прождал ответа. Свистнул погромче. Опять тишина.

Прошел Разин вдоль откоса шагов пятнадцать и тут услышал какой- то звук. Застыл атаман. Прислушался.

Да это же казацкий храп!

Приблизился Степан Тимофеевич к спящему. Левку признал в нерадивом. Казак сидел на земле. Прислонился к сосне спиной. Что- то приятное снилось Левке. Он улыбался. Голова чуть склонилась на дуло пищаля. Шапка сползла на лоб.

Стал заниматься рассвет. Спит беззаботно красавец Левка. Храпит на весь берег. Не чувствует нависшей над ним беды.

– Эка же черт безносый! – обозлился Степан Тимофеевич. Хотел разбудить казака. Потом передумал. Взяло озорство атамана. Решил он вынуть из Левкиных рук пищаль. Интересно, что Левка, проснувшись, скажет!

Легонько притронулся Степан Тимофеевич к дулу. Только потянул на себя пищаль, как тут же казак очнулся. Мигом вскочил на ноги. Разин и слова сказать не успел, как размахнулся казак пищалью. Оглушил прикладом Разина. Свалился Степан Тимофеевич с ног.

Пришиб казак человека и только после этого посмотрел, кто же под руку ему попался.

Глянул – батюшки светлы! Потемнело в глазах у Левки.

Бросился Левка к Разину.

– Отец – атаман, – тормошит. – Отец – атаман! Боже, да как же оно случилось?

Не приходит в себя Степан Тимофеевич. Удар у Левки пудовый.

Помчался Левка с откоса к Волге, шапкой воды зачерпнул. Вернулся. Бежит, спотыкаясь. Склонился над Разиным. Протирает виски и лоб.

Очнулся Степан Тимофеевич. Шатаясь, с земли поднялся. В тот же день атаманы решали судьбу казака. По всем статьям за сон в дозоре полагалась ему переклада. Однако Разин взял казака под защиту.

– Для первого раза довольно с него плетей.

– Почему же, отец – атаман?!

– За то, что пищаль удержал в руках, достоин казак смятения.

– Да он ведь чуть не порушил твою атаманскую жизнь.

– Так не порушил. Помиловал, – усмехнулся Степан Тимофеевич, проведя рукой по темени: там шишка была с кулак.

Однако неделю спустя, когда заснул в дозоре другой казак, Разин первым сказал:

– На виселицу!

Строг был Степан Тимофеевич. Ой как строг! Умел миловать, умел и карать.

ДЕСЯТЬ И СОРОК

Не был Разин святым. Мог и сам выпить. Однако приходил в страшный гнев, когда люди перепивались.

А такое случалось.

Особенно падок на вино был казак Гавриил Копейка.

Встретил Степан Тимофеевич однажды Копейку. Разило от казака спиртным, словно из винной бочки.

Почуял Степан Тимофеевич запах.

– Пьян?!

– Никак нет, отец – атаман! – нагло ответил Копейка.

А вранья Разин и вовсе терпеть не мог.

Встретил Степан Тимофеевич казака второй раз. Еле стоит на ногах Копейка. Глаза мутные – мутные. Осоловело на Разина смотрит.

– Пьян?!

– Никак нет, отец – атаман! И не нюхал.

Не тронул Разин и на этот раз казака. Но пригрозил расправой.

Не помогло.

И вот как – то казак до того напился, что уже и идти не мог.

Полз Копейка на четвереньках. Полз и наткнулся на Разина.

– Ирод! Ты снова пьян?!

– Ни – ни – как нет, о – о-тец – ата – та – ман. – Язык у казака заплетался. – Я – я ки – ки – сет обронил в тра – тра – ве.

– Ах, ирод! Ах, тараруй! ²– обозлился Степан Тимофеевич страшно. – Эй, казаки, плетей! При слове «плетей» хмель из Копейки будто выдуло ветром. Повалился он Разину в ноги.

– Прости, атаман.

– Умеешь пить, умей и похмелье принять, – сурово ответил Разин.

Когда притащили лавку и плети, Степан Тимофеевич скомандовал:

– Десять ударов!

Всыпали.

– А теперь еще сорок!

– За что же, отец – атаман?

– За вранье, за тараруйство, – ответил Разин.

Не любил Степан Тимофеевич врунов. Ложь самым великим грехом считал.

СКОРПИОН

Казак Ксенофонт Горшок втерся к Разину в доверие. Началось все незаметно, по мелочам. То прочистит Горшок атаману трубку, то пыль из кафтана выбьет, то подведет под уздцы коня. Понадобится что-то Разину – Горшок тут как тут. Даже в баню ходил со Степаном Тимофеевичем, тер атаманскую спину.

– Средство мое надежное, – говорил казакам Горшок. – Я своего добьюсь. Я первой особой при отце – атамане стану.

И правда. Не заметил Разин и сам того, как стал при нем Горшок человеком незаменимым, во всех делах чуть ли не первым советчиком. Но самое страшное – стал Горшок шептуном. Трет он в бане атаманскую спину, а сам:

– Отец – атаман, а сотник Тарас Незлобии выпил вчера лишку вина и словом недобрым тебя помянул.

Наговорил на Тараса Горшок. Вот что сказал Незлобии: «Зазря отец – атаман дал Ксенофонту большую волю».

Прочищает Горшок атаманскую трубку, а сам:

– Отец – атаман, а башкирец Амирка тоже дурное о твоей атаманской особе молвил.

А на самом деле вот что сказал Амирка: «Я бы быстро Горшка отвадил».

Подводит Горшок атаману коня, а сам и тут незаметно про кого-то Разину шепчет.

Вспыльчив Степан Тимофеевич. Крут на расправу. Попали в немилость к нему и сотник Тарас Незлобии, и башкирец Амирка. Пострадали без особой вины и другие.

Приобрел Горшок небывалую силу. Робели перед ним казаки. Боялись его доносов. Знали: если невзлюбит кого Горшок, несладко тому придется.

Правда, лихой казак Епифан Гроза пригрозил Ксенофонту расправой. Однако угроза Епифана бедой для него же самого обернулась. Исчез куда-то Гроза, словно в воду канул. Притихли и вовсе теперь казаки. Шептуна за версту обходят.

И вдруг однажды пропал Горшок. Искали его, искали. Разин был в страшном гневе, шкуру грозился спустить с любого. Не помогло. Не нашелся Горшок, словно и вовсе на свете нежил.

Лишь через неделю, когда стих атаманский гнев, признались разинцы атаману: утопили они доносчика.

Но теперь уже Степан Тимофеевич не ругал казаков, не спустил, как грозился, шкуру. Разобрался за эту неделю Разин во всем. Сам тому подивился, как так могло случиться, что при нем, при боевом атамане, и вдруг скорпион прижился.

Мало того, через несколько дней, когда новый казак решил занять при Разине то же самое место и, как Горшок, зашептал атаману на ухо: «Отец – атаман, а десятник Фома Ефимов про тебя недоброе слово молвил...» – Разин кликнул к себе казаков и тут же при всех приказал отрезать доносчику язык.

² Тараруй – враль, лжец, болтун.

РАЗИН И КАЛЯЗИН

– Батюшка Степан Тимофеевич!

– Ну что?

Сотник Титов запнулся.

– Что же молчишь?

– Боязно говорить, отец – атаман. Гневаться очень будешь.

– Ну и ступай прочь, если боязно.

Однако Титов не уходил. Уходить не уходил, но и сказать о том, ради чего пришел, тоже никак не решался.

Посмотрел удивленно на сотника Разин. Титов – казак храбрый.

Что же такое могло случиться, чтобы казак оробел с ответом?

Наконец сотник отважился.

Выслушал Разин, минуту молчал. И вот тут – то гадай: то ли взорвется сейчас атаман, то ли шутку какую бросит.

Неожиданно Разин расхохотался.

– Не врешь?

– Провалиться на месте, Степан Тимофеич.

– Так все и было? Назвался Разиным?

– Так все и было. Атаманское имя твоё использовал.

– А ну волокни сюда.

Через минуту в шатер к Разину ввели человека.

Глянул Разин – вот это да! Атаман настоящий стоит перед Разиным. И даже внешне чем-то похож на Разина. Шапка с красным верхом на голове. Зеленые сапоги из сафьяна на ногах. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Глаза черные – черные, огнем горят.

– Чудеса! – произнес Степан Тимофеевич. – Так ты, выходит, Разин и есть?

Вошедший зарозовел, смутился. Даже глаза потупил.

– По правде, Степан Тимофеич, имя мое – Калязин.

– Казак?

– Нет. Мужичьего рода.

– Чудеса! – опять повторил Разин. Переглянулся с Титовым, вспомнил недавний его рассказ.

Ходил Титов с группой казаков куда-то под Шацк. Заночевал однажды в какой-то деревне. От мужиков и узнал, что объявился где-то под Шацком Степан Тимофеевич Разин. «Какой еще Разин? – подумал сотник. – Откуда тут Разин?»

– Разин, Разин, казак, с Дона он, – уверяли крестьяне.

Разыскал Титов того, кого крестьяне называли Разиным.

– Ты Разин? – спросил.

– Разин, Степан Тимофеевич.

Понял Титов, что это самозванец. Потянулся было за саблей. Хотел вгорячах рубануть. Однако на самосуд не решился.

Схватил он с казаками шацкого Разина и привез его к Разину настоящему.

Смотрит Разин на «Разина»:

– Волю людишкам дал?

– Дал.

– Работящих людей не трогал?

– Не трогал, отец – атаман.

– Народу служил с охотой?

– Ради него на господ и шел.

– Нужны атаманы, нужны, – проговорил Разин.

– Молодец! Ну что ж, ступай. Стал атаманом – ходи в атаманах. Желаеть – будь Разиным. Желаеть – Калягиным. Зовись хоть горшком, хоть ухватом. Не дело на имени держится. Имя на деле держится.

КРИКУН И КРАСАВЧИК

На одной из стоянок казак Мишка Бычок раздобыл петуха.

– Стянул?! – полезли к нему казаки.

– Нет, – озорно отвечает Мишка. – Мне бабка одна дала.

Однако все видят, что врет шельмец – стянул петуха, конечно.

Петух оказался особенный. Внешне очень неказист. В какой-то драке лишился перьев на шее. На одной лапе не хватает пальца.

Зато...

Петушиное племя вообще непривязчиво. А этот сразу привык к казаку. Ходил за Мишкой, словно телок за маткой. И если, бывало, с Бычком кто-нибудь заговорит, сразу на того сердится. Расправит крылья. Идет как воин. Спешит отойти, а то немедля разбойник клюнет.

Куры воду не очень любят. Сторонятся прудов и рек. А этот словно из утиного яйца родился. Даже, представьте, плавал. Мишка в воду – и он за ним. Мишка на струг – и петух тенью за Мишкой.

А главное, голос у петуха оказался на редкость звонким. Своим пронзительным криком будил он всех ни свет ни заря. Сердились вначале разинцы. Хотели крикуна придушить. Однако привыкли скоро. А привыкнув, даже полюбили. На поминал им крик петушиный родные донские станицы, далекие хаты, детей и баб.

Петух погиб неожиданно, но геройской смертью. Запомнился разинцам этот день. Сидел петух на борту. День был жаркий. Палило солнце. Петька, прикрывши глаза, дремал. И вдруг привстал он на ноги, раскинул крылья и разразился особым каким-то криком. Глянули люди. Не поняли сразу. Потом разобрались. Вдоль борта ползла змея. Кто несмелый – тут же отпрянул. Другие схватились за сабли. Но Петька опередил. Налетел на гадюку. Клювом – по черепу. Пришиб он ползучую тварь.

Однако, видать, не до самой смерти. Ухитрилась гадюка ужалить его в шею. Успела смертью ответить на смерть.

Откуда на струге взялась змея? Сама заползла ли во время стоянки? Кто-то случайно с грузом ее занес? А может, был тут недобрый умысел, кто-то нарочно подбросил? Струг атаманский. Всякое может быть.

Грустили в тот день казаки. Словно что-то ушло родное.

Вскоре разинцы завели нового петуха. Но этот оказался неголосист. Воды как огня боялся. Всюду, паршивец, гадил. И хотя с виду красавцем был, однако только на суп годился.

Съели его казаки.

ТАК И ОСТАЛСЯ

Лазутка Дятлов роптал на Разина. Что бы Разин ни сделал, как бы ни поступил, выходило, со слов Лазутки, что сделал Степан Тимофеевич неверно, что как раз по – другому тут стоило поступить.

Когда в начале похода дал Разин команду идти на Астрахань, Дятлов сразу начал мутить людей:

– Заря мы идем на Астрахань. Не туда атаман ведет. Напрасно тратим время. Нам бы сразу идти на Москву, на север. Там царь и главные силы дворянства сидят.

– Нет, верно, что раньше идем на юг, – отвечали Лазутке разинцы. – Прав Степан Тимофеевич. Астрахань сильная крепость. Нельзя, чтобы у похода осталась она за спиной, боярским ножом торчала. Если Астрахань будет нашей, вся Волга у нас в руках.

Когда в Царицыне Разин приказал чинить кремль, Дятлов и здесь, как петух, шумел:

– Да чего же его чинить! Город мы взяли. Зачем нам стены? Нет бы, бревна раздать на дрова людишкам.

– Эх, Лазутка, Лазутка, местом сидячим думаешь, – отвечали Дятлову разинцы. – Пока на Руси боярство, стены и нам нужны. Рано рушить валы и крепости. Правильно сделал Разин.

Тем, что Степан Тимофеевич дал команду равнять крестьян с казаками, Дятлов и вовсе был недоволен. Ходил среди казаков, кричал:

– Да как же так можно равнять казака с мужиком? Мужик отродясь холоп, казак с малолетства вольный. Как же так, меня и холопа в одну телегу!

– Нет твоей правды, нет, – отвечают Лазутке разинцы. – В том и великая сила похода, что равняет Степан Тимофеич людей. Оттого и прут к нему новые тысячи. Мужик ли, казак, горожанин – каждый для воли и счастья рожден на свет. Вот и выходит, что Разин прав.

Не унимался Дятлов:

– Не так, не так поступает Разин.

По любому поводу с осуждающим словом Лазутка лезет.

Ругал он Разина и за то, что очень крут атаман с теми, кто засыпал в дозорах:

– Не жалеет людишек Разин, не ценит казацкую кровь!

И за то, что, заметив склонность к спиртному, приказал

Степан Тимофеевич всыпать кнутов Гавриилу Копейке.

– Что же, выпить нельзя казаку?

И даже за то, что заставил Разин Гуся и Присевку заниматься грамотой.

– Зачем же мучить зазря казаков? Что мы – поповского роду – племени! Да я бы...

– Ты бы, – смеялись в ответ казаки.

Все знали, что Дятлов завидовал Разину. Лазутка и сам норовил в атаманы. Мечгал стать хотя бы сотником, хотя бы десятником.

Только не избирали люди почему-то его в атаманы. Даже в сотники, даже хотя бы в десятники. Был он Лазуткой, да так и остался.

ТРУБКА

Была у Разина трубка. Любимая. Из ясеня.

И вот обронил Степан Тимофеевич трубку. Стоял у борта на струге. Шлепнулась трубка в воду. Буль – и пошла на дно.

– Эка напасть! – ругнулся Степан Тимофеевич. – Примета к тому же недобрая.

Трубка досталась ему от отца. А отцу, говорят, от деда.

– Да мы ее враз! – тут же вызвались казаки.

Остановили разинцы струг. Разделись. И в воду. Нырjali, нырjali. Доставали до самого дна. А Волга – река не мелкая. Запыхались. Измучились. Нет атамановой трубки. ч– Весла в воду, – скомандовал Разин.

Так и осталась трубка на дне речном.

Погрустил, конечно, Степан Тимофеевич. Да что же делать. «Что с воза упало, то пропало» – не зря в народе так говорят.

И вот как-то явились к Разину три казака:

– Получай, батюшка – атаман!

Глянул Разин – трубка. Та самая, отцовская, дедова.

Не поверил вначале Степан Тимофеевич. Покрутил в руках, посмотрел. Вот и зарубка, вот и щербинка. Вот и кольцо из меди – на месте разъема.

– Она. Та самая. Ну и лешие! – произнес Разин. Посмотрел на казаков: – Да как вы ее? Откуда?!

Переступают с ноги на ногу казаки. Пожимают плечами.

Мол, гадай, атаман, как желаешь. Как достали – дело второе.

Главное – трубка есть.

– Спасибо, – сказал Степан Тимофеевич. Отпустил казаков с поклоном.

Отпустил, а сам снова за трубку. Получше ее рассмотрел и понял, что трубка не та. Та и не та. Схожа – тут спору нет.

Две капли воды так не схожи. И все же не та.

Усмехнулся Степан Тимофеевич.

Хотел разыскать казаков. Однако того не сделал. Решил не смущать умельцев.

Курит Степан Тимофеевич трубку. Струится над ней дымок. Струится, уходит в небо. Тает в бездонном небе.

РАЗИНКА

В бою под Симбирском Разина тяжело ранило в голову.

Верные казаки везли атамана домой, на родную донскую землю. Между Волгой и Доном заночевали они на маленьком хуторе. Бережно перенесли больного в избу.

Вскоре к Разину подошел мальчик – подросток, протянул яблоко:

– Откушай, Степан Тимофеевич... Разинка.

– Что?!

– Разинкой называется, – объяснил мальчик

Брови Разина от удивления приподнялись. Задумался атаман...

Было это в 1667 году, при первом походе Разина с казаками на Волгу. Вот и тогда он ночевал на этом же самом хуторе.

Старик хозяин поутру возле дома высаживал яблони. Засмотрелся Степан Тимофеевич:

– Давай помогу.

– Доброе дело, – ответил старик.

Выкопал Разин ямку. Посадил яблоньку. Маленькую, еще без листочков. Хиленький, тоненький стебелек

– Приезжай, Степушка, через три года. Отведаете ра-зинку, – приглашал атамана старик

И вот прошло не три, целых четыре года. «Привела все же судьба, – подумал Разин. – К хорошим делам приводит».

– А где же дедусь? – спросил он у мальчика.

– Помер дедусь. Еще по весне. В самый садовый цвет. А как помирал, все кликал тебя, Степан Тимофеевич. Все про яблоньку говорил. Беречь ее и нам, и тем, что после родятся, наказывал.

Утром Разин глянул на дерево. Стояло оно молодое, пышное, сильное. Разбросало крепкие ветви в стороны. И висели на нем яркие, крупные – в два казацких кулака, душистые яблоки.

«Разинка», – произнес про себя Степан Тимофеевич. Попросил он отнести себя на могилу дедову, поклонился холмику низко – низко и скомандовал трогаться дальше в путь.

Всю дорогу Разин говорил о садах.

– Красота – то какая. По всему Дону, по всей Волге, по свету всему посадим такую прелесть. Скинем бояр – за сады возьмемся. Чтобы полыхало по весне белым огнем вокруг. Чтобы к осени ветки до корня гнулись. Да что сады – жизнь перестроим. Перепашем, перевернем сошником. Травы дурные – вон. Колос – наружу. Чтобы в радость великую людям. Чтобы счастье всему народу.

Не дожил атаман до счастливого времени, не удалось восставшим сбросить царя и бояр. После возвращения на Дон Разин был схвачен богатыми казаками. Его заковали в цепи, привезли в Москву и казнили на Красной площади.

Взлетел над головой топор палача. Взлетел. Опустился...

Погиб Степан Тимофеевич Разин. Погиб, а память осталась. Вечная память, вечная слава.

РАССКАЗЫ О ПЕТРЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

КАПИТАН БОМБАРДИРСКОЙ РОТЫ ³

Русская армия шла к Нарве.

«Тра – та – та, тра – та – та!» – выбивали походную дробь полковые барабаны.

Шли войска через старинные русские города Новгород и Псков, шли с барабанным боем, с песнями.

Стояла сухая осень. И вдруг хлынули дожди. Пооблетали листья с деревьев. Размыло дороги. Начались холода. Идут солдаты по размытым дождем дорогам, тонут по колена солдатские ноги в грязи.

Трудно солдатам в походе. На мосту при переправе через небольшой ручей застряла пушка. Продавило одно из колес гнилое бревно, провалилось по самую ось.

Кричат солдаты на лошадей, бьют кнутах. Кони за долгую дорогу отошали – кожа да кости. Напрягаются лошадеки изо всех сил, а пользы никакой – пушки ни с места.

Сгрудились у моста солдаты, обступили пушку, пытаются на руках вытащить.

– Вперед! – кричит один.

– Назад! – командует другой.

Шумят солдаты, спорят, а дело вперед не движется. Бегаеь вокруг пушки сержант. Что бы придумать, не знает.

Вдруг смотрят солдаты – несется по дороге резной возок.

Подскакали сытые кони к мосту, остановились. Вылез из возка офицер. Взглянули солдаты – капитан бомбардирской роты. Рост у капитана громадный, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, черные как смоль усы.

³ Капитан бомбардирской роты – военное звание артиллерийского офицера; бомбардиры – солдаты артиллерийских частей русской армии.

Испугались солдаты, вытянули руки по швам, замерли.

– Плохи дела, братцы, – произнес капитан.

– Так точно, бомбардир – капитан! – гаркнули в ответ солдаты.

Ну, думают, сейчас капитан ругаться начнет.

Так и есть. Подошел капитан к пушке, осмотрел мост.

– Кто старший? – спросил.

– Я, господин бомбардир – капитан, – проговорил сержант.

– Так – то воинское добро бережешь! – набросился капитан на сержанта. – Дорогу не смотришь, коней не жалеешь!

– Да я... да мы... – заговорил было сержант.

Но капитан не стал слушать, развернулся – и хлоп сержанта по шее! Потом подошел опять к пушке, снял нарядный с красными отворотами кафтан и полез под колеса. Поднатужился капитан, подхватил богатырским плечом пушку, Солдаты даже крикнули от удивления. Подбежали, навалились. Дрогнула пушка, вышло колесо из пролома, стало на ровное место.

Расправил капитан плечи, улыбнулся, крикнул солдатам: «Благодарствую, братцы!» – похлопал сержанта по плечу, сел в возок и поскакал дальше.

Разинули солдаты рты, смотрят капитану вслед.

– Ну и дела! – произнес сержант.

А вскоре солдат догнал генерал с офицерами.

– Эй, служивые, – закричал генерал, – тут государев возок не проезжал?

– Нет, ваше высочество, – ответили солдаты, – тут только и проезжал бомбардирский капитан.

– Бомбардирский капитан? – спросил генерал.

– Так точно! – отвечали солдаты.

– Дурни, да какой же это капитан? Это сам государь Петр Алексеевич!

БЕЗ НАРВЫ НЕ ВИДАТЬ МОРЯ

Весело бегут сытые кони. Обгоняет царский возок растянувшиеся на многие версты полки, объезжает застрявшие в грязи обозы.

Рядом с Петром сидит человек. Ростом – как царь, только в плечах шире. Это Меншиков.

Меншикова Петр знал с детства. Служил в ту пору Меншиков у пирожника мальчиком. Ходил по московским базарам и площадям, торговал пирогами.

– Пироги жареные, пироги жареные! – кричал, надрывая глотку, Меншиков.

Однажды Алексашка ловил рыбу на реке Яузе, напротив села Преображенского. Вдруг смотрит Меншиков – идет мальчик. По одежде догадался – молодой царь.

– Хочешь, фокус покажу? – обратился Алексашка к Пет – Схватил Меншиков иглу с ниткой и проткнул себе щеку, да так ловко, что нитку протянул, а на щеке ни кровинки.

Петр от неожиданности даже вскрикнул.

Более десяти лет прошло с того времени. Не узнать теперь Меншикова. У царя первый друг и советчик. «Александр Данилович», – почтительно величают сейчас прежнего Алексашку.

– Эй, эй! – кричит сидящий на козлах солдат.

Кони несутся во весь дух. Подбрасывает на неровной дороге царский возок. Разлетается в стороны липкая грязь.

Петр сидит молча, смотрит на широкую спину солдата, вспоминает детство свое, игры и потешное войско.

Жил тогда Петр под Москвой, в селе Преображенском. Больше всего любил военные игры. Набрали для него ребят, привезли ружья и пушки. Только ядер настоящих не было. Стреляли пареной репой. Соберет Петр свое войско, разделит на две половины, и начинается бой. Потом считают потери: одному руку сломало, другому бок отшибло, а третьему и вовсе голову пробило.

Приедут, бывало, из Москвы бояре, начнут Петра за потешные игры бранить, а он наведет на них пушку – бух! – и летит пареная репа в толстые животы и бородастые лица. Подхватят

бояре полы расшитых одежд – и в разные стороны. А Петр выхватит шпагу и кричит:

– Победа! Победа! Неприятель спину показал!

Теперь потешное войско выросло. Это два настоящих полка – Преображенский и Семеновский. Царь называет их гвардией. Вместе со всеми полки идут к Нарве, вместе месят непролазную грязь. «Как-то себя покажут старые дружки– приятели? – думает Петр. – Это тебе не с боярами воевать».

– Государь! – выводит Меншиков царя из раздумья. – Государь, Нарва видна.

Смотрит Петр. На левом, крутом берегу реки Наровы стоит крепость. Кругом крепости – каменная стена. У самой реки виднеется Нарвский замок – крепость в крепости. Высоко в небо вытянулась главная башня замка – Длинный Герман.

А напротив Нарвы, на правом берегу Наровы, – другая крепость, Иван – город. И Иван – город обнесен неприступной стеной.

– Нелегко, государь, такую крепость воевать, – говорит Меншиков.

– Нелегко, – отвечает Петр. – А надобно. Без Нарвы нам нельзя. Без Нарвы не видать моря.

«ГОСУДАРЬ, ДОЗВОЛЬ МОЛВИТЬ»

Русские под Нарвой были разбиты. Страна оказалась к войне подготовленной плохо. Не хватало оружия, обмундирования, войска были плохо обучены.

Зима. Мороз. Ветер. По снежной дороге несется резной возок. Подбрасывает седока на ухабах. Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепешками снег. Петр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Петр знал давно, еще с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдет он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскаленного железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернется Петр, по указанному месту – бух! Только искры летят в стороны.

– Так его, так! – приговаривает Демидов.

А чуть царь оплошает, закричит Никита:

– У, косорукий!

Потом уже скажет:

– Ты, государь, не гневайся. Ремесло – оно крик любит. Тут без крику – что без рук.

– Ладно уж, – ответит Петр.

И вот царь опять в Туле. «Неспроста, – думает Демидов. – Ой, неспроста царь пожаловал».

Таки есть.

– Никита Демидович, – говорит Петр, – про Нарву слыхал?

Не знает что и сказать Демидов. Скажешь еще не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слыхать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

– Да ты не хитри, не хитри, – говорит Петр.

– Слыхал, – произносит Демидов.

– Вот так-то, – отвечает Петр. – Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

– Как же не понять, государь.

– Да ведь много пушек надобно, – говорит Петр.

– Понятно, Петр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, плохи. Железа нет, леса нет. Горе, а не заводы.

Петр и Демидов молчат. Петр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там мужики в рваных одеждах и стоптанных лаптях тащат осиновое бревно.

– Вот оно, наше тульское раздолье, – говорит Демидов. – По бревнышку, по бревнышку, как нищие побираемся. – А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: – Государь,

дозволь молвить.

Петр помолчал, посмотрел на Демидова, произнес:

– Сказывай.

– Тут ездили мои людишки, – начал Демидов, – на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса – то, что тебе море – океан, конца – краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

– Урал, говоришь? – переспросил Петр.

– Он самый, – ответил Демидов.

– Слыхал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого – го сколько времени пройдет!

– Ничего, государь, ничего, – убежденно зачастил Демидов. – Дороги проложим, реки есть. Что там даль – желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живем. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки – все будет.

Смотрит Петр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждет царского слова.

– Ладно, Никита Демидович, – наконец произносит Петр, – быть по – твоему, напишу указ, поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь – и с Богом. Да смотай у меня. Знай: нет сейчас в государстве более важных дел. Запомни. Подведешь – не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Петр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Петр наказал добывать железо и строить заводы.

КОЛОКОЛА

Данилыч, – как – то сказал Петр Меншикову, – с церковью колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

– Что уставился? – крикнул на него Петр. – Медь нуж на, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

– Правильно, государь, правильно, – стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Петр не шутил. Вскоре по разным местам разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Приехали солдаты в село к темноте, въезжали под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливались разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант колокола – восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошел в дом к настоятелю – старшему священнику. Узнав, в чем дело, настоятель нахмурился, сморщил лоб. Однако встретил сержанта приветливо, заговорил:

– Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдат – шек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валенок, крестились.

Настоятель солдат накормил, принес вина.

– Пейте, служивые, ешьте, – приговаривал.

Охмелели солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел на колокольню, а там всего один колокол.

Кинулся сержант к настоятелю.

– Где колокола? – закричал. – Куда детали?

А настоятель руками разводит и говорит:

– Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

– Как один! – возмутился сержант. – Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

– Что ты, служивый, что ты! – Настоятель замахал руками. – Что ты выдумал! Это разве с пьяных глаз тебе показалось.

Понял сержант, что неспроста их вином поили. Собрал солдат, весь собор осмотрели,

подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

– Доноси, – ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе. Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в дома наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были, – говорят, – а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик – Федькой звали. Ходит за сержантом, фузею рассматривает, про войну спрашивает. Шустрый такой – все норовит у сержанта патрон стащить.

– Не балуй! – говорит сержант. – Найди, где попы коло кола спрятали, – патрон твой.

– А дашь?

– Дам.

Два дня Федьки не было. На третий прибегает к сержанту, шепчет на ухо:

– Нашел.

– Да ну! – не поверил сержант.

– Ей – богу, нашел! Давай патрон.

– Нет, – говорит сержант, – это мы еще посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах – самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспевает. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

– Давай, дяденька, давай, – подбадривает Федька, – уже скоро!

Отбежали от села версты три. С крутого берега спустились на лед.

– Вот тут, – говорит Федька.

Посмотрел сержант – прорубь. А рядом – еще, а чуть дальше – еще и еще. Сосчитал – семь. От каждой проруби тянутся примерзшие ко льду канаты. Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лед, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал сержант солдатам лошадей запрягать, а сам зашел к настоятелю, говорит:

– Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз я тогда перепутал. Покидаем мы сегодня Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас Богу.

– В добрый путь! – заулыбался настоятель. – В добрый путь, служивый. Уж я помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

– Ну, миновало, – сказал он, – пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в проруби, а там пусто.

– Ироды, богохульники! – закричал настоятель. – Уехали, увезли. Пропали колокола!

А над рекой гулял ветер, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по крутому берегу.

СЕНО, СОЛОМА

Поняли русские после Нарвы, что с необученным войском против шведа не повою – ешь. Решил Петр завести постоянную армию. Пока нет войны, пусть солдаты осваивают ружейные приемы, привыкают к дисциплине и порядку.

Однажды Петр ехал мимо солдатских казарм. Смотрит – солдаты построены, ходить строем учатся. Рядом с солдатами идет молодой офицер, подает команды. Петр прислушался: команды какие-то необычные.

– Сено, солома! – кричит офицер. – Сено, солома!

«Что такое?» – думает Петр. Остановил коня, присмотрелся: на ногах у солдат что-то навязано. Разглядел царь: на левой ноге сено, на правой – солома.

Офицер увидел Петра, закричал:

– Смирно!

Солдаты замерли. Подбежал поручик к царю:

– Господин бомбардир – капитан, рота офицера Вяземского хождению обучается!

– Вольно! – подал команду Петр.

Вяземский царю понравился. Хотел Петр за «сено, солома» разгневаться, но теперь передумал. Спрашивает Вяземского:

– Что это ты солдатам на ноги всякую дрянь навязал?

– Никак не дрянь, бомбардир – капитан, – отвечает офицер.

– Как так – не дрянь! – возражает Петр. – Солдат позоришь. Устав не знаешь.

Вяземский все свое.

– Никак нет, – говорит. – Это чтобы солдатам легче учиться было. Темнота, бомбардир – капитан, никак не могут запомнить, где левая нога, где правая. А вот сено с соломой не путают: деревенские.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

А вскоре Петр принимал парад. Лучше всех шла последняя рота.

– Кто командир? – спросил Петр у генерала.

– Офицер Вяземский, – ответил генерал.

ПРО БОЯРСКИЕ БОРОДЫ

Жили в Москве бояре Буйносов и Курносов. И род имели давний, и дома от богатства ломились, и мужиков крепостных у каждого не одна тысяча.

Но больше всего бояре гордились своими бородами. А борода у них были большие, пушистые. У Буйносова – широкая, словно лопата, у Курносова – длинная, как лошадиный хвост.

И вдруг вышел царский указ: брить борода. При Петре заводили на Руси новые порядки: и борода брить приказывали, и платье иноземного образца носить, и кофе пить, и табак курить, и многое другое.

Узнав про новый указ, Буйносов и Курносов вздыхали, охали. Борода договорились не брить, а чтобы царю на глаза не попадаться, решили притвориться больными.

Вскоре сам царь о боярах вспомнил, вызвал к себе.

Стали бояре спорить, кому идти первым.

– Тебе идти, – говорит Буйносов.

– Нет, тебе, – отвечает Курносов.

Кинули жребий, досталось Буйносову.

Пришел боярин к царю, бросился в ноги.

– Не губи, государь, – просит, – не срами на старости лет!

Ползает Буйносов по полу, хватая царскую руку, пытается поцеловать.

– Встань! – крикнул Петр. – Не в бороде, боярин, ум – в голове.

А Буйносов стоит на четвереньках и все свое твердит: «Не срами, государь».

Разозлился тогда Петр, кликнул слуг и приказал силой боярскую бороду резать.

Вернулся Буйносов к Курносову весь в слезах, держится рукой за голый подбородок, толком рассказать ничего не может.

Страшно стало Курносову идти к царю. Решил боярин бежать к Меншикову, просить совета и помощи.

– Помоги, Александр Данилыч, поговори с царем, – просит Курносов.

Долго думал Меншиков, как начать разговор с Петром. Наконец пришел, говорит:

– Государь, а что если с бояр за борода брать выкуп? Хотя казне польза будет.

А денег в казне как раз было мало. Подумал Петр, согласился.

Обрадовался Курносов, побежал, уплатил деньги, получил медную бляху с надписью: «Деньги взяты». Надел Курносов бляху на шею, словно крест. Кто остановит, привяжется, почему бороду не остриг, он бороду приподымает и бляху показывает.

Еще больше теперь загордился Курносов, да зря. Прошел год, явились к Курносову сборщики налогов, потребовали новой уплаты.

– Как так! – возмутился Курносов. – Деньги мной уже плачены! – и показывает медную бляху.

– Э, да этой бляхе, – говорят сборщики, – срок кончился. Плати давай за новую.

Пришлось Курносову опять платить. А через год еще раз. Призадумался тогда Курносов, прикинул умом. Выходит, что скоро от всех курносовских богатств ничего не останется. Только одна борода и будет.

А когда пришли сборщики в очередной раз, смотрят – сидит Курносов без бороды, злыми глазами на сборщиков глядит.

На следующий день Меншиков рассказал царю про курносовскую бороду. Петр рассмеялся.

– Так им, дуракам, и нужно, – сказал, – пусть к новым порядкам привыкают. А насчет денег это ты, Данилыч, умно придумал. С одной курносовской бороды, поди, мундиров на целую дивизию нашили.

ЧЕМУ МОЛОДЫЕ БОЯРЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ УЧИЛИСЬ

Не успели Буйносов и Курносов забыть старые царские обиды, как тут новая. Приказал Петр собрать пятьдесят самых знатных боярских сынков и послать за границу учиться. Пришлось Буйносову и Курносову отправлять и своих сыновей.

Поднялся в боярских домах крик, плач. Бегают мамки ⁴, суетятся люди, словно не проводы, а горе в доме.

Расходилась буйносовская жена:

– Единого сына – и Бог знает куда, в иноземщину, черту в зубы, немцу в пасть! Не пушу! Не отдам!

– Цыц! – закричал Буйносов на жену. – Государев приказ, дура! В Сибирь захотела, на виселицу?

И в доме Курносова крику не меньше. И Курносову пришлось кричать на жену:

– Дура! Плетью обуха не перешибешь, от царя – супостата не уйдешь! Терпи, старая.

Через год молодые бояре вернулись. Вызвали их к царю определять на государеву службу.

– Ну, рассказывай, Буйносов, сын боярский, – потребовал Петр, – как тебе жилось за границей.

– Хорошо, государь, жилось, – отвечает Буйносов. – Народ они ласковый, дружный, не то что наши мужики – рады друг другу в бороду вцепиться.

– Ну, а чему научился?

– Многому, государь. Вместо «батюшка» – «фаттер» говорить научился, вместо «матушка» – «муттер».

– Ну, а еще чему? – допытывается Петр.

– Кланяться еще, государь, научился и двойным и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею.

– Да, – сказал Петр, – многому тебя научили. Ну, а как тебе за границей понравилось?

– Уж как понравилось, государь! Хочу в Посольский приказ ⁵: уж больно мне любо за границей жить.

– Ну, а ты что скажешь? – спросил Петр молодого Курносова.

– Да что сказать, государь... Спрашивай.

– Ладно, – говорит Петр. – А скажи мне, Курносов, сын боярский, что такое есть фортификация?

– Фортификация, государь, – отвечает Курносов, – есть военная наука, имеющая целью прикрыть войска от противника. Фортификацию надобно знать каждому военному начальнику как свои пять пальцев.

– Дельно, – говорит Петр. – Дельно. А что такое есть лочия?

⁴ Мамки – так в старину в богатых домах называли женщин, которые присматривали за детьми.

⁵ Посольский приказ – так называлось в старину учреждение, которое занималось делами, имеющими отношение к другим государствам.

– Лочия, государь, – отвечает Курносов, – есть описание моря или реки с указанием на нем отмелей и глубин, ветров и течений, всего того, что помехой на пути корабля может стать. Лочия, государь, первейшее, что надобно знать, берясь за дела мореходные.

– Дельно, дельно, – опять говорит Петр. – А еще чему научился?

– Да ко всему, государь, присматривался, – отвечает Курносов, – и как корабли строить, и как там рудное дело поставлено, и чем от болезней лечат. Ничего, спасибо голландцам и немцам. Народ они знающий, хороший народ. Только, думаю, государь, не пристало нам свое, российское, хаять. Не хуже у нас страна, и люди у нас не хуже, и добра не меньше.

– Молодец! – сказал Петр. – Оправдал, утешил. – И Петр поцеловал молодого Курносова. – А ты, – сказал он, обращаясь к Буйносову, – видать, как дураком был, так и остался. За границу захотел! Ишь, тебе Россия не дорога. Пошел прочь с моих глаз!

Так и остался молодой Буйносов в неизвестности. А Курносов в скором времени стал видным человеком в государстве.

АЗ, БУКИ; ВЕДИ...

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое – где при церквях, да иногда в богатых домах имели приглашенных учителей.

При Петре стали открываться школы. Назывались они цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию.

Открыли школу и в городе Серпухове, что на полпути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждет учеников. Ждет день, второй, третий – никто не идет.

Собрался тогда учитель, стал ходить по домам, выяснять, в чем дело. Зашел в один дом, вызвал хозяина, местного купца.

– Почему, – спрашивает, – сын в школу не ходит?

– Нечего ему там делать! – отвечает купец. – Мы без грамоты жили, и он проживет. Бесовское это занятие – школа.

Зашел учитель во второй дом, к сапожных дел мастеру.

– Да разве это нашего ума дело – школа! – отвечает мастер. – Наше дело – сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошел тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чем дело. А воевода только руками разводит.

– А что я могу? – говорит. – Дело оно отцовское. Тут кому что: одному – грамота, а другому, поди, грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что помощи от него не будет. Обозлился, говорит:

– Раз так, я самому государю отпишу.

Посмотрел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: сдержит свою угрозу.

– Ладно, не торопись, – говорит, – ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел: идут солдаты с ружьями, ведут ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

– Аз, – говорит учитель. (Это значит буква «а»).

– Аз, – хором повторяют ученики.

– Буки, – говорит учитель. (Это значит буква «б»).

– Буки, – повторяют ученики.

– Веди...

Потом пошла арифметика.

– Един и един, – говорит учитель, – будет два.

– Един и един – два, – повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры складывать. Узнали, где Каспийское море, где Черное, где Балтийское. Многому научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Петр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Петр, что отцы неохотно отдают детей учиться. Решил проверить. Входит Петр в класс, а там полным – полно ребят. Удивился Петр, спрашивает учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель и рассказал все как было.

– Вот здорово! – засмеялся Петр. – Молодец воевода. Это по – нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школы ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЕТ

– Пора бы нам и свою газету иметь, – не раз говорил Петр своим приближенным. – От газеты и купцу, и боярину, и горожанину – всем польза.

И вот Петр как-то исчез из дворца. Не появлялся до самого вечера, и многие уже подумали, не случилось ли с царем чего дурного.

А Петр в это время отбирал вместе с печатным мастером Федором Поликарповым материалы к первому номеру русской газеты

Поликарпов, высокий, худой, с очками на самом конце носа, стоит перед царем навывтяжку, словно солдат, читает:

– Государь, с Урала, из Верхотурска сообщают, что тамошними мастерами отлито немало пушек.

– Пиши, – говорит Петр, – пусть все знают, что потеря под Нарвой есть ничто с тем, что желаячи можно сделать.

– А еще, государь, сообщают, – продолжает Поликарпов, – что в Москве отлито из колокольного чугуна четыреста пушек.

– И это пиши, – говорит Петр, – пусть знают, что Петр снимал колокола не зря.

– Ас Невьянского завода, от Никиты Демидова, пишут, что заводские мужики бунт учинили и теперь боярам и купцам от них житья нет.

– А это не пиши, – говорит Петр. – Распорядись лучше послать солдат да за такие дела мужикам всыпать.

– А из Казани, государь, пишут, – продолжает Поликарпов, – что нашли там немало нефти и медной руды.

– Это пиши, – говорит Петр, – пусть знают, что на Руси богатств – край непочатый, не считаны еще те богатства...

Сидит Петр, слушает. Потом берет бумаги. На том, что печатать, ставит красный крест, ненужное откладывает в сторону.

Поликарпов докладывает все новое и новое. И о том, что индийский царь послал московскому царю слона, и что в Москве за месяц родилось триста восемьдесят шесть человек мужского и женского полу, и многое другое.

– А еще, – говорит Петр, – напиши, Федор, про школы, да здорово – так, чтобы все пользу от этого дела видели.

Через несколько дней газету напечатали. Назвали ее «Ведомости». Газета получилась маленькая, шрифт мелкий, читать трудно, полей нет, бумага серая. Газета так себе. Но Петр доволен: первая. Схватил «Ведомости», побежал во дворец. Кого ни встретит, газету показывает.

– Смотри, – говорит, – газета, своя, российская, первая!

Встретил Петр и князя Головина. А Головин слыл знающим человеком, бывал за границей, знал языки чужие.

Посмотрел Головин на газету, скривил рот и говорит:

– Ну и газета, государь! Вот я был в немецком городе Гамбурге, вот там газета так газета!

Радость с лица Петра как рукой сняло. Помрачнел, нахмурился.

– Эх, ты! – проговорил. – Не тем местом, князь, мыслишь. А еще Головин! А еще князь!

Нашел чем удивить – «в немецком городе Гамбурге»! Сам знаю. Лучше, да чужое. Чай, и у них не сразу все хорошо было. Дай срок. Радуйся малому, тогда и большое придет.

ПРО ДАНИЛУ

Данила на всю округу умным мужиком слыл. О всяком деле имел свое понятие.

После Нарвы на селе только и разговоров было, что про шведов, короля Карла, царя Петра и дела воинские.

– Силен швед, силен, – говорили мужики, – не нам чета. И зачем нам море. Жили и проживем без моря.

– Вот и неправда, – говорил Данила. – Не швед силен, а мы слабы. И про море неверно. Нельзя России без моря. И рыбу ловить, и торговлю водить, для многого море надобно.

А когда колокола снимали, в деревне опять несколько дней стоял шум.

– Конец света приходит! – кричал дьякон и рвал на себе волосы.

Бабы плакали, крестились, мужики ходили угрюмые. Все ждали беды. А Данила и здесь не как все. Опять по – своему.

– Так и надо, – говорил. – Тут интерес для государства дороже, чем колокола. Господь Бог за такие дела не осудит.

– Богохульник! – назвал тогда Данилу батюшка и с той поры затаил на него великую злобу.

А вскоре Петр ввел новые налоги. Застонали мужики, потащили в казну последние крохи.

– Ну, как тебе, – спрашивали они Данилу, – новые царевы порядки? Опять верно?

– Нет, – отвечал Данила, у меня с царем не во всем согласие общее.

– Ишь ты! – огрызались мужики. – У него с царем! Нашел дружка – приятеля. Царь на тебя и смотреть не станет.

– Мало что не станет, а думать по – своему не запретит, – отвечал Данила. – Что славу государству добывает, за то Петру спасибо, а что с мужика три шкуры дерет – придет время, быть ему за это в ответе.

Соглашаются мужики с Данилой, кивают головой. А один возьми и выкрикни:

– А ты самому царю про то скажи!

– И скажу, – ответил Данила.

И сказал. Только произошло это не сразу и вот как.

Кто-то донес про Даниловы речи властям. Приехали в село солдаты, связали Данилу, повезли в Москву к начальнику, к самому князю Ромодановскому.

Скрутили Даниле руки, вздернули на дыбу, стали пытаться.

– Что про госуд аря говорил, кто надоумил? – спрашивает князь Ромодановский.

– А что говорил, то ветер унес, – отвечает Данила.

– Что? – закричал Ромодановский. – Да за такие речи на кол тебя посадить, смутьяна поганого!

– Сажай, – отвечает Данила. – Мужiku все едино, где быть. Может, на колу еще лучше, чем гнуть на бояр спину.

Разозлился князь Ромодановский, схватил железный раскаленный в огне прут и давай к голому телу Данилы прикладывать. Обессилел Данила, повис, словно мочало.

А в это время в избу вошел Петр.

– За что человек на дыбе?

– Смутьян, – говорит князь Ромодановский. – Супротив власти, государь, худое молвит.

Подошел Петр к Даниле. Приоткрыл тот глаза, смотрит – перед ним царь. Набрался тогда Данила сил и произнес:

– Эх, государь, великое ты дело затеял, да только простому люду житья не стало. Выбили все из народа, словно грабители на большой дороге. Не забудет, государь, народ про такие дела, не помянет добрым словом.

И снова закрыл Данила глаза, уронил на волосатую грудь голову. А Петра словно изнутри обожгло. Дернул головой влево, вправо, метнул гневный взор на Данилу.

– Вешай! – закричал, словно ужаленный, и пошел из избы прочь.

ГОРОД У МОРЯ

Вскоре царь Петр начал новую войну со шведами. Русские войска одержали первые победы и вышли к Финскому заливу, к тому месту, где в залив впадает река Нева.

Пустынны берега Невы: леса, топи да непролазные чащи. И проехать трудно, и жить негде. А место важное: море.

Через несколько дней Петр забрал Меншикова, сел в лодку и поехал к морю. При самом впадении Невы в море – остров. Вылез Петр из лодки, стал ходить по острову. Остров длинный, ровный как ладошка. Хохолками торчат хилые кусты, под ногами мох, сырость.

– Ну и место, государь! – проговорил Меншиков.

– Что – место? Место как место, – ответил Петр. – Знатное место: море.

Пошли дальше. Вдруг Меншиков провалился по колена в болото. Рванул ноги, стал на четвереньки, пополз на сухое место. Поднялся весь в грязи, посмотрел на ноги – одного ботфорта нет.

– Ай да Алксашка, ай да вид! – рассмеялся Петр.

– Ну и места проклятущие! – с обидой проговорил Меншиков. – Государь, пошли назад. Нечего эти болота мерить.

– Зачем же назад, иди вперед, Данилыч. Чай, хозяйничать сюда пришли, а не гостями, – ответил Петр и зашагал к морю.

Меншиков нехотя поплелся сзади.

– А вот смотри, – обратился Петр к Меншикову. – Жизни, говоришь, никакой нет, а это тебе что, не жизнь?

Петр подошел к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она смотрела на людей и не улетала.

– Ишь ты, – проговорил Меншиков, – смелая!

Птица вдруг взмахнула крылом, взлетела, стала носиться вокруг куста.

Наконец Петр и Меншиков вышли к морю. Большое, мрачное, оно верблужьими горбами катило свои волны, бросало о берег, било о гальку.

Петр стоял, расправив плечи, дышал всей грудью. Морской ветер трепал полы кафтана, то поворачивая лицевой зеленой стороной, то внутренней – красной. Петр смотрел вдаль. Там, за сотни верст на запад, лежали иные страны, иные берега.

Меншиков сидел на камне, переобувался.

– Данилыч! – проговорил Петр.

То ли Петр произнес тихо, то ли Меншиков сделал вид, что не слышит, только он не ответил.

– Данилыч! – вновь проговорил Петр.

Меншиков насторожился.

– Здесь, у моря, – Петр обвел рукой, – здесь, у моря, – повторил он, – будем строить город. У Меншикова даже ботфорт выпал из рук.

– Город? – переспросил он. – Тут, на этих болотах, город?!

– Да, – ответил Петр и зашагал по берегу.

А Меншиков держал ботфорт и смотрел удивленно и восторженно на удаляющуюся фигуру Петра.

Для строительства нового города собрали к Неве со всей России мастеровой люд: плотников, столяров, каменщиков, нагнали простых мужиков.

Вместе со своим отцом, Силантием Дымовым, приехал в новый город и маленький Никитка. Отвели Дымову место, как и другим рабочим, в сырой землянке. Поселился Никитка рядом с отцом на одних нарах.

Утро. Четыре часа. Над городом палит пушка. Это сигнал. Встают рабочие, встает и Никиткин отец. Целый день копаются рабочие в грязи, в болоте. Роют канавы, валят лес, таскают тяжелые бревна. Возвращаются домой затемно. Придут усталые, развешат около печки мокрые портянки, расставят дырявые сапоги и лапти, похлебают пустых щей и валяться на нары. Спят до утра словно убитые.

А чуть свет опять гремит пушка.

Весь день Никитка один. Все интересно Никитке: и то, что народу много, и солдат тьма – тьмушая, и море рядом. Никогда не видал Никитка столько воды. Даже смотреть страшно. Бегал Никитка к пристани, на корабли дивился. Ходил по городу, смотрел, как в лесу вырубают просеки, а потом вдоль просек дома складывают.

Привыкли к Никитке рабочие. Посмотрят на него – дом, семью вспомнят. Полюбили Никитку. «Никитка, принеси воды», – попросят. Никитка бежит. «Никитка, расскажи, как у солдата табак украл». Никитка рассказывает.

Жил Никитка до осени весело. Но пришла осень, грянули дожди. Заскучал Никитка. Сидит целые дни в землянке один. В землянке воды по колена. Скучно Никитке.

Вырубил тогда Силантий из бревна сыну игрушку – солдата с ружьем.

Повеселел Никитка.

– Встать! – подает команду.

Солдат стоит, глазом не моргнет.

– Ложись! – кричит Никитка, а сам незаметно подталкивает солдата рукой.

Наиграется Никитка, начнет воду вычерпывать. Перетаскает воду на улицу, только передохнет – а вода вновь набралась. Хоть плачь!

Вскоре в городе начался голод. Продуктов на осень не запасли, а дороги размокли. Пошли болезни. Стали помирать люди словно мухи.

Пришло время, захворал и Никитка. Вернулся однажды отец с работы, а у мальчика жар. Мечется Никитка на нарах, пить просит. Всю ночь Силантий не отходил от сына. Утром не пошел на работу. А днем нагрянул в землянку офицер с солдатами.

– Порядку не знаешь?! – закричал офицер на Силантия.

– Сынишка у меня тут. Хворый. Помирает сынишка...

Но офицер не стал слушать. Дал команду, скрутили солдаты Силантию руки, погнали на работу. А когда вернулся, Никитка уже похолодел.

– Никитка, Никитка! – тормошит Силантий сына.

Лежит Никитка, не шелохнется. Валяется рядом Никиткина игрушка – солдат с ружьем. Мертв Никитка.

Гроба Никитке не делали. Похоронили, как всех, в общей могиле.

Недолго прожил после этого и Силантий. К морозам и Силантия свезли на кладбище. Много тогда людей погибло. Много мужицких костей полегло в болотах и топях.

Город, который строил Никиткин отец, был Петербург.

Через несколько лет этот город стал столицей Русского государства.

ЗА СЛАВУ РОССИЙСКУЮ

В 1704 году русские войска вторично подошли к Нарве. Тяжелый бой закончился полной победой русских.

Петр и Меншиков верхом па конях выехали из крепости. Следом, чуть поодаль, группой ехали русские генералы. Ссутулив плечи, Петр грузно сидел в седле и устало смотрел на рыжую холку своей лошади. Меншиков, встав на стремянах, то и дело поворачивал голову из стороны в сторону и приветственно махал шляпой встречным солдатам и офицерам.

Ехали молча.

– Государь, – вдруг проговорил Меншиков, – Петр Алексеевич, гляди, – и показал рукой на берег Наровы.

Петр посмотрел. На берегу реки, задрав кверху ствол, стояла пушка. Около пушки, обступив ее со всех сторон, толпились солдаты. Взобравшись на лафет с ковшом в руке, стоял сержант. Он опускал ковш в ствол пушки, что – то зачерпывал им и раздавал солдатам.

– Государь, – проговорил Меншиков, – смотри, никак пьют. Ну и придумали! Смотри, государь: в ствол пушки вино налили! Ай да бомбардиры! Орлы! Герои!

Петр улыбнулся. Остановил коня. Стали слышны солдатские голоса.

– За что пить будем? – спрашивает сержант и выжидающе смотрит на солдат.

– За царя Петра! – несетя в ответ.

– За Нарву!

– За славный город Санкт – Питербурх!

Петр и Меншиков поехали дальше, а вслед им несло:

– За артиллерию!

– За товарищей, животы свои положивших!

– Данилыч, – проговорил Петр, – поехали к морю.

Через час Петр стоял у самой воды. Волны лизали подошвы больших Петровых ботфуртов. Царь скрестил руки и смотрел вдаль. Меншиков стоял чуть поодаль.

– Данилыч, – позвал Петр Меншикова, – а помнишь наш разговор тогда, в Новгороде?

– Помню.

– А Нарву?

– Помню.

– То- то. Выходит, не зря мы сюда хаживали, проливали кровь и пот русские.

– Не зря, государь.

– И заводы, выходит, не зря строили. И школы...

– Верно, верно, – поддакивает Меншиков.

– Данилыч, так и нам теперь не грех выпить. Не грех, Данилыч?

– Правильно, государь.

– Так за что пить будем?

– За государя Петра Алексеевича! – выпалил Меншиков.

– Дурак! – оборвал Петр. – За море пить надобно, за славу российскую.

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

ПАКЕТ

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе

Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе ⁶.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

– Не мне, – говорит. – Не мне.

– Как – не вам! – поразился посыльный. – Вам. Велено вам в собственные руки.

– Не мне. Не мне, – повторил Суворов. – Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы – ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет – все как полагается: и «графу, и «Александру Суворову.

– Александр Васильевич! – закричал. – Ваше сиятельство!

– Ну что? – остановился Суворов.

– Пакет...

– Сказано – не мне, – произнес Суворов. – Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанск прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

– Вот теперь мне, – произнес Суворов и распечатал пакет.

БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегам «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг. Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастья и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднялся он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

– Куда это? – заволновался казачий сотник.

– Вперед! – кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов – моста нет. Сожгли пруссаки мост для безопасности. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

– В воду! За мной! – и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

⁶ Клирос – в христианской церкви место, где стоят певчие во время богослужения.

– Город наш! Вперед! – закричал Суворов.
– В городе же прусские гусары! – попытался остановить Суворова казачий сотник.
– Помилуй Бог, так это и хорошо! – ответил Суворов. – Их как раз мы и ищем.
Понял сотник, что Суворова не остановишь.
– Александр Васильевич, – говорит, – прикажите хоть узнать, много ли их.
– Зачем? – возразил Суворов. – Мы пришли бить, а не считать.
Казаки ворвались в город и разбили противника.

ДЕРЗОСТЬ

Шла война с турками. Суворов был уже генералом.

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото.

Позиции для пушек – лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба, – на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий.

Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

– Дерзкий так дерзкий, – усмехался Суворов. – Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, а те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илловайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

– Суворову повезло, – говорил Илловайский. – А я что, хуже? И мне повезет.

Только Илловайскому не повезло. Повел полковник сол – дат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики.

Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат.

Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

– Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была, – оправдывался Илловайский.

– Дерзость! – кричал Суворов. – Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

– Ему людей доверять нельзя, – говорил Суворов. – При лошадях он безопаснее.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил: стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

– Как поступать будем? – спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

– Отступать надобно, – заговорили генералы. – Домой, на зимние квартиры.

– «На зимние квартиры»! – передразнил Суворов. – «Домой»! Нет, – сказал. – Русскому солдату дорога домой через Измаил лежит. Нет российскому солдату другой дороги отсель!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую

атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу – Суворов кричит:

– Отставить! Негоже как стадо баранов бегать.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

– Тут, – говорит, – лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу послов – предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

– Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены.

Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались суворовские войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

МЕДАЛЬ

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю вместе со всеми и ждал, чтобы скорее все это кончилось. Совестно было солдату.

И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

– Гренадер Шапкин, ко мне! – закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный, не шелохнется.

– Гренадер Шапкин, ко мне! – повторил Суворов.

– Ступай же, ступай, – подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз – и медаль ему на рубяху.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Одному – за то, что при – думал, как отбить у турок окопы. Другому – за турецкий штандарт ⁷. Третьему – за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

– Ну, а тебе за что же медаль? – спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да только покоя себе не находит. Подавлен. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

– Тебе что же, медаль язык придавила? – шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изглодала совесть Шапкина. Не выдержал, пошел к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

– Помилуй Бог! – воскликнул Суворов. – Награду назад!

Опустил Шапкин голову низко – низко, к самому полу, и во всем признался Суворову. «Ну, – думает, – пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

– Молодец! – произнес. – Знаю, братец, без тебя все знаю. Хотел испытать. Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль,

⁷ Штандарт – знамя кавалерийской части.

ладно, пусть полежит у меня. Только, чур, медаль твоя. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль, и великую славу.

МОСТЫ

Русские сражались в Италии. Против Суворова действовали французские генералы. Выбирали французы удобное для себя место – такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут, – решили, – при переправе мы и уничтожим Суворова».

А для того, чтобы Суворов их план не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты. Два моста, один недалеко от другого. Засучили солдаты рукава. Топоры в руки. Закипела работа. Соревнуются солдаты между собой. На каждом мосту норовят управиться первыми.

Наблюдает французские дозорные за рекой. Через каждый час доносят своим генералам, как у русских идет работа.

Довольны французские генералы. Все идет точно по плану. Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи свою армию и двинул вниз по берегу Адды.

– А мосты, ваше сиятельство? – забеспокоились саперные офицеры.

– Молчок, – приложил палец ко рту Суворов. – Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвел свою армию вниз по течению и переправил вброд, без всяких мостов на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают: мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг... Со спины, с тыла явился Суворов.

– Ура! Чудо – богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чем дело, да поздно. Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты все же достроили. Как же без мостов, раз в армии не только чудо – солдаты, но и обозы и артиллерия.

ВПЕРЕДИ И ПОЗАДИ

И ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звезды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любитесь.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин смельчак – все поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот – за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит – и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий

разъезд к Турину.

– Ваше сиятельство, – кричит казачий сотник, – отъезжайте! Место опасное!

– Нет, сотник, – отвечает Суворов, – место прекрасное. Гляди, – показал на высокие тополя, – лучшего места не надо. Завтра отсюда начнем атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подошел Пронин – бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки – все как надо указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнес:

– Храбрый всегда впереди, труса и позади убивают.

СУП И КАША

Суворовская армия совершала стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка – генеральский повар. Отстал Лушка где – то в пути, вот и томятся генералы, сидят не кормлены.

– Что же делать? – говорит Суворов. – Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

– Да нет уж, – отвечают генералы, – мы подождем. Вот– вот Лушка приедет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

– Ну, как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонек.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

– Ай да суп, славный суп! – нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

– Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия в дальнейший поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит – есть хочется. Промучились бедные до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирять же от голода. Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принялся раздавать генералам суп и кашу. Каждому дает, каждому выговаривает:

– Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат – человек. Солдат мне себя дороже.

ПРОШКА

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло! – подумал. – Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра

кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит – Суворов.

– Вставай, добрый молодец, – говорит Суворов. – Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и еще одна неприятность. При – казал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучив глаза, – вот так чудо!

– Ну, а ты что? – закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеется.

– В здоровом теле, – говорит, – здоровый дух. – И снова смеется.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

– Догоняй! – закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеется.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительных постов – и Прошка целые сутки в седле трясется, то учинит проверку ночных караулов – и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

– Да зачем мне басурманская речь? – запротивился было солдат.

– Как – зачем! – обозлился Суворов. – Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до седьмого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте – не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней верно служил Суворову.

НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ

Подошел как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

– Сколько от Земли до Месяца? ⁸

– Два суворовских перехода! – гаркнул солдат. Фельдмаршал аж крикнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат!

Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно.

«Ну, – думает, – не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не загнал солдата в тупик».

Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:

– Сколько звезд на небе?

– Сейчас, ваше сиятельство, – ответил солдат, – сочту, – и уставился в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат, не торопясь, звезды считает.

Сплюнул Суворов с досады. Ушел. «Вот так солдат! – снова подумал. – Ну, уж на третий раз, – решил фельдмаршал, – я своего добьюсь: загоню в тупик солдата».

Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:

– Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабку. Потер Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать: "Ну, братец, попался!" – как вдруг солдат вытянулся во фронт ⁹ и гаркнул:

⁸ Месяц – луна.

⁹ Во фронт – то есть стал по стойке «смирно».

– Виктория ¹⁰, ваше сиятельство.
– Вот и не Виктория! – обрадовался Суворов.
– Виктория, Виктория, – повторил солдат. – Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах не было Виктории!
Опешил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!
– Ну, раз ты такой хитрый, – произнес Суворов, – скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной.
– А та, – не раздумывая, ответил солдат, – что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...
Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.
Возвращался Суворов в свою палатку и все восхищался:
– Помилуй Бог, как провел! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй Бог, настоящий солдат! Российский!

СТОРОНИСЬ!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватывало, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привез Суворову. Осадил офицер разгоряченных коней у штабной избы, закричал:

– К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

– Уехал Суворов, – объяснили курьеру.

– Куда?

– В крепость Озерную.

Примчался офицер в Озерную:

– Здесь Суворов?

– Уехал.

– Куда?

– В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

– Здесь Суворов?

– Уехал.

– Куда?

– В Кюмень – град.

Прискакал в Кюмень – град:

– Здесь Суворов?

– Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

– Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности, – каждый раз одно и то же отвечал Прошка.

Притихнет Суворов, переждет и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов – тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит – вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи в руках, нагайка за поясом, кудри по ветру плещут.

– Удалец! Ой, удалец! – не сдержал похвалы Суворов.

¹⁰ Виктория – победа.

– Фельдъегерь, ваше сиятельство, – произнес Прошка. – Видать, не здешний, из Питера. Смотрит Суворов, любитесь. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони все ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп и саночный скрип у самого уха.

– Сторонись! – закричал офицер.

Прошка замешкал: не привык уступать дорогу.

– Сторонись! – повторил офицер, и в ту же минуту санки о санки – бух!

Вывалились Суворов и Прошка в снег, завязли по самый пояс.

Пронесся кучер, присвистнул, ветром помчался дальше.

Поднялся Прошка, смотрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по – дурному ругается.

– Тише! – прикрикнул Суворов и снова любитесь: – Удалец! Помилуй Бог, какой удалец! Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

– Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

– За что, ваше сиятельство?! – поразился курьер.

– За удаль!

Стоит офицер, понять не может. А Суворов опять:

– Бери, бери. Получай! За удаль. За русскую душу. За молодечество!

ШТЫК

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бои и походы. А днем Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрину.

– Ты, дяденька, солдат? – обратился Санька к Суворову.

– Солдат, – ответил фельдмаршал.

– Откуда идешь?

– С войны.

– Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

– Про какого это еще про Суворова?

– Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

– Нет, – говорит Суворов, – не знаю.

– Какой же ты солдат, – усмехнулся Санька, – раз не знаешь Суворова! – Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: – Ура! За мной! Чудо – богатыри, вперед!

Бегаёт Санька вокруг фельдмаршала, все норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» – подивился Суворов. А самому приятно, что имя его и дела даже детям известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

– Дяденька, подари штык.

– Зачем тебе штык?

– В войну играть. Неприятеля бить.

– Помилуй Бог! – воскликнул Суворов. – Так ведь нет у меня штыка.

– Не брешы, не брешы, – говорит Санька. – Не может быть, чтобы солдат и – штыка не было.

– Видит Бог, нет, – уверяет Суворов и разводит руками.

– А ты принеси, – не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к старому дубу, прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! – ругнулся Санька. – Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Санькиной избе подскакал верховой, вызвал мальчика, передал

сверток.

– От фельдмаршала Суворова, – проговорил.

Разинулся от неожиданности Санькин рот да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на сверток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое случиться, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

– Разворачивай! Разворачивай! – кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками сверток – штык.

– Суворовский, непобедимый! – закричал Качкин.

– Господи, штык, настоящий! – перекрестились бабы.

– Покажи, покажи! – потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришел в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери, и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам.

Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу с Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берег суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол ему сшил, чистил, носил за собой как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он вместе со штыком ушел на войну и по – суворов – с киле не поиятеля.

ПУДРА НЕ ПОРОХ

Император Павел Первый принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору все русское, любил он все иностранное, больше всего немецкое. Вот и решил Павел на прусский, то есть немецкий, манер перестроить российскую армию. Солдат заставили носить длинные косы, на виски наклеивать букли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата – чучело, а не русский солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, четко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» – говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад. Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудо – богатырей. Нет ни удали, ни геройства. Идут солдаты как заводные. Только стук – стук каблуками о мостовую. Только хлесть – хлесть косами по спине. А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

– Гляди, гляди, еще немного – и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передернулся.

– Радость, ваше величество, невелика, – ответил. – Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

– Да ты смотри, смотри – косы какие! А букли, букли! Какие букли!

– Букли, – фыркнул фельдмаршал.

Император не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул в старую русскую форму, до сих пор не смененную фельдмаршалом, закричал:

– Заменить! Немедля! Повелеваю!

Тут – то Суворов и произнес свою знаменитую фразу.

– Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, а я не немец, ваше величество, а природный русак! – и уехал с парада.

Павел разгневался и отправил упрямого старика в ссылку в село Кончанское.

САЛО

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел в последний поход своих чудо – солдат Суворов.

Вьюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Идут солдаты, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжелые пушки, несут помороженных и хворых своих товарищей. А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту – бой. Пройдут еще несколько – бой.

Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Голодно солдатам в походе. Сухари от ненастной погоды размокли и сгнили. Швейцарские селения редки и бедны. Ели лошадей, копали корни в долинах. А когда кончились корни и лошади, взялись за конские шкуры.

Исхудали, изголодались вконец солдаты. Затянули ремни на последние дырки. Идут, вздыхают, вспоминают, как пахнут щи, как тает на зубах каша.

– Хоть бы каравай хлеба! – вздыхают солдаты. – Хоть бы сала кусок!

И вдруг в какой-то горной избе солдаты и впрямь раздобыли кусок настоящего сала. Кусок маленький, размером с ладошку. Обступили его солдаты. Глаза блестят, ноздри раздуваются.

Решили солдаты сало делить и вдруг призадумались: как же его делить – тут впору одному бы наестся.

Зашумели солдаты.

– Давай по жребию, – предлагает один.

– Пусть съест тот, кто нашел первым, – возражает второй.

– Нет, надо каждому, каждому! – кричит третий.

Спорят солдаты.

И вдруг кто-то произнес:

– Братцы, а я думаю так: отдадим-ка сало Суворову.

– Правильно! Суворову! Суворову! – понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прошку, отдали ему сало, наказали вручить фельдмаршалу.

Довольны солдаты. И Прошка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сала хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прошка к Суворову.

– Сало? – подивился тот. – Откуда такое?

Прошка и рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

– Дети, богатыри! – прослезился Суворов. Потом повернулся к Прошке и вдруг закричал:

– Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сало...

– Так на то они и солдаты, – стал оправдываться Прошка.

– Что – солдаты?.. – не утихает Суворов. – Солдат мне дороже себя. Немедля ступай, верни сало. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

– Так они же сами прислали, – упирается Прошка. – Да что для них кусок с ладонь! Тут лизнуть каждому мало. Вон их сколько, а сала как раз на одного.

Глянул Суворов на сало. Правда, кусок невелик.

– Хорошо, – согласился Суворов. – Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прошка снова уперся:

– Раненым? Да куда им сало? Да им помирать пора!

– Бесстыжая твоя душа! – заревел Суворов и потянулся за плеткой.

Понял Прошка, что дело может дурно кончиться. Подхватил сало и помчался к санитарной палатке.

На следующий день солдаты повстречали Прошку.

– Ну, как сало? – спрашивают. – Ел ли фельдмаршал? Что говорил?

Только Прошка собрался открыть рот, а тут рядом появился Суворов.

– Детушки! – произнес. – Богатыри! Отменное сало. С детства не едал такого. Стариковское вам спасибо! – и низко поклонился солдатам.

У Прошки от удивления глаза на лоб. А солдаты заулыба лись, отдали фельдмаршалу честь, повернулись и направились к себе в роту.

– Понравилось, – перешептывались они по пути. – Вон как благодарил. Сало – оно такая вещь, что и фельдмаршалу не помешает.

«ВИЖУ!»

Закончив арьергардный бой с противником и подобрав раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

– Не отставай, не отставай! – кричит Луков. – Раненых вперед!

Перетаскивали раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперед – не видать ли походных костров. Кругом кремешная тьма. Слепит глаза выюга. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица. Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Все тише и тише солдатский шаг.

– Не отставай! Не отставай! – кричит Луков.

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей – не пойдем дальше. Повалились солдаты на камни.

– Вперед! Вперед! – надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдат в поход. Изнемог Луков, посмотрел еще раз в темноту – не видно костров, опустился и сам на камни.

И вдруг:

– Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

– Видит! Видит! – понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья – и снова в дорогу. Повеселели солдаты. Ай да Кожин! Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что- то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

– Где твои костры? Соврал?

– Вижу! Вижу! – по – прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперед.

Всматриваются солдаты – ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

– Не пойдем дальше!

– Не верьте ему!

– Братцы! – кричит Кожин. – Вижу. Ей – богу, вижу! Теперь уже совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают, – и снова тычет пальцем вперед.

Бранятся, ропщут солдаты, а все же идут.

Тропа огибала какой- то выступ. Завернули солдаты за скалу, и вдруг внизу, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

– Видишь? – переспрашивают друг у друга.

– Вижу!

– Вижу!

– Вижу!

– Ай да Кожин! Ай да молодец! Ай да глазастый! – кричат солдаты. – Первым увидел. Ура Кожину!

Сорвались солдаты с места и рысцой вниз, к кострам, к теплу, к боевым товарищам.

Притащили и носилки с Иваном.

– К огню его, к огню, – кричат. – Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

– Братцы, да он же слепой! – прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

ГЕНЕРАЛАМ ГЕНЕРАЛ

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашел в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

– Ну и каша, дельная каша! – нахваливает Суворов. – Давно такой не едал. И винцо дельное. Не грех за российского солдата такое винцо выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

– Дельное вино, – хвалят солдаты. – Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прошка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

– Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? – стали спрашивать они у суворовского денщика.

– А чего тут непонятного? – отвечал Прошка. – Тут все ясное. Генералиссимус надо разуместь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

– Ты смотри! – произнес парень в онучах ¹¹.

– А что, верно! – вставил хилый мужичонка в драных портках.

– Заслужил, – согласился мужик с бородой.

А Суворов в это время стоял на крыльце и все слышал.

– Не я! Не я! – закричал он с порога. – Не я, – повторил, подойдя к мужикам. – Вон Прошка мой самый главный. Вон тот, – ткнул в сторону рябого высоченного солдата. – Вот этот, – показал на приземистого седоусого капрала. – Вот они, – обвел рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей.

Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

– Пошутил барин, – наконец обронил парень в онучах.

– Чудное что-то сказал, – произнес хилый мужичонка.

– Эх, вы! – заявил мужик с бородой. – Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе – русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

СЛАВА

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

– Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

– Это потому, ваше сиятельство, – отвечает солдат, – что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видеть, генералу суворовской славы.

¹¹ Онучи – куски плотной ткани, которые наворачивались на ноги при ношении лаптей или сапог.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

– Что же это слава у меня не растет?

– Это потому, ваше сиятельство, – отвечает солдат, – что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по– солдатски.

Стал и Барохвостов спать по – солдатски – на жестком сене в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мерзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло еще несколько дней, а генеральская слава все не растет. И снова он вызвал солдата:

– Говори, какой еще секрет у Суворова?

– А тот, – отвечает солдат, – что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчиненных, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмеваются.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата – со– ветчика.

– Как же так, – возмущается князь Барохвостов. – Щи и кашу ем, на соломе сплю, ласковые слова солдатам говорю, – почему же слава ко мне не идет?

– Это потому, ваше сиятельство, – отвечает солдат, – что и это еще не все.

– А что же еще? Какие еще секреты у Суворова?

– А те, – отвечает солдат, – что Суворов умеет бить неприятеля по – суворовски.

Только как- то с этим у Барохвостова не получалось.

Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

РАССКАЗЫ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

ИДУТ ПО МОСТУ СОЛДАТЫ

1812 год. Лето. Мост через реку Неман. Граница России. Колонна за колонной, полк за полком идут по мосту солдаты. Слышна непонятная речь. Французы, австрийцы, пруссаки, саксонцы, итальянцы, швейцарцы. Жители Гамбурга, жители Бремена, голландцы, бельгийцы, испанцы. Идут по мосту солдаты.

– Императору слава!

– Франции слава!

– Слава, слава, слава! – несется со всех сторон на чужих наречиях.

Наполеон сидит верхом на рослом арабском коне, смотрит на переправу. Задумчив император французов. Треугольная шляпа надвинута низко на лоб. Мундир застегнут до самого верха. У глаз собрались морщинки.

Сзади, образовав полукруг, в почтительном молчании замерла свита. Слышно, как в утреннем небе прожужжал деловито шмель.

Неожиданно Наполеон поворачивается к одному из своих приближенных. Это генерал Коленкур.

– Вы не француз! – кричит император.

Коленкур не отвечает.

– Вы не француз! – с еще большим озлоблением выкрикивает Наполеон.

Дерзкие слова произнес Коленкур вчера на военном совете. Единственный из всех маршалов и генералов он был против похода в Россию:

– Это дорога в ад.

– В моем лагере русские, русские! – кричал Наполеон, показывая на Коленкура.

Вот и сегодня он не может спокойно смотреть на генерала:

– Отрастите русскую бороду, – издевается Наполеон. – Наденьте армяк и лапти.

Из-за недалекого леса подымается солнце. Сначала маленький пламенеющий бугорок ожег синеву, затем словно кто-то в русской печке открыл заслонку, брызнул огненный полукруг, и вот уже ослепительный, пылающий шар выкатился в небо.

Наполеон привстает в стремях:

– Вот оно, солнце Аустерлица! ¹²

– Императору слава!

– Франции слава!

– Слава, слава, слава! – несется со всех сторон.

Красные, желтые, синие мелькают кругом мундиры. Цвета неба, цвета пепла, цвета лесной травы. Очумело бьют барабаны. Надрываются армейские трубы и дудки. Слышится топот солдатских ног.

Идут по мосту солдаты. Час, второй, третий. День, второй, третий. Идут по мосту солдаты. На гибель свою идут.

СКАЗКА СТАРОГО КАПРАЛА

Верста за верстой, верста за верстой отступают, отходят русские. Идут они полем, идут они лесом, через реки, болота, по холмам, по низинам, по оврагам идут. Отступает русское войско. Нет у русских достаточных сил.

Ропщут солдаты.

– Что мы – зайцы трусливые?

– Что в нас – кровь лягушачья?

– Где это видано: россиянин – спиной к неприятелю!

¹² В Австрии под городом Аустерлицем Наполеон одержал одну из наиболее значительных своих побед.

Рвутся солдаты в бой.

Русских армий две. Одна отступает на Вильну, на Дриссу, на Полоцк. Командует ею генерал Барклай де Толли. Вторая отходит южнее. От города Гродно на Слуцк, на Бобруйск. Старшим здесь генерал Багратион.

У Наполеона войск почти в три раза больше, чем у Барклая и Багратиона, вместе взятых. Не дают французы русским возможности соединиться, хотят разбить по частям.

Понимают русские генералы, что нет пока сил у русских справиться с грозным врагом. Сберегают войска и людей. Отводят свои полки.

– Э – эх, да что же оно творится?! – вздыхают солдаты.

– Пропала солдатская честь!

Шагает вместе со всеми старый капрал. Смотрит он на своих товарищей:

– Хотите, сказку скажу?

– Сказывай.

Собрались на привале солдаты в кружок, расселись, притихли.

– Давно ли то было, недавно, – начал капрал, – дело не в том. Только встретил как-то в лесу серый волк лосенка. Защелкал злодей зубами:

«Лосенок, лосенок, я тебя съем».

«Подожди, серый волк, – говорит лосенок. – Я же только на свет народился. Дай подрасту».

Согласился лесной разбойник. Пусть погуляет телок, пусть нальется мясом.

Долго ли, скоро ли время шло – дело не в том. Только опять повстречал серый волк лосенка. Смотрит – подрос за это время телок. Рожки пробились. Копытца окрепли. Не телок перед волком – подросток лось. Защелкал злодей зубами:

«Лось, лось, я тебя съем».

«Хорошо, серый волк, – отвечает лось. – Только дай попрощаться с родимым краем».

«Прощайся», – ответил волк.

Пошел молодой лось по родному краю, по полям, по лесам, по дубравам. Ступает он по родной земле, силу в себя вбирает. И волк по следу бежит. Притомился в пути разбойник: шерсть облезает, ребра ввалились, язык как чужой, из пасти наружу торчит.

«Стой, стой!» – голосит злодей.

Долго ли, скоро ли время шло – дело не в том. Только остановился однажды лось. Повернулся навстречу волку. Глянул тот, а это не просто лось – стоит перед ним сохатый. Защелкал серый зубами:

«Сохатый, сохатый, я тебя съем».

Усмехнулся лесной красавец:

«Давай подходи».

Бросился волк вперед. Да только силы теперь не те. Лосенок теперь не тот. Поднялся богатырь на задние ноги, ударил волка пудовым копытом, поднял на рога и об землю – хлоп! Кончился серый.

Капрал замолчал.

Задумались над сказкой солдаты.

– Видать, неглупый телок попался.

– В сохатого вырос!

– Э, постой, да в сказке твоей намек.

– К отходу, к отходу! – раздалась команда.

Вскочили солдаты. Построились в ряд. Подняли головы. По полям, по лесам, по дубравам, по низинам идут солдаты. Не по чужой, по родимой земле идут.

«ГДЕ ЖЕ ОНИ, ГЕРОИ?»

Соединились русские армии под Смоленском, приняли бой.

Два дня французы штурмуют город.

Атака. Снова атака. Еще одна.

Топот солдатских ног. Звериный рев пушек. Груды людей побитых.

Рвутся солдаты навстречу французам. Не ожидая команд, ударяют в штыки. Безрассудны герои. Картечь так картечь. Гранаты – пусть будут гранаты. Нет страха в солдатских душах. Один на роту французов лезет. Двое – на целый полк.

Бьются рядом полки: Симбирский, Волынский, Уфимский. Бьются другие полки и роты. Не уступают в геройстве сосед соседу.

Солдат из симбирцев Егор Пинаев ранен штыком в ключицу. Хлещет по телу кровь. Не слышит Пинаев боли:

– В атаку! В атаку!

Оторвало волынцу Петру Занозе гранатой ухо. Вытер Заноза кровь, шуткой других забавляет:

– Муха не птица, овца не волчица, ухо не голова.

Уфимцу Рассаде перебило картечью ноги. Рухнул на землю солдат. Лежа целит во врага, стреляет:

– Братцы, вперед!

Бьются герои. Льется потоками кровь.

К исходу второго дня от страшной вражеской канонады загорелся город Смоленск. Пламя рванулось к небу. Рассыпались в разные стороны тысячи искр. Дым повалил по улицам, повис над Днепром. С треском рушатся здания. Нечем дышать от гари. Негде укрыться от пламени. Бушует, мечется огненный водоворот, идет по холмам смоленским.

Бьются симбирцы, волынцы, уфимцы. Бьются другие полки и роты. Неведом героям страх.

Подходят на помощь французам все новые и новые части. Понимает Барклай де Толли: не осилить русским французов, ночью отдал войскам приказ отойти.

Снялись полки с позиций, бесшумно ушли за Днепр. Меряют новые версты.

Шагает в строю Пинаев. Шагает в строю Заноза. Везут на возу Рассаду.

Проходят симбирцы, волынцы, уфимцы. Проходят другие полки и роты.

Проезжает вдоль войск генерал Барклай де Толли.

– Привет героям!

Переглядываются солдаты: «Кому это Барклай де Толли кричит привет?»

– Видать, волынцам, – решают симбирцы.

– Видать, уфимцам, – решают волынцы.

– Видать, симбирцам, – решают уфимцы.

Озираются солдаты по сторонам: «Где же они, герои?»

ВОЕННЫЙ МАНЕВР

Пелегкая жизнь досталась Кутузову. Нелегкая, зато славная.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Кутузову исполнилось 67 лет.

Много всего позади. Не счесть боев и походов. Крым и Дунай, поля Австрии, Измаильские грозные стены. Бой под Алуштой, осада Очакова, у Кагула упорный бой.

Трижды Кутузов был тяжело ранен – дважды в голову, раз в щеку, лишился правого глаза.

Пора бы уже в отставку, на стариковский покой. Так ведь нет – помнит народ Кутузова. Вот и сейчас. Собирайся, мол, старый конь.

Кутузов едет к войскам. Новый главнокомандующий едет.

Рады солдаты. «Едет Кутузов бить французов», – идет по солдатским рядам.

Бегут рысаки по дороге. Солнце стоит в зените. Мирно гудят стрекозы. Ветер ласкает травы.

Едет Кутузов, сам с собой рассуждает: «Плохи, плохи наши дела. Нехорошо, когда армия отступает. Непривычно для русских солдат этакое. Орлы! Да ведь силы наши пока слабы. Армию сберечь надо. Смерть без армии государству Российскому. Но и солдат понимать нужно. Душу русскую понимать».

Прибыл Кутузов к войскам.

– Ура! – кричат главнокомандующему солдаты. – Веди нас, батюшка, в бой. Утомились, заждались.

– Правда ваша, правда, – отвечает Кутузов. – Пора унять супостата.

Довольны солдаты, перемигиваются: вот он, настоящий боевой генерал.

– Что мы – не русские? – продолжает Кутузов. – Что нам, в силе Господь отказал? Что нам, храбрости не хватает? Сколько же нам отступать!

– Вот это слова!

– Ура генералу Кутузову!

Довольны солдаты. «Ну, братцы, ни шагу назад. Не сегодня – завтра решительный бой».

Спокойно заснули солдаты. Пробудились на следующий день, им объявляют первый приказ Кутузова. В приказе черным по белому значится: продолжать отступление. Зароптали солдаты:

– А бой?

– Что-то непонятное, – разводят они руками.

– Может, приказ от старых времен остался?

Увидели солдаты Кутузова:

– Ваша светлость, так что же, опять отступление? Посмотрел на солдат Кутузов, хитро прищурил свой единственный глаз:

– Кто сказал отступление? Сие есть военный маневр!

НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Кутузов читал письмо:

«Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!..»

Письмо было от старого друга – генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, бывшие походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писалось письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне, молодом офицере Гришеньке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе пригреть Гришеньку, взять в штаб, а лучше всего – в адъютанты.

– Да – а, – вздохнул Кутузов. – Не с этого мы начинали. Видать, молодежь не та уже нынче. Все ищут, где потеплее, где жизнь поспокойнее. Все в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным. Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл.

Смотрит Кутузов – стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ как тростинка. На губах пух, ни разу не тронутый бритвой.

Даже смешно стало Кутузову. «Да, не та пошла молодежь, офицерство теперь не то. Хлипкость в душе и теле».

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

– Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никоди-мыча – шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит:

– Ваша светлость!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнет благодарить.

– Ступай, ступай!

– Ваша светлость!.. – опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка какой прилипчивый».

– Ну что тебе?

– Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в армию к князю Петру Багратиону, – пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой. «Дитё, как есть дитё». Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посылать такого птенца под пули...

– Не могу, не могу, – говорит. – Батюшке твоему другое обещано.

Дрогнули у офицера губы. Ну, право, вот – вот расплачется.

– Не могу, – повторил Кутузов. – Да куда тебе в полк! Тебя и солдаты в бою не приметят. Обиделся офицер:

– Так и Суворов ведь был не саженного роста.

Кутузов удивленно поднял глаза. Понял он, что

Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину прячется. Подошел фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

– Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало... – Кутузов не договорил: стариковская слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

– Ступай, – махнул рукой наконец Кутузов. – Быть посему. лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Петр Никодимович!

Радость Господь послал мне великую. Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобою явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах..." Получив письмо, старый генерал долго ломал голову: «При душе – как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле. Видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

ТАТАРИН

У города Гжатска солдаты хоронили погибших товарищей. Вырыли большую могилу. Место выбрали высокое, на холме у трех сосен.

Глянешь отсюда налево – речки – певуны крутой изгиб. Глянешь направо – бежит дорога. Посмотришь вперед – поля и поля, необъятная даль России.

Спите спокойно, герои.

Перенесли солдаты погибших на холм, положили у края могилы. Ждут армейского батюшку для отпевания.

Лежат, как в строю, убитые. Только глаза закрыты. Руки у всех на груди. Разные лица: молодые и старые, худые, полные, усатые, с пухом вместо усов, с густыми бровями, с редкими, а вот и совсем безбровый, широкой лопатой скулы.

– Так это ж татарин!

Смотрят солдаты. Как же им быть? Татарин ведь другой, не христианской веры. Какое ж ему отпевание? Как бы, того, не покарал Господь за такое дело.

Сгрудились, перешептываются между собой.

– Конечно, оно не по праву, – говорит один солдат. – Да ведь вместе сражались. Погиб за Россию. Хоть и не христь– янская, а тоже солдатская кровь. Нет, нельзя, не по – христь– янски его в сторонку. Пусть остается со всеми.

Явился батюшка, вынул кадило, пригладил бороду, приготовился. Только хотел начинать отпевание, видит – лежит татарин.

Нахмурился батюшка.

– Убрать!

Не шевелятся солдаты.

– Убрать, – повторил священник.

– Ваше преподобие, – взмолились солдаты, – пусть остается. Он же солдат. Господь не осудит.

Перекосилось от слов подобных лицо священника. Скула с бородой отвалилась, открылся и замер, словно в распорках, рот.

– Богохульники! – заревел батюшка. – Хриstopродавцы! Кайтесь, кайтесь святым

угодникам!..

Переглянулись солдаты: не речи, а гром. Хотели они идти на попятную. Да что-то их удержало. Братство, видать, солдатское.

В это время мимо трех сосен ехал Кутузов. Видит: священник, могила, лежат убитые. Снял Кутузов фуражку, слез с лошади, перекрестился:

– В чем дело, ваше преподобие?

Объяснил священник, в чем дело. Посмотрел Кутузов на побитых солдат, на татарина, посмотрел на живых солдат, обратился к священнику:

– А нельзя ли солдат уважить?

– Ваша светлость, побойтесь Бога!..

– Ладно, ладно, – поморщился главнокомандующий. Глянул опять на солдат, опять на священника, показал на кадило. – Дай-ка сию вещицу.

Поп растерялся и отдал.

Кутузов взял и сам замахал кадилом.

ПЕРЕД БИТВОЙ

Подымись на колокольню церкви, что стоит в самом центре села Бородино. Осмотрись внимательно по сторонам.

Здесь на огромном, изрытом оврагами поле 7 сентября 1812 года вскипела бессмертная битва. Великая слава России крепла на этих полях. Далекие прадеды наши завещали ее потомкам. Поклонись великому полю. Поклонись великому мужеству.

Помни!

Знай!

Не забудь!

...Перед зарею, еще в темноте, никому не сказав ни слова, Кутузов сел на коня и, не доезжая версты полторы до Бородина, остановился на холме у небольшой деревеньки Горки. Он еще с вечера облюбовал это место. Тут во время боя будет ставка Кутузова...

Вправо уходит речка Колоча, образуя развилку с Москвой – рекою. Здесь начинался правый фланг русских позиций. Линия русских полков пересекала новую Смоленскую дорогу и уходила без малого на целых семь верст далеко налево, где за Семеновским ручьем и селом Семеновским, у старой Смоленской дороги, лежала деревня Утицы.

В нескольких местах на возвышениях стояли русские батареи. Одной из них, той, что называлась Кургановой, суждено было стать главным местом Бородинской битвы.

Это знаменитая батарея Раевского. Левее ее, за селом Семеновским, были вырыты флеши – окопы углом к противнику. Это знаменитые Багратионовы флеши.

Правый фланг русских войск занимала армия Барклай де Толли. Левый – армия, которой командовал Багратион.

В нескольких верстах от основных сил в низинах и перелесках были укрыты резервные полки, казаки и кавалеристы.

...Темно. Молча сидит на коне Кутузов. Не столько видит, сколько по свету догорающих бивачных костров угадывает расположение войск противника. Не столько слышит, сколько острым чутьем бывалого воина улавливает передвижения в неприятельском лагере.

Не торопясь Кутузов слезает с коня. Трудно ему без помощи. Стар, телом грузен. Не вернешь молодые годы.

Кряхтя главнокомандующий становится на колени, нагибается, прикладывает ухо к земле. Проверяет свои догадки. Без ошибки, как музыкант, определяет Кутузов малейшие звуки в ночной тишине.

Затем он поднимается. Снова садится верхом на коня. И снова смотрит и смотрит в ночную даль.

На востоке проглянула первая полоска зари. Грачи завоились на ветлах. Конь под Кутузовым заскреб траву копытом, тихо заржал. Подскакали обеспокоенные адъютанты, генералы из кутузовской свиты, офицеры из штаба. Окружили они Кутузова.

Все светлее, светлее восток. Округа с холма словно на ладони. Притихло, замерло все. Недвижимы войска. Немота над полями. Лишь тучки над лесом крадутся кошачьим шагом.

И вдруг рванули пушки. Провалилась, как в топь, тишина. Ударил час Бородинской битвы.

ГДЕ ИСКАТЬ БАГРАТИОНА?

Размещая войска перед битвой, на левый фланг Кутузов поставил армию Багратиона. Место здесь самое опасное. Подходы открытые. Понимает Кутузов, что тут французы начнут атаку.

– Не мало ли войска у князя Петра? – заволновался кто-то из штабных генералов.

– Там же Багратион, – ответил Кутузов. – Это удвоит силы.

Как и думал Кутузов, Наполеон действительно ударил с левого фланга. Взять Багратионовы флеши, а потом уже бросить войска на центр – таков план императора.

130 французских пушек открыли огонь. Три кавалерийских корпуса ринулись к флешам. Десятки пехотных полков смешались на малом месте. Лучшие маршалы Франции Ней, Даву и Мюрат лично ведут атаку.

– На одного генерала столько маршалов! – шутят в русских войсках.

– Князю Багратиону хоть пять давай!

– Держись, не робей, ребята!

За атакой идет атака. Страха не знают французы. Лезут на флеши вместо убитых новые герои.

– Браво, браво! – кричит Багратион. Не может сдержать похвалы героям.

Но и русские сшиты не ржавой иглой. Не меньше у русских отваги. Сошлись две стены. Бьются герой с героем. Не уступает смельчак смельчаку. Словно коса и камень. Русские ни шагу назад, французы ни шагу вперед. Лишь курганы растут из тел убитых.

Не стихает бой у флешей. Солнце уже высоко. Не сдаются упрямые флеши.

Негодует Наполеон. Срывается план императорский.

Посылает он двести, триста, четыреста пушек. Грозен приказ императора:

– Все силы на левый фланг!

Бросаются в битву новые силы.

– Ну как, отступил Багратион?

– Нет, ваше величество.

Скачут от Кутузова к Багратиону посыльные. Везут приказы, наказы, распоряжения. Трудно в бою разыскать генерала. Багратион не сидит на месте.

– Не генерал я, а первый солдат, – любит он шуткой ответить.

Ишут курьеры князя Петра.

– Туг он, – решают.

– Генерал вон там, – посылают курьеров в другое место.

Прискачут туда посыльные.

– Был да отбыл, – слышат в ответ.

Скачут дальше курьеры. И опять без удачи. Теряют посыльные драгоценное время. Пот у коней проступает.

И лишь один офицер Воейков, как только получит приказ от Кутузова, сразу же Багратиона находит.

Завидно другим посыльным. «Эка удачлив какой Воейков». Стали они у него допытываться, как это он без ошибки знает, куда скакать.

– Очень просто, – отвечает Воейков. – Князь Петр Иванович Багратион самолично мне в том помогает.

Обижаются офицеры. Понимают, что шутит Воейков.

– Ты головы нам не мути. Глупыми нас не считай. Признавайся, какой у тебя секрет.

Рассмеялся Воейков.

– Секрет? Вот он, секрет, – и показал рукой в сторону Багратионовой армии.

Смотрят курьеры. Ничего необычного там не видят. Армия как армия. Бой как бой.

Стрельба. Дым. Штыковые атаки. В столах земля содрогается.

– Зорче, зорче глядите! – кричит Воейков. – Где са мое жаркое место?

Нашли офицеры.

– Вон там. – тычут поспешно пальцами.

– Туда и скачите, – ответил Воейков. – Там мой секрет. В самом пекле Багратиона ищите.

Будет всегда удача.

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

Батарея поручика Жабрина срочно меняла позиции. Впрягли солдаты коней, торопятся на новое место. Полки генерала Милорадовича пошли в наступление. Срочно нужна подмога.

– Живей, живей! – командует Жабрин. – Душу вам наизнанку... Кому говорят – живей!

Дорога шла по месту недавней схватки. Спустились кони в низинку. Все поле завалено трупами. Русские, французы лежат вповалку. Крест – накрест, один на другом. Словно кто– то кули разбросал по полю. Остановились солдаты.

– О Господи!

Глянул Жабрин направо, глянул налево. Нет свободного места. Времени нет объезжать. Перекрестился поручик.

– Прямо, вперед! Мертвый живого не схватит...

Солдат Епифанов чуть отстал от других. Страх обуял солдата. Прикрыл он глаза.

Скорей бы проехать жуткое место. Подбрасывает пушку как на ухабах. Мурашки идут по солдатской спине. Вдруг тихий протяжный стон. Приоткрывает Епифанов глаза. Прямо под пушкой, у самого колеса, шевельнулся седоусый капрал. Солдата аж пот прошиб.

– Тпру! – закричал на коней Епифанов. Спрыгнул на землю.

Лежит, стонет в бреду капрал. Бок в кровавых подтеках. Кивер в стороне. Однако ружье при себе, под мышкой.

Подбегает Епифанов к капралу. Пытается вытащить из– под колес. Грузен, тяжел капрал. Другими телами придавлен.

Шевельнулся страдалец. Глянул на свет, на солдата, на пушку:

– Откуда?

– Канониры мы, – зачастил Епифанов. – С левого фланга на правый фланг. На подмогу идем рысями. Слышишь, дядя, пальба вокруг... Наступает генерал Милорадо– вич.

– Наш, наш генерал! – закричал капрал. – А ну– ка выше, голову выше мне!

Смотрит капрал, а там, на бугре, лавиной идут солдаты. Слышит старый воин привычные звуки. Словно товарищей зов.

Улыбка прошла по лицу капрала:

– А ну, подмогни!

Епифанов помог подняться капралу с земли.

– А ну– ка кивер надень.

Надел Епифанов на седую голову кивер.

Подтянулся, словно в строю, капрал. Изготовил ружье, как в атаке. Шаг левой, шаг правой. С шага на бег перешел капрал.

Опешил солдат Епифанов: кровь из капрала хлещет.

– Ура – а! – победно несется с холма.

– Ура – а! – ответно кричит капрал.

Пробежал он метров десять – пятнадцать и вдруг, словно дуб – великан под последним взмахом удалыца дровосека, рухнул плашмя на землю.

Подлетел Епифанов к герою. Не стонет, не дышит капрал. Кончил свой путь солдатский.

Догнал Епифанов своих. Набросился Жабрин:

– Где пропадал? Душа твоя воробыная!..

Объясняет солдат задержку. Никак не придет в себя. О старом капрале, сбиваясь, рассказывает.

Утих поручик Жабрин. Молча стоят солдаты.

- Так звать как? Как величать героя?
- Разводит Епифанов руками:
- Капрал. Старый такой. С усами. Силы в нем совсем не было.
- Сняли солдаты шапки.
- Силы в нем не было?! Дурак, богатырская сила в нем!

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Сдружились они в походах – солдат молодой и солдат бывалый, Клим Дуга и Матвей Бородулин. Вместе отступали от самого Немана. Вместе бились у Витебска. Чуть не погибли у стен Смоленска. Вместе пришли к Бородинскому полю.

Матвей Бородулин при Климе Дуге словно бы дядька. Уму – разуму в военных делах наставляет: как порох держать сухим, как штык наточить, как лучше идти в походе, чтобы ноги меньше уставали.

На привале Бородулин уступает младшему место поближе к костру. Упирается Дуга:

– Да что я, дите какое?

– Ложись, ложись! – прикрикнет солдат. – Я привычный. Мне на холодке даже и лучше.

Делят кашу, и тут Бородулин о друге думает. Из миски своей к нему в миску добрую часть отвалит.

– Дядя Матвей, – отбивается Клим, – да что я, хряк на откорме?

– Ешь, ешь! Тебе в рост, тебе в пользу.

В Бородинской битве солдаты сражались рядом. Клим – богатырь. Бородулин – усох с годами. Прикрывает Дуга старшего друга. Недоглядел: ранило вдруг солдата. Повалился Матвей Бородулин на землю, талым сугробом осел.

– Дядя Матвей! – закричал Дуга. Рухнул он на колени, тормошит Бородулина. Ухо к груди приложил. – Дядя Матвей! Родненький!..

Приоткрыл Бородулин глаза, глянул на друга.

– Воды, – простонал и снова забылся.

Схватились солдаты за фляги – пусты фляги. Скоро десять часов, как идет бой. Не осталось во флягах и глотка воды.

И ручья поблизости нет. Ближайший ручей в руках у французов.

– Воды! Воды! Воды! – идет по солдатским рядам.

Нет нигде воды, как в пустыне.

Поднялся Дуга на ноги. Смотрит растерянным взглядом. И вдруг словно ток прошел по солдату. Схватил он пустую флягу, руку поднял и рванулся навстречу французам, туда, где штыки и ружья, где за ними ручей в овраге.

Перехватило дух у тех, кто был рядом.

– Господи, верная смерть...

– Леший!

– Достался Дуга французам.

Смотрят солдаты с тревогой вслед. Смотрят на бегущего русского и сами французы.

– Камрады, – кричит Дуга, – дядька Матвей погибает! Дядька просит воды! – И флягой пустой, как белым флагом, машет.

– Во – о-ды – ы! – несется над полем.

Французы хотя и враги, а тоже ведь люди. Непонятна им русская речь. Однако сердцем людским поняли: неспроста побежал солдат.

Расступились французы, открыли дорогу к ручью. Стих на участке огонь. Не стреляет ни эта, ни та сторона. Замерло все. Лишь:

– Дядька Матвей погибает! – режут воздух слова солдата.

Добежал Дуга до оврага. Зачерпнул флягу воды студеной, в разворот – и назад мимо солдат французских.

Подбежал он к дядьке Матвею, снова стал на колени, голову поднял, флягу поднес ко рту. Смочил лоб, виски.

Приоткрыл Бородулин глаза. Вернулось к солдату сознание, признал молодого друга:

– Где же ты водицу, родной, достал?
Где? Из сердца достал солдатского.

ПТИЦА – СЛАВА

Солдат Изюмов до Бородинской битвы ни разу не отличился. Хотя и мечтал о славе. Все думал, как бы ее поймать. Еще в самом начале войны у Изюмова произошел такой разговор с одним солдатом.

– Что есть слава? – спросил Изюмов.

– Слава есть птица, – ответил солдат. – Она над боем всегда кружится. Кто схватит – тому и слава.

То ли в шутку сказал солдат, то ли и сам в это верил, только потерял с той поры Изюмов покой. Все о птице чудесной думает. Как же ее поймать?

Думал об этом под Витебском. Другие солдаты идут в атаку, смело колотят врагов. А Изюмов все время на небо смотрит. Эх, не прозевать бы волшебную птицу! И все-таки прозевал. Слава другим досталась.

Во время боев под Смоленском повторилось то же самое. И опять остался без славы солдат.

Огорчился страшно Изюмов. Пожаловался товарищам на свою неудачу.

Рассмеялись солдаты:

– Славу не ловят, слава сама за храбрым летит. Она, и правда, как птица. Только лучше о ней не думать. Отпугнуть ее можно враз.

И вот в Бородинском сражении солдат забыл о славе. Не то чтобы сразу, а как-то так, что и сам того не заметил.

Битва шла к концу. Французы старались вырвать победу. На русскую пехоту были брошены кирасирские и уланские полки. Разогнали кавалеристы коней: сторонись – любого сметут с дороги.

Глянул Изюмов и замер. Замер и тут же забыл о славе. Об одном лишь думает, как устоять против конных.

А кони все ближе и ближе. Растопчут они солдат. Обрушатся палаши и острые сабли на русские головы. Изюмов даже поежился. Стоял он в самом первом ряду.

– Ружья к бою! Целься. Подпускай на убойный огонь! – раздалась команда.

Вскинул ружье Изюмов. Выстрелил. А что дальше произошло, точно и не расскажет. Со стороны – то оно виднее.

Стоял Изюмов секунду как столб, а потом вдруг вскинул ружье на манер штыковой атаки и ринулся навстречу французской коннице. Побежали за ним солдаты. И получилось, что пеший пошел в атаку на конного.

– Ура! – голосит Изюмов.

– Ура! – не смолкают другие солдаты.

Опешили французские кирасиры и уланы. На войне еще не бывало такого. И хотя атаку свою, конечно, они не отставили, однако поколебался как-то дух у конных. А это в сражении главное. Наполовину пропал замах.

Подлетели солдаты к французам, заработали штыками, словно вилами. Чудо творится на поле – пеший конного Вдруг побивает. Разгорелся солдатский пыл.

– Братцы, колите коня под брюхо! Бейте француза прикладом, коль штык у кого слетел! – разошелся вовсю Изюмов.

Французы совсем растерялись. Все реже и реже взмахи французских сабель. Минута – и дрогнут французы. Вот и действительно дрогнули. Развернули коней.

Казалось бы, все. Победа уже одержана. Так нет.

– Братцы, вдогон! – закричал Изюмов.

Побежали солдаты вслед за французами. Пеший за конным бежит по полю. Глянешь – не поверишь своим глазам.

Конечно, лошадиные ноги быстрее солдатских. И все же немало нашлось французов,

которым русский штык успел продырявить спины.

Даже отстав, солдаты продолжали, как копья, бросать во французов ружья со штыками.

Ускакали французы. Подобрали солдаты ружья, возвращаются к своим.

Идут, а навстречу им:

– Героям слава!

– Изюмову слава!

– Храброму честь и почет!

Обалдели от боя солдаты. Идут, ничего не слышат, ничего не видят.

Однако мы – то прекрасно видим: птица – слава над ними летит.

ФИЛИ

Маленькая деревня Фили у самой Москвы. Крестьянская изба. Дубовый стол. Дубовые лавки. Образа у углу. Свисает лампада.

В избе за столом собрались русские генералы. Идет военный совет. Решается вопрос: оставить Москву без боя или дать новую битву у стен Москвы?

Легко сказать – оставить Москву. Слова такие – ножом по русскому сердцу. За битву стоят генералы.

Нелегкий час в жизни Кутузова. Он только что произведен в чин. За Бородинское сражение Кутузов удостоен звания фельдмаршала. Ему, как старшему, как главнокомандующему, как фельдмаршалу, – главное слово: да или нет.

У Бородина не осилили русских французы. Но ведь и русские не осилили. Словом, ничейный бой. Бой хоть ничейный, да как смотреть. Наполеон впервые не разбил армию противника. Русские первыми в мире не уступили Наполеону. Вот почему для русских это победа. Для французов и Наполеона победы нет.

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решит Кутузов?

Сед, умудрен в военных делах Кутузов. Знает он, что на подмогу к Наполеону торопятся войска из – под Витебска, из – под Смоленска. Хоть и изранен француз, да не убит. По – прежнему больше сил у противника.

Новый бой – окончательный бой. Ой как много военного риска! Тут мерь – перемерь, потом только режь. Главное – армию сберечь. Будет армия – будет время разбить врага.

Все ждут, что же скажет Кутузов.

Поднялся фельдмаршал с дубового кресла, глянул на генералов.

Ждут генералы.

Посмотрел Кутузов на образа, на лампаду, глянул в оконце на клоч сероватого неба, глянул себе под ноги.

Ждут генералы.

Россия ждет.

– С потерей Москвы, – тихо начал Кутузов, – еще не по теряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибнут Москва и Россия.

Кутузов остановился. В оконце стучалась муха. Под грузным телом фельдмаршала скрипнула половица. Послышался чей – то глубокий вздох. Кутузов поднял седую голову. Увидел лицо атамана Платова. Предательская слеза ползла по щеке бывалого воина. Фельдмаршал понял: важны не слова, а приказ. Он закончил быстро и твердо:

– Властью, данной мне государем и отечеством, повелеваю... повелеваю, – вновь повторил Кутузов, – отступление...

...И вот войска оставляют Москву. Яузский мост. Понуро идут солдаты. Подъехал Кутузов. Смотрит на войско. Видят его солдаты. Видят, но делают вид, что не видят. В первый раз ему не кричат «ура».

МОРЕМ ОГОНЬ КОЛЫШЕТСЯ

Русская армия расположилась южнее Москвы, у села Тарутино.

Кутузов немедленно занялся хозяйственными делами. Армия обтрепалась – надо ее одеть. Наступила осень – о теплой одежде надо подумать. С продовольствием плохо – надо пополнить запасы хлеба. Много у Кутузова разных дел.

И у Наполеона в Москве не меньше. Не оправдались надежды французов. Ушли, увезли все с собой жители. Нет в Москве ни хлеба, ни мяса. Нечем кормить коней. Лишь вина в погребах до отвалу. Напьются солдаты – идет грабеж. А где грабеж, там сразу пожары. Осень сухая. Огню раздолье. Запылал Китай – город, Гостиный двор. В Каретном ряду пожарище. В Охотном ряду пожарище. За Москвой – рекой Балчуг горит. Ночами светло как днем. Наполеон в московском Кремле. Куда ни глянет отсюда – огонь и огонь. Морем огонь колышется.

– Ваше величество, – обеспокоены французские маршалы и генералы, – опасно! Огонь подошел к Кремлю.

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял московский Кремль, и вдруг – будь мил, убирайся. Медлит Наполеон.

– Ваше величество, спасайтесь! Быстрее к реке... – умоляют императора генералы.

Медлит Наполеон.

– Ваше величество!..

И вот император нехотя надевает сюртук.

Бушует, мечется пламя.

Наполеон сбегает по широкой лестнице «Это дорога в ад», – вспоминает Наполеон слова Коленкура. В злобе кусает губы.

Четыре дня бушевали пожары.

К пятому дню от Москвы осталось пепелище.

Не город в руках французов – сплошные развалины.

Зато хороши дела у русских войск под Тарутином. Провиант сюда подвозят. Меняют солдатам одежду. Лошадьми пополняют конницу. Отдыхают спокойно солдаты.

Плохи дела в Москве у французов.

Есть над чем задуматься Наполеону. «Победитель я или нет? Почему же русские не просят мира?»

Проходит три томительных долгих недели. Негодует Наполеон:

– Мир, немедленный мир с Россией!

Не дождался император русских послов. Вызывает своего генерал – адъютанта маркиза Лористона:

– В Тарутино, к этой старой лисице – марш!

ТАРУТИНО

Понял Кутузов после посещения Лористона, что дела французов плохи. Дал под Тарутином бой.

Опять загремели пушки. Скрестились штыки и сабли. Сила на силу опять пошла.

Проиграли французы бой. 36 пушек досталось русским.

Дня четыре спустя после битвы прапорщик Языков с казачьим отрядом находился в разведке. Обнагтели совсем казаки, к самой Москве подъехали.

Стоят, смотрят на спаленный город:

– Вот она, наша страданица...

Дождик накрапывает осенний. Хотя тепло и безветренно. Где-то раздается собачий лай.

– Ты смотри, а говорят – французы псов всех поели!

– Этот хитрый, видать, убежал.

– Да – а, пропала Москва – красавица...

– Дурак, о мертвых плачь! Не смертник Москва – отстроится.

Перешептываются казаки. Вдруг слышат – страшный грохот взрыва долетает из города.

Переглянулись донцы, покосились на командира. Любопытство в душе казацкой. Переглянулись, помчались к Москве.

– Эх, была не была! Бог не выдаст – свинья не съест. На то и разведка.

Влетели они на пустынные улицы города. Ни французов, ни жителей. В молчанье лежат

развалины. Лишь цокот конских копыт в тишине раздаётся.

Понеслись всадники к центру. Доскакали до самой Ордынки, близко Кремль. Нигде не видать французов.

Попался какой-то старик.

– Эй, борода, где басурманы?

– Ушли, ушли из Москвы французы. Ушли поутру, родимые.

Больше месяца пробыл Наполеон в Москве. Ждал император от русских посыльных с миром. Не явились к нему посыльные. Сам послал Лористона. Не привез согласия на мир Лористон. А тут еще бой под Тарутином. Да скоро зима. Да голод в армии. Что ж, как в мышеловке, сидеть в Москве? Нет, пока есть силы, пока не поздно – скорее домой. Ушли французы бесславно, как тень, из Москвы.

Узнали казаки небывалую новость, забыли про грохот и взрыв, завернули коней, стрелой полетели с долгожданной вестью к Кутузову.

Потом и про взрыв, конечно, узнали. Злопамятен Наполеон. Мстит за свои неудачи. Приказал, уходя, взорвать московский Кремль. К счастью, погибло немного. Пошел дождь и загасил фитили.

Выслушал Кутузов доклад Языкова, перекрестился:

– Свершилось. Вот оно, неизбежное... Спасена отныне Россия.

Потом повернулся к селу Тарутину.

– Спасибо тебе, Тарутино!

ТИШКА И МИНЬКА

Оставив Москву, Наполеон пошел на Калугу. В Калуге – городе, войной не разоренном, французы надеялись пополнить свои припасы. А затем уже свернуть на Смоленск, на Вильну и вон из России.

Кутузов понял расчет противника и со своей армией стал у него на пути. У города Малый Ярославец разгорелась новая битва. И снова, как при Бородине, сражение длилось с утра до вечера. Упорство и французов и русских было отчаянным.

Выбили французы русских из Малого Ярославца. Начали атаку русские. Выбили русские французов из Малого Ярославца. Начали атаку французы. И так восемь раз. Город то и дело из рук в руки переходил.

Малоярославские мальчишки братья–двойняшки Тишка и Минька при первом же штурме французов забились в подвал. Маленькое оконце торчит наружу. Прилипли мальчишки к окну. Хоть и боязно, но интересно.

При подходе французов почти все жители оставили город. Ушли и родители Тишки и Миньки. Они и ребят с собой увели. Только братья от них сбежали. Затерялись в общей толпе и – снова в город. Интересно им посмотреть на вразправдашний бой.

И вот ребята стоят у оконца. Все им впервые, все интересно. И как солдаты идут в атаку, и как командиры в бою кричат, и как дым от ружей по улице стелется.

Вначале, когда атаковали французы, бой шел где-то в отдалении. До ребят доносились лишь страшные крики. Потом, когда в город ворвались русские, одна из схваток завязалась на той улице, где стоял дом Тишки и Миньки. Отряд русских возглавлял молодой офицер. Нарядный, красивый.

Следят ребята за офицером.

– Генерал, – шепчет Минька.

– Молод для генерала, небось поручик, – уточняет Тишка.

Рядом с оконцем завязалась жаркая схватка. Солдаты сошлись в штыки.

– Штык ржавеет без дела, – кричит офицер. – Солдат без победы не солдат. Вперед! – И первым идет в атаку.

Минута – и штыки обагрились кровью. Заалели от ран мундиры. Кровавая лужа натекла на месте боя. Смешалась французская, русская кровь.

Отпрянули от оконца ребята.

– Страшно? – спрашивает Тишка у брата.

– Нет, – отвечает Минька.

Говорит «нет», а руки дрожат. И у Тишки дрожат. Ходуном, непослушные, ходят.

Когда они вновь подошли к окну, бой в этом месте уже закончился. Все стихло. Лежали на земле убитые. А ближе всех – молодой офицер. Видели ребята, что офицер штыком в атаке ранен. Он лежал и тихо протяжно стонал.

Переглянулись мальчишки.

– Его бы в подвал, – произнес осторожно Тишка.

– Эге, – согласился Минька.

Однако выйти наружу страшно. Постояли ребята и все же набрались храбрости. Крадучись выбрались из подвала. Подхватили офицера под руки, поволокли.

– Тяжелый, – шепчет тихонько Минька.

Втащили они офицера в подвал. И вовремя. На улице снова начался бой. Однако ребята к оконцу уже не ходили. Крутились около офицера. Воду ему на голову лили. Тишка от исподней рубашки оторвал клоч почисте и приложил к тому месту на офицерском боку, где виднелась рваная рана.

Офицер метался в жару. Что-то кричал. Утихал, потом принимался снова.

Так было до самого вечера. Так было и ночью. Намучились с ним мальчишки. Тут по соседству загорелись дома. Страшный дым повалил в подвал. Хорошо, что дом, в котором сидели Тишка и Минька, был каменный. Уберегся он от огня.

Потом началось самое страшное. Малый Ярославец остался в руках французов. Какие-то солдаты заняли дом. И ребята боялись, что вот – вот доберутся они до подвала.

– Тише, ваше благородие, тише... – уговаривают они офицера.

Офицер словно понимал их, умолкал, а потом снова метался в жару и крике.

К счастью, все обошлось.

Среди ночи ребят свалил беспробудный сон. Очнулись они – солнце уже высоко. Кругом тихо. Подбежали к окошку – нигде не видать французов.

А произошло вот что. Хоть и остался Малый Ярославец в руках у французов, да понял Наполеон, что к Калуге ему не прорваться. Впервые в жизни император не решился на новый бой. Отдал войскам приказ отступить.

Вылезли ребята из подвала. Смотрят – в город входят русские. А вместе с солдатами вают жители. Вот и Тишкин и Минькин отец идет.

Увидел он сыновей:

– Ах вы, разбойники!

Застыли Тишка и Минька. А отец, недолго думая, снял поясной ремень и тут же, прямо на улице, начал ребят стегать.

Терпят двойняшки. Отец у них строгий. Другого и нечего ждать.

Наконец родитель устал, остановился, переводит дух.

– Тять, – начал Тишка, – а там раненый. – Он указал рукой на торчащее из-под земли оконце.

– Офицер, – добавил Минька.

Спустился отец в подвал. Верно, не врут ребята. Присмотрелся – лежит молодой полковник.

– Ого!

Побежал отец, доложил кому следует. Пришли санитары, забрали полковника. А отец снова свернул ремень и продолжил расправу. Правда, теперь бил уже не так больно и не столько ругался, сколько ворчал:

– Мать хотя бы пожалели... Ироды вы окаянные!..

Прошло несколько дней. И вдруг отца вызвали в городскую управу. Там ему вручили гедадь. К медали был приложен приказ, в котором значилось, что житель города Малого Ярославца Кудинов Иван Михайлович, то есть отец Тишки и Миньки, награждается медалью за спасение жизни русского офицера.

Опешил отец. Стал было объяснять, что он тут ни при чем, что спас офицера не он, а

Тишка и Минька. Однако в управе слушать его не стали.

– Кто там спас, разбирайтесь сами. Получил медаль и ступай, не задерживай.

Вернулся отец домой. Не знает, что и делать с медалью. На две части, что ли, ее рубить.

– Тут вам медаль. Одна на двоих, – заявил он ребятам.

Смотрят Тишка и Минька на медаль. Глазенки горят. Руки к ней сами собой тянутся. Вот бы такую на грудь надеть!

Однако отец у них строгий. Взял и спрятал медаль в ларец.

– Не для баловства подобные штуки, – заявил он сурово.

В ларце медаль и лежала.

Однако дважды в году, в Рождество и на Пасху, когда всей семьей Кудиновы отправлялись в церковь, отец доставал медаль.

В церковь шел при медали Тишка. Возвращался домой при медали Минька.

БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Еще до того, как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион Давыдова знал давно – когда-то Давыдов служил у него адъютантом, – он принял его сразу и очень приветливо.

– Ну, рассказывай, выкладывай. Начальство обидело?

– Нет, – отвечает Давыдов.

– Наградой обойден? В отпуск, наверное, просишься?

– Нет, – отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждет, что же скажет ему офицер.

– Вот какую имею мысль, – произнес Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни верст. От самого Немана через всю Россию тащатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

– Верно, – бросает князь Петр.

– Все время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

– Так, так... – слушает Багратион. – Нового не открываешь.

– А новое в том, – вдруг заявил Давыдов, – что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу наши конные отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар – докажу.

Пока Давыдов все это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и вовсе расплылось в улыбке.

– Молодец! Дай поцелую. – Поцеловал. – Жди.

Багратион тут же пошел к Кутузову. Начал с того, с чего и

Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни верст... И передал все слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона:

– Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берег каждый отряд солдат.

– Ваша светлость, – обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым, – фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем! – И потом уже тише: – В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

– Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надежный твой подполковник? Говоришь, из гусар?

– Надежный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

– Ладно, может, и вправду дело сие будет значительным.

Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусар и 80 казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов

ушел в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам все чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут – на войне народной – прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать к себе в ставку Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнес:

– Тут я как-то при жизни князя Петра назвал твой маневр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда князь Багратион, подошел и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

ТУДА И ОБРАТНО

Слухи о доблестных делах партизана Дениса Давыдова катили в русскую армию валом. Один за одним. То обозы с порохом перехватили, то разогнали артиллерийскую часть. То схвачен курьер с очень ценными бумагами, то сам Давыдов в бою отличился – зарубил четырех французков.

Стал молодой корнет Васильчиков мечтать о том, чтобы и ему попасть к партизанам. Эскадронного командира просил:

– Отпустите к Давыдову!

К полковому начальнику бегал:

– Отпустите к Давыдову!

Однако начальники не отпускают. Подумал корнет, подумал, взял и ушел без разрешения. Правда, оставил записку. Мол, не считайте, что я дезертир. Не могу я – ушел к партизанам.

Стал пробираться он в Гжатский уезд, туда, где действовали отряды Давыдова.

Едет, думает о Давыдове. Представляется ему партизанский начальник заправским гусаром, в гусарской куртке с галунами, в гусарской шапке с лихим султаном.

Добрался корнет до Гжатска удачно. Разыскал партизанский отряд. Вернее, партизаны у Гжатска его схватили и привели к Давыдову в лагерь.

Глянул корнет на Дениса Давыдова. А где же гусарская куртка, где султан гусарский?!

Стоит перед ним настоящий мужик. Борода крестьянская, кафтан крестьянский, даже кушак ~ крестьянский.

Растерялся Васильчиков. Забыл и представиться. Смеется Давыдов:

– Честь имею, подполковник Давыдов. Слушаю вас, корнет.

– Васильчиков, – выдал корнет.

Устал он с дороги, отправился спать.

Уложили его под сосной на шинели, укрыли каким-то рядном.

В общем, началась жизнь партизанская.

Утром стал Давыдов его поучать:

– Что важнейшее для партизана?

Разводит корнет руками.

– Внезапность, – отвечает Давыдов. – И непрерывность в движении. В чем партизана главная сила? – И опять отвечает: – Бить не числом, а умением.

И вот – походы, переходы, ночевки в лесах. То мокнешь под ливнем, то зябнешь от стужи, то спишь на сырой земле.

Бои без плана, без всяких правил: то утром рано, то поздно вечером негаданный бой, то ночью уснул – тревога.

Непривычен к такому корнет. Стал он жалеть, что ушел из части. Покрутился еще с неделю, взял и покинул партизанский отряд. Даже записки не оставил.

Вернулся Васильчиков в армию.

А когда он исчез, в армии было целое дело. Самовольство для офицера – серьезная вещь. Доложили тогда Кутузову об уходе корнета.

Теперь доложили о его прибытии.

Выслушал Кутузов, распорядился:

– Наказать за самовольный отъезд. – Потом подумал и строго добавил: – А за то, что вернулся, – вдвое.

СОЛДАТСКОЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

О бою под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь. Четвертаков попал в плен. Привезли его в Гжатск. Из Гжатска солдат бежал.

Оказался он в местах, занятых неприятелем.

Пришел драгун в деревню Басманы. Видит – крестьяне воинственны, французов чумой ругают. Злобой мужик кипит.

Тут – то и пришла Четвертакову мысль поднять крестьян на борьбу с французами, создать партизанский отряд. Заговорил.

И вдруг крестьяне замялись. Мол, неизвестно, откуда прибыл солдат. Как знать, что из того получится. Лишь один молодой рябоватый парень пошел за драгуном.

Поехали они вместе в деревню Задково – там поднимать крестьян. По дороге встретили двух французов. Убили. Потом еще двоих встретили. И этих прикончили.

– Ух ты! Двое – и вдруг четверых! – подивились крестьяне в Басманах.

– А если четверо – то получится восемь!

– А если восемь – то будет шестнадцать!

Заволновались в Басманах: а вдруг как мужики из Задко – ва прежде их создадут отряд?

– Давай возвращай драгуна!

– Сами желаем иметь отряд!

Вернулся в Басманы драгун. Извинились сельские жители.

– Не обижайся. Хотели тебя проверить, – схитрили крестьяне. – Стоящий ли солдат.

Сразу же более двухсот мужиков дали свое согласие быть у него в отряде. Это было началом. Вскоре из всей округи свыше четырех тысяч крестьян собралось под командованием Четвертакова.

Стал Четвертаков признанным командиром. Порядки в войске завел военные: караулы, дежурства и даже учения. Следил строго, чтобы головы крестьяне держали высоко, животы не распускали.

– Да ты что полковник, – смеются крестьяне. А сами довольны, что крепкой руки начальник.

– Что там полковник – сам генерал! Ваше превосходительство!

Жили крестьяне по – прежнему в селах. Поднимались они по тревоге, когда возникала нужда...

Едет французский отряд по русской дороге. Обоз, но с большой охраной. Порох доставляют для армии. Кони пушку везут впереди. Это чтобы пугать крестьян, ну и себя, французов, конечно, подбадривать.

Звонят, гудят, переливаются на церковных звонницах колокола. То медью ударят, словно в набат, то трепетно, тонко зальются.

Приятно французам слушать.

Вот здесь отгремели. Ушли за бугор – там тоже деревня и церковь. Подхватились и слева и справа. Идет от села к селу перезвон. Приятные звуки...

Продолжают французы свой путь. Идут и не знают, что это не просто звон – это для них звон погребальный.

Четвертаков использовал церковные перезвоны как сигналы для своих отрядов. В каждом переливе свои команды. Слушай внимательно – будешь знать, куда идти и где собираться.

Продолжают французы свой путь. А в это время из разных окрестных сел уже выходят отряды. Приказ – собраться сегодня у ручья, у Егорьевской балки.

Подошли французы к ручью – крестьяне со всех сторон. Несметно. Черно от кафтанов.

Конный виден в крестьянских рядах – наверно, начальник.

Скомандовал конный. Бросилось воинство на французский обоз. Растерялись солдаты, что были с пушкой: куда палить, в какую сторону? Всюду крестьяне. Стрельнули в конного, в старшего. Да, к счастью того, перелет.

Выстрел был первый и последний. Не успели французы вставить новый заряд. Ноги крестьянские быстры, руки проворны и цепки. Пушка, обоз, солдаты – все через минуту в крестьянских руках.

Возвращаются партизаны с отважного дела домой. Едет на коне солдат Четвертаков, Ермолай... как там его по батюшке? Эх, можно, пожалуй, без батюшки. Ермолай Четвертаков – генерал крестьянский. Ваше солдатское превосходительство!

АРКАН

Наловчились крестьяне села Локотки арканом ловить французов. Спрячутся где-нибудь в кустах при лесной дороге, ждут – не пройдет ли какой отряд. Дождутся – конных ли, пеших, подстегнут отставшего и немедля аркан ему на шею. Кляп ему в рот, пока не вскрикнул. И будь здоров, мусье. Словно карась на уду попался.

Как-то снова крестьяне засели на выгодном месте. Вначале была неудача – никто не движется. И вдруг конный отряд рысями. И, как всегда, кто-нибудь сзади. На сей раз рослый с чубом француз. Подъехал француз к кустам, где притаились крестьяне. Взвился аркан. Полетел наездник с коня. Кляп в рот ему немедленно.

Приволокли мужики француза к себе в Локотки. Дорогой еще пристукнули. Уж больно ершистый француз попался. Все ногами крестьян пинал.

Положили крестьяне пленного в каком-то хлеву. Притащили воды, плеснули на голову. Вынули кляп. Решили вести в уезд, в Сычевку. Там принимали пленных.

Поднялся француз, как закричит:

– Путаны бороды! Сивые мерины! Рог вам бугаев под самое дыхало!

Крестьяне так и разинули рты. Икота на иных напала.

Оказалось, то был не француз, а донской казак из отряда Дениса Давыдова. Казаки специально оделись во французскую форму. Ехали то ли в разведку, то ли еще по какому делу.

Опомнились, пришли, конечно, крестьяне в себя:

– Да откуда мы ведали?

– На лбу не написано.

– Скажи спасибо, что жив остался.

– Глаза пороссячи! Дубы неотесанны! – не утихает казак. – А это что?! – И тычет на чуб казацкий.

Конечно, чубов у французов не было. Да поди разгляди в такую минуту.

– Ладно, – наконец приостыл казак. – Есть ли у вас чарка вина?

– Это найдется.

Выпил казак, тряхнул плечами:

– Ну, мужички, бывайте! Благодарствую за угощение. Несколько дней крестьяне не решались выходить на дорогу.

– Ну их, снова не энтого схватишь!

А потом опять принялись за дело. Однако теперь осторожнее. Схватят француза крестьяне, смотрят прежде всего на голову – не виден ли чуб казацкий.

РОССИЯ ЕСТЬ РОССИЯ

Наслышавшись всяких донесений о действиях крестьянских отрядов, Кутузов решил взглянуть на живых героев. Под городом Юхновом собрались к нему партизаны. Были всякие: и старые и молодые, подороднее и попроще, кое-кто с боевыми рубцами, даже один без глаза, и тоже, как у Кутузова, правого.

Набились крестьяне в избу. Расселись. Стал угощать их Кутузов чаем. Пьют мужики осторожно, не торопясь, сахар вприкуску.

За чаем зашел разговор. Конечно, прежде всего о Бойне, о французах.

– Французы народ геройский, – заявляют крестьяне. – Да только духом они слабее. Дал Бонапарт промашку: разве испугом возьмешь Россию!

– Тут Невский еще сказал, – вспомнил безглазый. – Придешь с мечом, от меча и погибнешь!

– Верно! – шумят крестьяне.

Заговорили затем о Москве.

– Конечно, жалко. Не маленький город. Веками в народе славится. Да разве Москва – Россия? Отстроится город. Была б жива держава.

Хвалит Кутузов крестьян за смелые стычки с французами.

– Мы что... Нам достается плотвичка. Тут армии первое слово.

Видит Кутузов – неглупый народ собрался. Приятно вести беседу.

– О Денисе Давыдове слышали?

– А как же! И в нашем уезде его отряды. Лихой командир. Зачипатель великого дела.

– Говорят, на Смоленщине женщина видная есть?

– Так это же Кожина, – отвечают крестьяне. – Старостиха Василиса. Гвардейская баба! Мужеской хватки.

Вспомнили солдата Четвертакова:

– Природный начальник. Ему в офицерах положено быть.

Потом как-то, Кутузов и не заметил – как, разговор перешел на другое. Заговорили крестьяне про озимые, про яровые. Про недород на Смоленщине. Потом о барах. И вдруг:

– Михайла Илларионович, ваша светлость, а как насчет воли? Чай, после победы крестьянам ее дадут?

– И как будет с землей? – сунулся кто-то.

Не ожидал Кутузов такого. Ну что он скажет крестьянам про волю? Дикость, конечно, в России. Кутузов бы волю дал. Да он ведь только над войском начальник. Сие не ему решать.

Не знает, что и ответить, фельдмаршал. Впервые попал впросак.

Ясно крестьянам, что трудный задали вопрос. Не захотели смущать Кутузова, снова вернулись к войне. Да только разговор уже как-то не клеился. Отпустил их Кутузов.

Идут по селу крестьяне:

– Да, воли оно не предвидится.

– И земля, как была, у господ останется.

Замедлил ход вдруг какой-то парень. Сорвал он шапку с головы – и с силой об землю:

– Только напрасно с французами бьемся! Жизнью своей рискуем.

– Цыц, молоко необсохшее! – выкрикнул безглазый. – Тут вещи не равные – разные. Баре есть баре. Россия есть Россия.

СЕРЕБРЯНЫЙ ОКЛАД

Солдат Жорж Мишле шел в Россию с большой охотой: «Россия страна богатая. Немало добра домой привезу». Да что там Мишле, все солдаты в это верили. Сам император это обещал.

Стал Мишле припасать богатства. В Смоленске – шубу из горностая. В Вязьме достал дорогие подсвечники. В Гжатске – ковер из памирской шерсти. В Москве в каком-то большом соборе похитил икону в серебряном окладе.

Доволен Мишле. Взял бы еще, да тяжесть и так большая.

«Ну, – рассуждает Мишле, – теперь пусть русские просят мира. Готов я домой к отбытию».

А русские мира не просят. Что ни день, то французам все хуже и хуже. Лютым местом стала для них Москва.

И вот покатались французы. Дай Бог унести из России ноги. Поспешно стал собираться

Мишле. Вещи свои пакует. Ковер из памирской шерсти – в мешок, в ранец солдатский – подсвечники, шубу – поверх мундира. А икону куда? Икону вынул, оклад надел на шею. Торчит из него лицо мародера ¹³, словно лицо святого.

Гонят французов русские. Армия бьет. Партизаны в лесах встречаются. У дорог стерегут крестьяне.

Быстрым маршем идут французы. Потеет Мишле.

Унести такое добро силы нужны немалые. Ранец плечи натирает. Оклад тяжелый – полпуда в нем серебра – голову веткой к дороге клонит. Шуба длинная, полы волочатся – трудно в такой идти.

Отступает французская армия. Неустанно тревожат ее казаки. Кутузов в боях добивает.

Все больше и больше отставших среди французов. Еле плетется Мишле. Отстает от своих солдат. Силы его покидают. Нужно с добром расставаться.

Дошли до Гжатска. Тут, когда наступали, Мишле раздобыл ковер. Вспомнил француз о хороших днях, поплакал. Кинул памирский ковер.

Дошли до Вязьмы. Тут достал дорогие подсвечники. Глянул на них. Вытер слезу. Бросил подсвечники.

Дошли до Смоленска – расстался с шубой.

Расстается с вещами Мишле. Жалко до слез добытого. Плачет Мишле. Ружье незаметно бросил, ранец откинул. Однако оклад упорно тащит.

– Да брось ты проклятый оклад! – кричат упряму товарищи.

И рад бы, да не может бросить Мишле. Не в силах расстаться. Ему же богатства были обещаны. Он, может, в Россию специально шел ради этого серебряного оклада.

Оставили вовсе солдата силы.

Отстал за Смоленском Мишле. Отстал, отбил и помер в дороге.

Лежит в придорожной канаве серебряный оклад. Торчит из него лицо мародера, словно лицо святого.

СВАДЬБА

В каком-то селе под Сморгонью Кутузов попал на крестьянскую свадьбу.

Пригласили – не отказался.

Изба – пятистенки. Столы и лавки в длинный ряд. Место для плясок. Ведра с рассолом – для тех, кто начнет хмелеть. В ярких одеждах гости. Жених в рубахе небесного цвета. В розовых лентах невестин наряд.

Сидят молодые. Рядом Кутузов.

Вот так невидаль в русской деревне! Свадьба не то чтобы с каким генералом, а прямо с самим фельдмаршалом!

Вокруг избы все село собралось. Буйно идет веселье. Пьют за невесту.

– За здоровье жениха!

– Горько, горько! – кричат крестьяне.

Целуются молодые.

– За то, чтобы полная чаша в доме!

– За здоровье отца невесты!

– За женихова родителя!

– За матерей! (И разом и по отдельности).

И вдруг:

– За его светлость фельдмаршала князя Кутузова!

Поднялся Кутузов с почетного места:

– Увольте, увольте! Я не жених. – И сам подымает чару: – За матушку нашу – Россию. За богатырский народ!

¹³ Мародер – человек, грабящий убитых и раненых на поле сражения или в районе военных действий; солдат, грабящий население во время войны.

– За Россию! – кричат крестьяне.

Вернулся Кутузов в штаб свой с веселья. Окружили его генералы.

– Ваша светлость, вам ли по свадьбам мужицким ездить, здоровье свое не беречь. – Ив адрес крестьян с укоризной: – Война кругом полыхает, а им хоть бы что, свадьбы себе играют. Как-то оно не совсем прилично.

– Прилично, прилично, – отвечает Кутузов. – К мирной жизни народ стремится. Чует конец войны. Мир, а не бой, жизнь, а не смерть искони в душе россиянина.

НОВЫЙ ПОХОД

1812 год. Декабрь. Неман. Граница России. Тот же мост, что переходили летом полгода тому назад. Идут по мосту солдаты. Только уже в обратную сторону. Не чеканят больше солдатский шаг. Не бьют барабаны. Не пыжятся дудки. Знамен не колышется строй.

Горстка измученных, крупица оборванных, чудом еще живых, покидают французы российский берег. Жалкий остаток великой силы. Доказательство силы иной.

Вышли русские к Неману, остановились. Вот он, конец похода.

– Выходит, жива Россия!

– Жива, – произносит седоусый капрал.

Смотрят солдаты – капрал знакомый.

– Да не ты ли нам сказку тогда рассказывал?

– Я, – отвечает капрал.

– Значит, вырос телок в сохатого, – смеются солдаты. – Копытом злодея насмерть!

– Выходит, что так

Легко на душе солдата – исполнен солдатский долг.

Стоят солдаты над обрывом реки, вспоминают былое время. Витебский бой, бои под Смоленском, жуткий день Бородинской сечи, пожар Москвы... Да, нелегко оказался путь к победе. Будут ли помнить их дела потомки?... Немало пролито русской крови. Многих не счесть в живых.

Взгрустнулось чуть – чуть солдатам. Поминают своих товарищей. И радостен день, и печален.

В это время сюда же, к реке, подъехал со свитой Кутузов.

– Ура – а! – закричали солдаты.

– Спасителю Отечества слава!

– Фельдмаршалу слава!

– У – у-р – р-а – а!

Поклонился Кутузов солдатам:

– Героям Отечества слава! Солдату русскому слава!

Потом подъехал поближе.

– Устали?

– Устали, – признались солдаты. – Да ведь уже конец похода.

– Нет, – говорит Кутузов. – Вам новый поход.

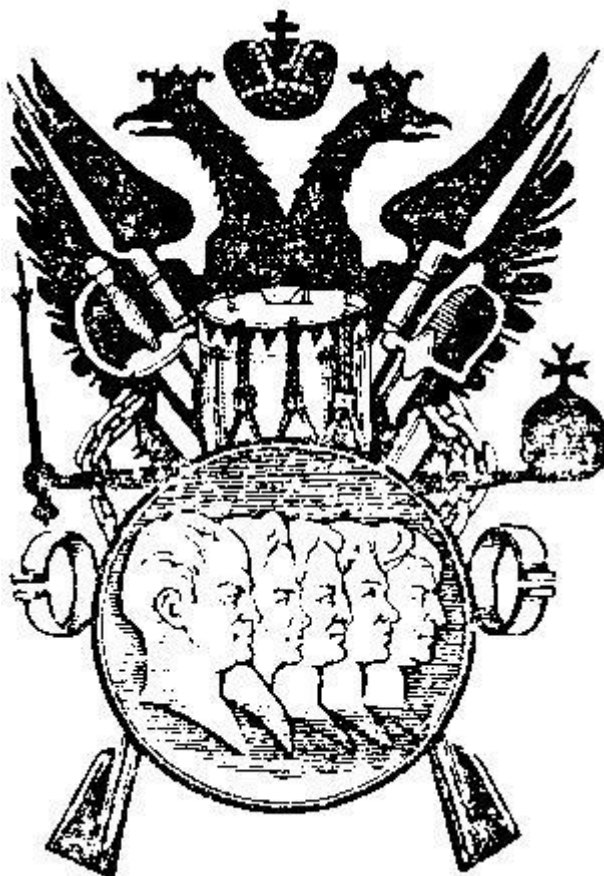
Смутились солдаты. К чему фельдмаршал клонит? А сами:

– Рады стараться! – Так армейский устав велит.

Отъехал Кутузов на видное место. Обвел он глазами войска. И голосом зычным (куда стариковская хрип девалась!):

– Герои Витебска, герои Смоленска, соколы Тарутина и Ярославца, Бородинского поля орлы – незабвенные дети России! – Кутузов приподнялся в седле. – Живые, мертвые – стройся! Героям новый поход – в века!

РАССКАЗЫ О ДЕКАБРИСТАХ

МЧАЛ В ПЕТЕРБУРГ КУРЬЕР

Из Таганрога, от берегов Азовского моря мчал в Петербург курьер. Курьер был в высоком военном звании.

И если вдруг на почтовых станциях не находилось тотчас лошадей, тряслись и бледнели начальники станций.

– Из- под земли достать лошадей! В Сибирь упеку! – громыхал курьер.

– Свят, свят, – крестились начальники станций. – Упаси в другой раз от таких гостей.

1825 год. Ноябрь. Осень стоит на юге. На севере выпал снег. То в таратайке летит курьер, то несется в кибитке, в санях. Верста за верстой, верста за верстой. Хрипят, задыхаются в беге кони. То брызжет из- под копыт грязь, то снежные вихри взбивают полозья.

Мчит в Петербург курьер. А справа и слева лежит Россия.

Россия, Россия! То степью она раскинется, то прошумит дубравой. Зябью посмотрит в небо. Топью болотной ляжет. Встанет соспой и елью. То песней она откликнется, то в горе людском притихнет. То упадет в молитве, то в гнев народном Россия вздыбится.

И днем и ночью летит курьер. Эй, пеший, эй, конный, сходи с дороги! С сообщением срочным, с сообщением тайным спешит курьер.

А следом несутся слухи:

– Может, снова война с неверными? (В те годы Россия часто сражалась с Турцией.)

– Может, снова явился Разин? (Не забыт он, не стихает в народе молва о Разине.)

– Может, царь – государь забыл в Петербурге сверхваж- ный, сверхтайный, сверхсрочный пакет и гонит за ним курьера? (В те дни русский царь Александр I был как раз в Таганроге.)

Мчит в Петербург курьер. Верста за верстой, верста за верстой. Хрипят, задыхаются в беге кони.

Примчал наконец в Петербург курьер. Сдержал лошадей у Зимнего. Бросился в царский

дворец.

– К его высочеству великому князю Николаю Павловичу. Из Таганрога.

Распахнулись немедля двери. Принял великий князь Николай гонца.

Замер курьер, как солдат на параде:

– Ваше высочество, в Таганроге...

– Так что в Таганроге?

– Горе какое, горе...

– Короче давай, короче!

– В Таганроге скончался царь.

Николай быстрым шагом прошел по комнате, проверил, хорошо ли закрыты двери.

Вернулся. Поднес палец к губам:

– Тсс!

И грозно взглянул на курьера.

ШУМНО СЕЙЧАС У РЫЛЕЕВА

– Смерть тиранам!

– Царям и монархам смерть!

На квартире у отставного поручика поэта Кондратия Рылеева собрались члены тайного общества.

Свечи горят в подсвечниках. Виден в углу камин. Подошел Рылеев к камину. К поленьям свечу поднес. Побежал огонек. Заиграло пламя.

Тайных обществ в России два. Одно – в Петербурге, на севере. Оно так и называлось – Северным тайным обществом. Второе возникло на юге, на Украине. Оно называлось Южным.

Стонет под властью царей Россия. Сбросить царей в России, дать землю и волю крестьянам – вот главное в планах обоих обществ. Шумно сейчас у Рылеева. Все веселее гудит камин. Тянется пламя в трубу кинжалами.

Офицеры сидят у Рылеева. Большинство – совсем молодые люди. Гвардейские здесь офицеры, армейские. Гусары, уланы, драгуны. Офицеры морские, от артиллерии, от инфантерии ¹⁴– представители разных войск.

Шумно сейчас у Рылеева. Обсуждается план восстания. Удачный настал момент. Не дождался великий князь Николай от Константина прямого ответа. Решил Николай не медлить. Рвется он стать царем. Уже заготовлен о том манифест. 14-го декабря утром он будет зачитан сенаторам. Сенаторы принесут присягу. И с этой минуты великий князь Николай станет царем Николаем I.

– Не быть Николаю царем!

– Не быть Николаю царем!

План у молодых офицеров такой: вывести 14 декабря утром войска на Сенатскую площадь, вступить в Сенат, заставить сенаторов отклонить манифест Николая, а затем собрать представителей ото всех областей России и вместе с ними решить, кому и как дальше Россией править.

Все ярче и ярче горит камин. Пламя ревет и пляшет.

С чего же начать восстание? Как обеспечить его успех?

Предлагает Рылеев:

– Нужно ворваться в Зимний дворец. Нужно схватить Николая.

Нет тут другого мнения.

Капитан Александр Якубович обещает со своими солдатами штурмом взять Зимний дворец.

– Нужно взять Петропавловскую крепость.

– Верно, верно. И это верно.

Полковник Александр Булатов дает слово повести солдат на крепость.

¹⁴ Инфантерия – пехота.

– Нужен диктатор (то есть предводитель всего восстания). Кому же диктатором быть?

– Трубецкому! Трубецкому! Пусть полковник князь Сергей Трубецкой старшим над всеми будет!

Согласен Рылеев, согласны все. Князь Сергей Трубецкой согласен. Поднялся Кондратий Рылеев:

– Друзья! Минуты дороги. Смерть тиранам! Свобода Родине! К делу, друзья. Ура!

– Ура! – пронеслось по комнате.

Разошлись по домам офицеры. Остался один Каховский. Давно вызывался поручик Петр Каховский убить царя.

Спросил Рылеев:

– Не передумал?

– Стою на прежнем, – сказал Каховский.

Поклялся Каховский убить царя.

Бушует, бушует в камине пламя. Рвется в трубу пожаром.

БАРАБАНЩИКИ БЬЮТ ТРЕВОГУ

Тра – та – та, тра – та – та, тра – та – та!.. Барабанщики бьют тревогу.

– Выходи! Становись!

– Выходи! Становись!

Утро 14 декабря. Члены тайного общества штабс – капитаны братья Александр и Михаил Бестужевы и штабс – капитан князь Дмитрий Щепин – Ростовский взбунтовали лейб-гвардейский Московский полк.

– Выходи! Становись!

Распахнулись ворота полковых казарм. Устремились вперед солдаты.

Рядовой Епифан Кириллов чуть запоздал к командам. Бросился вслед за своей уходящей ротой. Почти догнал. Только хотел пристроиться, но вдруг:

– Стой! Ни с места! Ни шагу вперед!

Замер, оцепенел солдат. Застыл столбом верстовым на месте.

Перед восставшими появился командир полка генерал – майор Фредерикс.

– Крутом! – кричит Фредерикс. – Быдло! Кругом! В казармы!

Хотел повернуться кругом Кириллов. Да только видит: никто из солдат не дрогнул. Не повернулся никто кругом.

Слышит Кириллов:

– Прошу, генерал, отойдите. – Это сказал Александр Бестужев.

– Прочь, прочь, убьем! – раздались солдатские голоса.

– Молчать! – вскипел Фредерикс. – Слушай мою команду!

Озверел Фредерикс. Рот до ушей от крика. И главное, смотрит именно на Епифана Кириллова. Оробел гренадер. Застыл по стойке «смирно». Ждет, какую ж команду слушать.

Только команду так и не успел прокричать Фредерикс.

Штабс – капитан Щепин – Ростовский ударом сабли сбил генерала с ног.

Упал, замолчал Фредерикс. Хотел Епифан Кириллов скорее подбежать к своим. Но тут же:

– Стой! Ни с места! Ни шагу вперед!

Вздрогнул солдат, снова застыл на месте.

Это бежал к воротам бригадный командир генерал – адъютант Шеншин.

– Кругом! – закричал на солдат Шеншип. – Кругом! В казармы! Молчать! Слушай мою команду! – И тоже, как генерал Фредерикс, на Епифана Кириллова смотрит.

Застыл Епифан. Ждет, какую ж команду слушать.

Но не успел закончить команду Шеншин. Сабельным ударом сбил и его Щепин – Ростовский с ног.

Рухнул как сноп генерал на землю. Рванулся Кириллов быстрее к своим. Но тут же:

– Стой! Ни с места! Ни шагу вперед!

Снова застыл солдат. Даже пот у бедного выступил. Это подбегал к восставшим

полковник Хвощинский.

– Кругом! В казармы! Кругом! Изменники! – кричит Хвощинский. Кричит и тоже, как на грех, на Епифана Кириллова смотрит.

Отдельно стоит Кириллов. Больше других приметен. Поежился под пристальным взглядом солдат. Хотел повернуть к казармам. Да в это время снова вскинул Щепин – Ростовский саблю. Однако хитрее других оказался Хвощинский. Не пожелал он на землю падать. Зайцем метнулся в сторону. Чуть Кириллова с ног не сбил. От неожиданности Кириллов даже вскрикнул.

– На Сенатскую, братцы! За мной! Вперед! – скомандовал Александр Бестужев.

– Наконец-то команда ясная, – просиял Епифан Кириллов.

Вышли солдаты на улицу. Идут на Сенатскую площадь. Чеканят шаг. Не двадцать, не тридцать идет солдат. В строю восемьсот гвардейцев.

«ПОЧЕМУ НИКОГО НЕ ВИДНО?!»

Сенатская площадь. Берег реки Невы. Памятник Петру I. Вздрыбил бронзовый Петр коня. Кажется, вот – вот сорвется рысак с огромного камня и стукнет копытами по мостовой.

Если станешь лицом к Неве – справа Адмиралтейство, слева Сенат. Сзади за памятником Петру I стройка Исаакиевского собора. Прямо перед тобой мост через Неву. На том ее берегу, если глянуть чуть – чуть правее, стены и шпиль Петропавловской крепости. Идут лейб – гвардейцы на Сенатскую площадь, а в это время в других местах...

– Стройся! Шибче! Не трусь, ребята! – Это морской офицер Николай Бестужев и лейтенант Антон Арбузов поднимают моряков гвардейского экипажа.

– Дружнее, ребята, дружнее! Другие уже на площади. Нам ли в последних быть! – Это поручики Александр Сут-гоф и Николай Панов выводят лейб – гренадеров.

Призывают декабристы к восстанию солдат и в других местах.

Пришел на Сенатскую площадь Московский полк. Построились солдаты в боевое каре – четырехугольником, перепроверили, хорошо ли заряжены ружья.

Тихо, пусто возле Сената. Беспечно кружит поземка. Ветерок по камням шныряет.

Смотрят солдаты: а где же кареты, где экипажи, где же сами сенаторы? Сейчас начнется присяга царю. Но почему никого не видно?

– Почему никого не видно?!

Попался солдатам какой-то старик в длинной енотовой шубе.

– Были. Разъехались... Состоялась уже присяга.

– Как состоялась?!

– Да вот так. По закону: присягнули, и все.

Что же случилось?

Накануне восстания великий князь Николай вдруг узнал о заговоре декабристов. Нашелся предатель – поручик Яков Ростовцев. Рассказал великому князю, что утром войска выйдут на Сенатскую площадь.

– А ты... того... не выдумал? – грозно спросил Николай.

– Никак нет, ваше высочество. Сам, своими ушами слышал. Сам при уговоре злодеев был. – Сбавил Ростовцев голос: – Выйдут на площадь они пораньше. До начала присяги поспеть хотят...

– Ах, до присяги! – воскликнул великий князь. – Ну что ж, на всякое «раньше» бывает «еще раньше».

Разбудили, растолкали среди ночи в теплых кроватях сенаторов. Привезли их в Сенат сонных, небритых, не евших.

В семь часов утра великий князь Николай огласил манифест. Принесли сенаторы присягу. В семь двадцать стал Николай царем.

Пришел Московский полк на Сенатскую площадь. Ни царя, ни сенаторов. К этому времени все разъехались.

«ГДЕ АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ?»

Двинул царь Николай I против восставших войска. Выступление на севере и на юге было раздавлено. Начались аресты декабристов. Задержанных немедленно доставляли в Зимний дворец к царю.

Вот схвачен Рылеев. Вот схвачен Каховский. Князь Трубецкой задержан. Штабс – капитан Щепин – Ростовский взят прямо в бою на Сенатской площади. В бою на юге взяты Сергей Муравьев – Апостол и Михаил Бестужев – Рюмин. Арестованы Розен, Сутгоф, Панов...

Царские сыщики искали Александра Бестужева.

Александр Бестужев был не только гвардейским офицером, но и известным в стране писателем. Печатался он под именем Марлинский.

Ворвались сыщики в дом Бестужевых.

– Где Александр Бестужев?

– Нет Александра Бестужева.

Бросились к месту военной службы.

– Где Александр Бестужев?

– Нет Александра Бестужева.

Стали вспоминать жандармские офицеры, с кем Бестужев был близок, с кем находился в приятельских отношениях. Ездили на Мойку, на Фонтанку, на Васильевский остров.

– Где Александр Бестужев?

Сбились с ног царские сыщики. Прибыли в Зимний дворец, докладывают:

– Нет Александра Бестужева.

– Разыскать! – последовал строгий приказ.

И снова по петербургским улицам, по разным домам, по офицерским квартирам и клубам забегали сыщики и жандармы.

– Где Александр Бестужев?

– Где Александр Бестужев?!

А в это время к Зимнему дворцу подходил офицер. Был он в полной парадной форме. В мундире, при сабле. Шпоры на сапогах. Пересек офицер Дворцовую площадь. Быстрым шагом направился к Зимнему. Перед ним распахнули дверь. Офицер переступил порог и представился:

– Я – Александр Бестужев.

– По – рыцарски поступил сочинитель Марлин– ский, – доложили царю приближенные. – Явился, ваше величество, сам.

«По – рыцарски» ответил на это и царь Николай I. Приказал заточить Александра Бестужева в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин.

ТРОЙКА

Пронька Малов первым заметил тройку. Выскочила она из – за леса, птицей с бугра слетела. Тряхнув бубенцами, пронеслась перед Пронькой. Исчезла за поворотом.

«К барам в гости», – подумал ГТронька.

Помчал по селу мальчишка:

– Тройка, тройка, а в ней военный!

Гадали тогда в селе, кто же приехал к барину. И к какому из них, к молодому ли, к старому?

А через час тройка неслась обратно.

И снова Пронька ее увидел. А вместе с ним увидел тройку и бывалый солдат Гурий Донцов.

– Дела... – произнес Донцов. – И с чего бы?..

Объяснил он Проньке, что тройка была фельдъегерской, что в кибитке сидел жандарм. А рядом... Впрочем, молодого барина Пронька и сам разглядел. Умчал неизвестно куда жандарм молодого барина.

...1812 год. Русские войска отступают под ударами французского императора Наполеона

I. В барском доме переполох.

– Никита! Никита! Никитушка!

Дворовые сбились с ног.

– Никита! Никита! Никитушка!

Шестнадцатилетний Никита Муравьев исчез из дому.

Через несколько дней младший брат Никиты – Александр признался: Никита бежал на войну.

Никита Муравьев сражался под Дрезденом, под Лейпцигом. Вместе с русскими войсками вступил в побежденный Париж. В Париже он прожил несколько лет. Изучал здесь политику и историю.

В 1816 году вышла в свет большая работа историка Н. М. Карамзина «История государства Российского».

Предисловие к этой работе кончалось словами: «История народа принадлежит царю».

«История народа принадлежит народу» – так ответил на слова знаменитого историка молодой офицер Никита Муравьев.

Вместе с Кондратием Рылеевым Никита Михайлович Муравьев был одним из главных руководителей Северного тайного общества. В день Декабрьского восстания на Сенатской площади его не было. Никита Муравьев находился в орловском имении родителей своей жены. Сюда и примчался за ним жандарм.

Долго гадали в селе крестьяне, за что и куда увезли их молодого барина. Барин был добр, крестьяне его любили.

Вместе со всеми гадал и Пронька.

– Знаю, знаю! – кричал мальчишка. – К царю он поехал. На званный прием.

– Во – во, на прием названный, – усмехнулся солдат Донцов.

По всей России носились тогда фельдъегери. Хватали они декабристов.

ЛУНИН И ЗАЙЧИКОВ

Декабрист подполковник Михаил Сергеевич Лунин отказался спастись от расправы. Спасти же Лунина намеревался сам великий князь Константин. Подполковник был у него в адъютантах.

14 декабря Лунин находился в Варшаве и, конечно, на Сенатской площади не был. Но и ему угрожал арест. Лунин состоял членом тайного общества.

Великий князь Константин любил своего адъютанта. Умен, находчив молодой подполковник. Ростом высок, подтянут. К тому же лихой наездник. А князь Константин обожал лошадей.

Распорядился великий князь Константин приготовить для Лунина иностранный паспорт.

– Паспорт готов. Граница рядом. Бери бумагу. Скачи к границе. И ты свободен.

И вдруг Лунин отказался взять паспорт.

Великий князь Константин даже обиделся:

– Ну смотри, смотри...

– Не могу, – объясняет Лунин. – Не могу побегом обесчестить себя перед товарищами.

Дежурный офицер Зайчиков, узнав про такое, сказал:

– Хитер, хитер Лунин. Не зря не берет паспорт. Иное, видать, придумал.

Предположение дежурного офицера вскоре подтвердилось. На охоту стал собираться Лунин. Давно он мечтал съездить в леса, к самой силезской границе, сходить с ружьем па медведя. Много медведей в силезских лесах. Знатная там охота.

Попросил Лунин у великого князя Константина разрешение на отъезд. Дал великий князь разрешение. Получил Лунин нужный пропуск, уехал.

– Не дурак он. Ищи теперь ветра в поле, – посмеивался дежурный офицер Зайчиков.

Только уехал Лунин, как примчался из Питера на тройке фельдъегерь:

– Где Лунин?

– Нет Лунина. На охоте Лунин. На силезской границе, – объясняют фельдъегерю.

– Фить! – присвистнул царский посыльный. – На силезской границе!

– Не дурак он, не дурак, – опять за свое Зайчиков.

И все-таки Лунина ждут.

– Приедет, – сказал Константин. – Знаю характер Лунина. Приедет.

Ждут день, второй, третий. Четвертый кончается день. Не возвращается Лунин.

– Обхитрил, обхитрил, – не унимается Зайчиков.

Прошел еще день. И вдруг Лунин вернулся. Разгоряченный, красивый, стройный. С убитым медведем в санях.

Спрыгнул Лунин на снег.

– К вашим услугам, – сказал фельдъегерю.

Все так и замерли.

Усадили Лунина в фельдъегерскую тройку.

– По – ошел! – дернул ямщик вожжи.

Тронулись кони. Ударили бубенцы.

– Чудак человек, – говорили в Варшаве. – По доброй воле голову в пасть.

«Чудак», – подумал и сам великий князь Константин.

Даже дежурный офицер Зайчиков и тот заявил:

– Да, не каждый, ваше высочество, способен к поступку оному.

– Ну, а ты бы? – спросил Константин.

– Я бы, ваше высочество, поминай как звали...

– Да, не каждый... – задумчиво повторил Константин. Потом посмотрел на дежурного офицера, брезгливо по морщился и, нахмутивши брови, бросил: – В том-то и беда для трона: Луниных мало, Зайчиковых много.

СТАРШИЙ ИЗ ЧЕТЫРЕХ

Гордо держали себя декабристы во время допросов. По Петербургу ползли слухи о смелом ответе царю Николаю Бестужева.

– Так и сказал?

– Так и сказал.

Морской офицер Николай Бестужев был старшим из братьев Бестужевых. Это он призвал к восстанию, а затем и привел на Сенатскую площадь гвардейский морской экипаж.

Стоят друг против друга царь Николай I и Николай Бестужев.

Внимательно смотрит на декабриста царь.

– Ты Николай Бестужев?

– Так точно, ваше величество, я и есть Николай Бестужев.

– Значит, поднял руку свою на Отечество?

– Никак нет, ваше величество. За святыню почитаю Родину. Ценю превыше всего Отечество.

– Против чего же ты бунтовал?

– Против негодных порядков, ваше величество.

Генерал – адъютант Левашов – он сидел за большим дубовым столом и записывал ответы Николая Бестужева – при этих словах оторвал голову от бумаги, глянул на Бестужева, на государя. Щеки царя зарозовели – признак того, что царь подавляет гнев.

– Да знаешь ли ты, – Николай I повысил голос, – что все вы в моих руках...

– Знаю, – спокойно ответил Бестужев.

Спокойный ответ и взорвал царя.

– Ах, знаешь! – закричал Николай I. – Нет, ты пока ничего не знаешь. Хочешь, тебя помилую?

Не отвечает Бестужев.

– Да знаешь ли ты, слово одно государя – и...

Вот тут-то Николай Бестужев и произнес ту самую фразу, о которой потом говорил Петербург:

– Ваше величество, в том-то и все несчастье, что каприз царей в России превыше любых

законов. Против порядков этих я и поднял с друзьями меч.

«ПРАВДУ СВЯТУЮ, НЕГОДНИК ПИШЕТ...»

Из Петропавловской крепости от декабриста Александра Якубовича царь получил письмо. Рад государь письму. Раз прислал Якубович письмо, значит, будет, конечно, каяться, будет просить прощения.

Глянул – письмо большое.

«Надо же, сколько всего написал. Совесть, видно, заговорила. А он ничего. Он молодец. Надо его помиловать», – стал рассуждать Николай I.

Царь уже знал о том, что Александр Я кубович не выполнил поручения декабристов. Именно он 14 декабря должен был захватить Зимний дворец.

Уселся царь в кресло, начал читать письмо.

Пишет Якубович о том, что Россия страна богатая. Не считаны богатства ее, не мерены.

«Прав Якубович, прав, – кивает царь. – Правду святую, негодник, пишет...»

А дальше Якубович пишет о том, что страна, мол, богатая, но народ в России несчастен, замучен поборами, гнетом дворян придавлен.

Хмыкнул на это царь Николай I. Недовольно поморщился.

Пишет Якубович царю о русских солдатах. Мол, более геройских солдат не сыщешь на целом свете.

«Прав Якубович, прав, – соглашается царь. – Правду святую, негодник, пишет...»

А дальше Якубович пишет о том, что этот самый русский солдат – герой солдатской лямкой, словно удавкой, схвачен. Бесправен. Начальством бит. Трудно порой понять, человек ли вообще солдат.

Хмыкнул снова царь Николай I, на письмо покосился недобрым взглядом.

Пишет Якубович царю о законах (мол, писаны эти законы богатыми против бедных), о жизни торгового люда (и эти от разных поборов стонут), о многом другом.

Читает Николай I письмо, мрачнеет от строчки к строчке.

– Не прошу, не прошу, – шепчет царь. – Пусть хоть трижды теперь покается.

Тем более хочется Николаю I, чтобы Якубович попросил у него прощения. Гадают царь, на какой странице начнет Якубович каяться – на пятой, шестой, на последней?..

Глянул царь на страницу пятую, читает: «Нет защиты утесненному».

Глянул на страницу шестую, читает: «Нет грозы и страха утеснителю».

Морщится в гнев царь. Сжал кулаки от злобы. Дочитал письмо до конца. А где же слова о прощении? Нет ни строчки о том в письме.

– Ах ты разбойник, дрянь! – совсем не по – царски ругается царь. – Все они сволочи, все! Нет им прощения, нет им пощады!

Разволновался совсем государь. Схватился рукой за сердце:

– Дурново! Дурново!

Мчит царский любимец флигель – адъютант Дурново, тащит капли от сердца.

ЦЕЛОВАНИЕ

Декабристов Александра Муравьева, Ивана Анненкова и Дмитрия Арцыбашева на допрос к царю привели не по отдельности, а всех вместе. Встретил их Николай I учтиво, даже приветливо.

– Каковы молодцы! Молодцы каковы! – повторял государь, поглядывая на молодых людей.

Все они были гвардейскими офицерами.

– Мундиры – то как сидят! Похвально для офицеров, похвально.

Николай I прошелся по кабинету.

– Как матушка? – спросил у Александра Муравьева.

Екатерина Федоровна Муравьева, мать декабристов Никиты и Александра Муравьевых,

была известна на весь Петербург. Дом ее посещали разные знаменитости: поэты, художники, музыканты.

– А ты, кажись, одинок: ни сестер у тебя, ни братьев, – обратился к Ивану Анненкову.

– Помню, помню отца твоего, – сказал Дмитрию Арцыбашеву, – лестное только могу сказать.

Смотрят молодые люди на государя. Вот ведь милый какой государь. Даже неловко им как-то стало.

Николай I был неплохим актером. Умел он принять вид устрашающий и тут же на редкость добрый. Знал, где мягко сказать, где твердо. Где голос повысить, где перейти на шепот. Тренировался царь перед зеркалом. Даже у настоящих актеров уроки брал.

Вот и сейчас: выпятил грудь государь, голову важно вскинул, посмотрел по – отечески на декабристов.

– Уверен, господа, пробудете в крепости вы недолго. Надеюсь вас видеть снова в своих полках.

Слова эти были равны прощению.

Стоявшие рядом с царем приближенные бросились целовать Николаю I руки. Кто-то шепнул молодым офицерам, чтобы и они подошли к руке государя.

Переглянулись друзья. «Эх, была не была! Бог не выдаст – свинья не съест...»

Протянул Николай I им руку для целования. Протянул и опять говорит:

– Надеюсь вас видеть в гвардейских полках. Уверен в чистосердечном вашем признании.

Жду рапорт от каждого с описанием всех возмутительных дел.

Кто-то подсказал Николаю I:

– О Рылееве пусть больше напишут. Пусть не забудут про братьев Бестужевых.

– О Рылееве – больше, о Бестужевых – больше, – сказал Николай I.

Вот тут-то и поняли друзья, почему царь стал вдруг таким добрым, во имя чего обещал им прощение.

Стоит Николай I с протянутой рукой. Не подходят к руке офицеры.

– Целуйте же, – кто-то опять шепнул.

– Целуйте!

– Целуйте!

Не хотят целовать офицеры. Стоит Николай I, держит на весу руку, от неудобства как рак краснеет.

Хорошо, не растерялся флигель – адъютант Дурново, выскочил он вперед, наклонился к руке государя. Чмок! – разнеслось по залу.

ОПОРА ОТЕЧЕСТВУ

Петропавловская крепость. Алексеевский равелин. Равелин – это крепость в крепости. В казематах холод и мрак. Каменный пол. Каменный потолок. Сырость кругом. Стены, как в бане, вспотевшие.

Сюда, в Алексеевский равелин, и были брошены декабристы.

Комендантом Петропавловской крепости был генерал от инфантерии Сукин. Наводил он на подчиненных страх и грозным видом своим, и своей фамилией. Умом большим Сукин не отличался. Но служакой был примерным.

– Из крепости, мне отцом – государем доверенной, муха и та не вылетит, – любил говорить генерал Сукин, – блоха, простите, и та не выпрыгнет.

И вдруг оказалось, что на волю попало письмо, написанное в крепости «государственным преступником» декабристом Иваном Пушиным. Слух о письме проник в Зимний дворец. Стало известно о нем царю. Поднял комендант на ноги всю охрану, молнии мечет, ведет дознание.

– Да чтобы в крепости, мне отцом – государем доверенной, и такое вдруг случилось!.. Государю о том известно. Кто виноват, говорите!

Молчат подчиненные.

– Да я любого из вас сгною! В кандалы вас, в Сибирь!

Молчат подчиненные. И даже те, которые готовы были бы обо всем рассказать, сказать ничего не могут. Никто не знает, как попало письмо на волю.

Трудно гадать, что бы предпринял примерный Сукин, да тут нашелся один из охранников:

– А может, вины здесь, ваше высокопревосходительство, вовсе ничьей нет.

– Как так нет?! – поразился Сукин.

– А может, письмо из крепости ветром выдуло, – ответил охранник и тут же добавил: – Вестимо, ветром. Только это и может в доверенной отцом – государем вашему высокопревосходительству крепости быть.

Подумал Сукин. Ответ понравился.

В тот же вечер комендант докладывал царю:

– Ваше величество, все проверено.

– Так, так.

– Виновных по этому делу нет. В крепости, доверенной мне вашим величеством, все в полном порядке. Письмо из крепости выдуло ветром.

Царь посмотрел удивленно на Сукина. Шутит, что ли, примерный Сукин? Однако вид у генерала вполне серьезный. Стоит аршином. Не моргнет, ест глазами отца – им – ператора.

– Ладно, ступай, – произнес Николай I. Понял: ждать от Сукина больше нечего.

– Да он же дурак, – сказал царю присутствовавший при этом разговоре князь Федор Голицын.

– Дурак, но опора Отечеству, – ответил Голицыну Николай I.

– Опора – вот что сказал обо мне государь, – хвастал после этого Сукин.

– Опора, опора, – шептались люди. – На Сукиных все и держится.

ЧУДНОЙ

Страшное место Алексеевский равелин. Тут и здоровый недолго выдержит.

Декабрист Михаил Митьков был болен чахоткой.

Стала мать Митькова обивать пороги у разных начальников, писать письма, прошения. Просит она совсем о немногом: хотя бы передачу разрешили для сына.

– Он же болен у нас, поймите. Христом Богом прошу о милости.

Гонят отовсюду старушку мать:

– Тюрьма не больница. Шел на царя – не кричал, что хворый.

И все же кто-то из добрых людей нашелся, разрешили передачу.

Приготовили дома для заключенного узел. Теплое белье уложили, носки из верблюжьей шерсти, шарф из козьего пуха, поддевку из заячьих шкурок, большие крестьянские валенки. Собрали мешок съестного.

Приняла охрана для заключенного передачу. Унтер – офицер Соколов понес ее в камеру.

Стал Митьков разворачивать узел. Вот это богатства: и шарф, и поддевка, и валенки.

– А вот тут еще, – уточняет унтер – офицер Соколов, – вот в этой холстине, для вас харчи: и сдобный калач, и тушка утиная, и сала целых четыре фунта.

При виде съестного обилия закружилась у Митькова голова. Хотел он тут же потянуться к сдобному калачу, да постеснялся охранника.

– Ешьте, ешьте, – сказал Соколов. – Другой бы вам позавидовал.

Митьков насторожился. Повернулся к тюремщику:

– Как – позавидовал? Что, разве другим...

– Не полагается. Ни – ни, – покачал головой Соколов. – Это вы уж матушке своей в ноги поклонитесь. Сие никому не позволено.

– Как не позволено?

– Строжайше, – сказал Соколов.

– Вот что, любезный. – Митьков посмотрел на еду и на вещи, отломил кусок от сдобного калача, отложил в сторону шарф, остальное придвинул к тюремщику. – Возьми, раздели, как сочтешь разумным. Рылеева не забудь и Лунина. Валенки лучше б всего Фонвизину. Поддевку из заячьих шкурок – Басаргину.

– Да что вы, Михаил Фотиевич, что вы, Бог с вами! Да за такие дела...

– Как?! И этого тут нельзя?!

– Ни – ни. И думать об этом страшно.

– Любезный, – просит Митьков, – сделай такую милость. Каховского не обдели, Бестужевых...

– Нельзя, – строго сказал Соколов.

Митьков сразу как – то обмяк, осунулся. Страшный кашель сотряс его грудь.

– Нельзя! Ах, так! Нельзя!..

Он хотел сказать что – то еще, ко кашель мешал. Слова вырывались с хрипом.

Тогда поспешно, не разбирая, где провиант, где вещи, Митьков сгреб все в один мешок, сунул туда же оставленный шарф и кусок калача, бросил мешок Соколову.

– Уноси!

– Да что вы, Михаил Фотиевич! Да как же так? Ведь матушка, они старались...

– Уноси! – кричал Митьков. – Уноси! Слышишь? – И неожиданно скомандовал: – Кругом!

Соколов растерялся. Попятился к двери. Унес мешок.

Поступок Митькова произвел впечатление даже на самых суровых тюремщиков.

– Чудной, – говорили одни.

– Чахоточный, с придурью.

Однако нашлись и другие:

– Каков молодец! Не мог такой ради дурного идти на площадь. Э – эх, не помог им тогда Господь...

Правда, эти говорили негромко. Шептали из уха в ухо.

ЭТО ЕЩЕ СТРАШНЕЕ

Страшное место Алексеевский равелин. Но если ты кинул в бою товарищей, если совесть твоя в огне – это еще страшнее.

На совещании у Рылеева полковник Александр Булатов дал слово захватить Петропавловскую крепость. Подвел Булатов своих товарищей. Не явился в тот день к войскам.

И вот вместе с другими схвачен теперь Булатов. Сидит за крепкой тюремной стеной. Сырость кругом и мрак.

Не замечает Булатов сырости. Безучастен к тому, что мрак.

Холод кругом.

Не ощущает Булатов холода.

Казнит сам себя Булатов. Не может себе простить того, что предал, подвел товарищей.

Лучшие люди России: Рылеев и Пестель, братья Муравьевы, братья Бестужевы, Якушкин и Лунин, Пущин и Кюхельбекер и много – много других – не там, на свободе, а здесь.

Бесстрашные дети России, герои войны 1812 года: генералы Волконский, Орлов, Фонвизин, командиры полков и рот Артамон Муравьев, Повало – Швайковский, Давыдов, Юшиевский, Батеньков и много – много других – не там, на свободе, а здесь.

Повисла петля над всеми. Близок час расправы.

Терзает себя Булатов: это он, Булатов, за все в ответе. Из – за него, по его вине на смерть и муки пойдут товарищи.

Снятся ему кошмары. Приходит к нему Рылеев, приходят Каховский, Лунин, Якушкин, братья Бестужевы, Пестель, Сергей Муравьев – Апостол. Обступают они Булатова, на бывшего друга с укором смотрят.

– Простите! – кричит Булатов.

Молча стоят друзья.

Проснется Булатов, едва успокоится – на смену кошмару новый идет кошмар. В тюремной, до боли в глазах темноте, в тюремной, до боли в ушах тишине вдруг явственно слышит Булатов:

– Предатель.

– Предатель.

– Предатель.

Не вынес Булатов душевных мук. Покончил с собой. Разбил о тюремные стены голову. Страшное место Алексеевский равелин. Но если совесть твоя в огне – это еще страшнее.

ФОНВИЗИН

Узникам Алексеевского равелина дважды в неделю разрешались короткие прогулки по тюремному двору. Двор маленький. Шаг вперед, шаг назад – вот и вся прогулка.

Во время одной из таких прогулок декабриста генерала Михаила Александровича Фонвизина кто-то окликнул:

– Здравия желаю, ваше превосходительство!

Фонвизин поднял глаза:

– Петров?!

– Так точно, ваше превосходительство!

– Откуда же ты, Петров?

Объяснил солдат, что несет караул в Петропавловской крепости.

– Да я не один, – добавил. – Здесь и Мышкин, и Дугин, и унтер – офицер Измайлов. Может, помните, ваше превосходительство?

– Как же, помню, помню. Орлы! – ответил Фонвизин.

Оказывается, охрану Петропавловской крепости в этот день несли солдаты, которыми генерал когда-то командовал.

Солдаты очень любили своего командира. Фонвизин был одним из немногих, кто отменил у себя в полку телесные наказания.

Посмотрел Петров на генерала:

– Михаил Александрович, ваше превосходительство, значит, и вы тут? Вот оно как. – Потом перешел на шепот: – Мало вас было. Э – эх! – Петров замолчал. Затем неожиданно: – Одна минута, ваше превосходительство, – и ку- да- то исчез.

Вскоре солдат вернулся. Но не один. С ним еще двое – Дугин и унтер – офицер Измайлов.

– Здравия желаем, ваше превосходительство, – поприветствовали солдаты своего бывшего командира. Затем Измайлов тихо сказал:

– Бегите, Михаил Александрович. Караулы у крепости наши.

Фонвизин смутился.

– Бегите, – зачастил Измайлов, – не мешкая бегите, ваше превосходительство. В другой раз такого не будет. Караулы что ни день меняются.

Фонвизин покачал головой.

– Бегите, – повторил Измайлов, – о нас не тревожьтесь. Комар носа не подточит. Не видели, не знаем, не ведаем. А ежели и палок дадут, спина у солдат привычная.

– Спасибо, братцы, – сказал Фонвизин. – Спасибо. Ценю. До гроба ценить буду. Не помышляю о спасении. Об Отечестве думал. Не получилось. Не один я тут. Не выходить мне одному отсюда. Прощайте!

– Кончай прогулку! Кончай прогулку! – раздался голос дежурного офицера.

– Прощайте, – еще раз повторил Фонвизин.

ОЛЕНЬКА

Представился случай бежать из Петропавловской крепости и поручику Николаю Басаргину.

Поручик был молод. Отличался веселым нравом. Однако в крепости Басаргин изменился. Стал грустен, задумчив. Что-то мучило Басаргина. Нет, не суда он страшился, не суровой расправы. Человеком он был отважным. Осталась на воле у поручика дочка. Безумно любил Басаргин свою Оленьку. Думал теперь об Оленьке. «Эх, бежать бы из крепости!»

И однажды тюремный сторож сказал Басаргину:

– Жалко мне вас, ваше благородие. И я готов вам помочь.

«Чем же он поможет? – подумал поручик. – Разве что притащит лишнюю порцию каши».

Через день унтер – офицер (тюремный сторож был в унтер – офицерском звании) снова появился в камере Басаргина и зашептал:

– Баше благородие, хотите бежать из крепости?

Чего угодно ожидал Басаргин, только не этого. Даже не поверил тюремному сторожу.

– Как же ты через все караулы – в кармане, что ли, меня пронесешь?

– Хотя бив кармане, – загадочно ответил сторож.

Долго не мог заснуть в ту ночь Басаргин. Лежал он на нарах, смотрел в сырой потолок. И представлялась поручику Оленька. Шли они вместе по лугу. Носились стрижи над обрывом. Тихо шептались травы. Заливалась Оленька смехом.

«Убегу. Ради нее убегу», – решил, засыпая, поручик. Заснул и снова увидел Оленьку. Только это уже не трехлетняя девочка, а взрослая Оленька. Красивая, стройная. Смотрит Оленька на отца и вдруг задает вопрос:

– Скажи, а это верно, что ты убежал из крепости?

– Верно.

– А верно, что остальные пошли на каторгу?

Запнулся с ответом поручик и туг же открыл глаза. Чувствует – прошиб его пот холодный. Утром в камере вновь появился тюремный сторож.

– Все договорено, ваше благородие. Готовьтесь. Нынче ночью.

Посмотрел Басаргин на унтер – офицера и говорит:

– Братец, прости, не могу: Оленька.

– Что – Оленька? – не понял сторож.

– Не велит.

Унтер – офицер удивленно посмотрел на Басаргина.

– Не простит, понимаешь, Оленька. Ступай, дорогой ступай.

Сторож хотел что-то сказать.

– Ступай, – повторил Басаргин.

«Э – эх, рехнулся, видать, поручик», – подумал унтер – офицер, выходя из камеры.

ПРИГОВОР

Шесть томительных месяцев провели декабристы в Петропавловской крепости. Шесть томительных месяцев не прекращались допросы. И вот приговор объявлен. Пять декабристов: Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Сергей Муравьев – Апостол, Михаил Бестужев – Рюмин и Петр Каховский – были приговорены к смертной казни через повешение. Остальные лишались чинов и званий и ссылались в Сибирь на каторгу.

Декабристы гордо встретили свой приговор.

– И в Сибири есть солнце, – сказал декабрист Сухипов.

12 июля, впервые за все эти месяцы, заключенных собрали вместе. Была устроена церемония лишения осужденных чинов и званий. Называлось это гражданской казнью. С осужденных должны были сорвать эполеты и ордена, бросить в огонь. Над головой у каждого переломить шпагу.

Николай I находился в это время далеко за городом, в Царском Селе. Он приказал, чтобы через каждые 15 минут к нему являлся фельдъегерь, сообщал о том, как идет церемония.

Приехал первый фельдъегерь:

– Построены, ваше величество. Генерал – адъютант Чернышев приказал распалить костры.

– Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

– Да что-то не очень видно, ваше величество.

Прибыл второй фельдъегерь:

– Костры разложены, ваше величество.

– Так.

– Генерал – адъютант Чернышев дал приказ срывать эполеты и ордена.

– Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

– Да что – то не очень видно, ваше величество.

Третий курьер явился:

– Срывают эполеты и ордена, ваше величество. Бросают в огонь.

– Так.

– Генерал – адъютант Чернышев отдал приказ ломать шпаги над головами.

– Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

– Да что – то не очень видно.

Четвертый курьер примчался:

– Шпаги ломают, ваше величество.

– Так.

– Генерал – адъютант Чернышев отдал приказ одеть виновных в каторжные халаты.

– Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

– Осмелюсь доложить, государь, смеются, кажись, злодеи.

Царь побагровел, в гневе бросил посыльным:

– В цепи презренных, в цепи! – Схватился рукой за сердце. – Дурново! Дурново!

Мчит Дурново, тащит капли от сердца.

РАСПЛАКАЛСЯ

Гордо встретили декабристы приговор суда. А вот морской офицер лейтенант Бодиско расплакался.

– Морской офицер лейтенант Бодиско расплакался, – доложил генерал – адъютант Чернышев царю.

Николай I улыбнулся, остался доволен.

– Вижу, среди негодяев хоть и один благородный человек, да есть. Если бы знал – помиловал. Что же он говорит?

Что говорил Бодиско, генерал – адъютант Чернышев не знал.

– Разузнать! Доложить! – приказал Николай I.

Стал хвастать царь своим приближенным, что морской офицер лейтенант Бодиско расплакался.

Похвастал брату.

Похвастал жене.

Адъютантам своим похвастал.

– Расплакался! Расплакался! Расплакался! – повторял государь. Даже повеселел. Даже по – мальчишески насвистывать что – то начал. – Расплакался! Расплакался! А сегодня я вам передам, что при этом сказал Бодиско.

Разнесли адъютанты налево, направо слова государя о том, что морской офицер расплакался.

– «Среди негодяев человек благородный есть. Если бы знал, помиловал» – вот что сказал государь.

В богатых домах Петербурга о слезах лейтенанта Бодиско только теперь и речь.

– Морской офицер расплакался!

– Морской офицер расплакался!

Правда, надо сказать, что активного участия в восстании Бодиско не принимал. И по решению суда наказание было вынесено ему по сравнению с другими совсем не суровое, а даже, скорее, мягкое. Как других, не отправляли его на вечную каторгу. Лишался Бодиско чинов и дворянства, ссылался в Сибирь на поселение.

Вечером генерал Чернышев снова докладывал царю:

– Дознались, ваше величество.

– Ну – ну. Что говорил Бодиско? Какими словами каялся?

– Ваше величество, он того...

– Что «того»? – насупился царь.

– Плакал этот злодей не потому, что в тяжких грехах раскаялся. Счел, разбойник, ваше

величество, за личное унижение столь мягкий ему приговор. «Стыдно смотреть мне в глаза товарищам» – вот что сказал Бодиско.

ПЯТЕРО

Петербург. Лето. Июльский рассвет. Неохотно плывут облака. Нева еще сонно дремлет. Шпиль Петропавловской крепости шпагой вонзился в небо.

Осужденных ведут на казнь. Вот они, пятеро: Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Сергей Муравьев – Апостол, Михаил Бестужев – Рюмин, Петр Каховский. Идут они в белых льняных рубашках. Прощально звенят кандалы.

Кронверк Петропавловской крепости. Слева стоят солдаты. Справа стоят солдаты. Помост. Два столба. Перекладина. В красной рубаше палач. Пять веревок, как змеи, петлей свисают.

Идут декабристы. Двадцать шагов до смерти... десять... последние пять.

Генерал – адъютант Чернышев – он старший и тут, при казни, – сидит верхом на коне, смотрит на обреченных. В руках у генерала лорнет. То поднесет он его к глазам, то на секунду опять опустит.

Ждет генерал – адъютант Чернышев, не дрогнет ли кто–нибудь из осужденных. Не раздастся ли стон, не сорвется ли крик.

Четыре шага до смерти. Идут декабристы. Открытый, бесстрашный взгляд. Три шага. Два. Последний предсмертный шаг.

– Начинай! – закричал Чернышев.

Накинул палач на осужденных петли. Затянул. Перепроверил. Из-под ног ловким ударом выбил скамейки.

Натянулись веревки – змеи, превратились в тугие струны.

Снова поднес к глазам генерал – адъютант Чернышев лорнет.

И вдруг... Оборвался Рылеев.

И вдруг... Оборвался Муравьев – Апостол.

И вдруг... Оборвался Каховский.

Солдаты, присутствовавшие при казни, замерли. Кто – то быстро перекрестился, зашептал:

– Помиловал Господь, помиловал.

В старину существовал обычай, согласно которому человека, если он сорвался с виселицы, второй раз не казнили – миловали.

Растерялся и сам палач. Повернулся к Чернышеву.

Махнул генерал рукой. Не понял палач, замешкался.

– Вешай! – закричал Чернышев.

Похоронили казненных на острове Голодай, тайно, Где – неизвестно.

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

– В Сибирь!

– Бог ты мой!

– Катенька!

Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая уезжала к мужу в Сибирь, на каторгу.

Когда прошение Трубецкой попало в руки к царю, он долго вертел бумагу. Не хотел Николай I отпускать Трубецкую:

– Пример нехороший. Поедет она, а за ней и другие следом.

Мечтал Николай I о том, чтобы забыли вообще декабристов, чтобы отвернулись от них и отцы и жены. Решил припугнуть Трубецкую.

– Если поедет, лишить ее титула княжеского. Посмотрим, посмотрим, – усмехнулся Николай I. – Сразу небось передумает.

Сообщают дарю:

– Трубецкая согласна, ваше величество.

Хмыкнул царь Николай I. Уставился в потолок. Что бы еще придумать?

– Денег не брать. Ценных вещей не брать. Подчиняться во всем коменданту. Видеться с мужем в неделю раз. Ладно, пусть будет – два, зато в арестантской палате. И при свидетелях. Посмотрим, посмотрим, – усмехнулся Николай I. – Сразу небось передумает.

Сообщают царю:

– Трубецкая согласна, ваше величество.

Хмыкнул царь Николай I. Грозно повел бровями. Уставился в потолок. Что бы еще придумать?

– Если родятся дети, – царь поднял палец над головой, – лишить их отцовской фамилии. Приписывать к местным заводам. Считать крестьянами. Посмотрим, посмотрим, – усмехнулся Николай I. – Сразу небось передумает.

Сообщают царю:

– У княгини слезы стоят в глазах.

Улыбнулся царь Николай I. Молодец, неплохо придумал.

– Значит, не едет теперь Трубецкая?

– Ваше величество, едет, согласна.

– Ах, так! – обозлился царь. – Навеки ее в Сибирь. Дороги назад не будет!

Тронулась в путь Трубецкая. Верста за верстой, верста за верстой. Десятки, сотни, тысячи верст. Приволжские степи, Уральские горы. Просторы сибирских лесов и рек.

– Быстрее, быстрее, – просит княгиня.

Едет и днем и ночью.

Через месяц Екатерина Ивановна была в Иркутске. Совсем рядом Благодатский рудник – там находится сейчас ее муж. Еще несколько дней – и увидит княгиня мужа. Однако не пропускает иркутский генерал – губернатор жену декабриста дальше. Находит причины разные. Получил он приказ от царя чинить непокорной помехи.

– Не могу, не могу, княгиня. Осень. На Байкале обвалы, идет большая волна.

При новой встрече:

– Не могу, не могу, княгиня. Не предвидится транспортных средств.

Проходит еще неделя.

– Не могу, не могу, княгиня. На дорогах хозяйничают разбойники. Я же за вас в ответе.

Не отступает отважная женщина.

Сказался губернатор тогда больным.

Ходит к нему Трубецкая и раз, и второй, и пятый. Слышит одно в ответ:

– Его превосходительство хворые.

– Не может принять, не может.

Пять месяцев добивалась Трубецкая приема. Не отступила. Доконала она губернатора. Получила разрешение тронуться дальше в путь.

Но это еще было не все. Приехала Трубецкая на Нерчинские рудники, и тут началось все сначала.

Встретил ее начальник Нерчинских рудников Бурнашев:

– Княгиня, княгиня, жалко мне вас. Там не дворцы.

– Знаю!

– Не хоромы...

– Знаю!

– Там снега и кандалный звон!

– Знаю!

Развел Бурнашев руками. Приказал для Трубецкой приготовить санки.

КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ

В доме Волконских бал. Свечи костром пылают. Мелькает за парой пара. Кружатся. Кружатся. Кружатся. Плавно играет вальс. Марии Волконской всего восемнадцать лет. 1825 год. Весна.

Всем известна батарея Раевского. Все помнят суровый 1812 год. Неман, Витебск, Смоленск, Бородино... Кутузов, Барклай де Толли, Багратион, Николай Раевский... Мария Волконская – дочь генерала Раевского.

Твои пленительные очи
Милее дня, чернее ночи –

так писал Пушкин о Марии Раевской.

В начале 1825 года юная Мария Раевская стала женой князя Волконского.

Сергей Волконский, как и отец Марии, был прославленным героем войны 1812 года. В семнадцать лет он уже командовал полком. В двадцать пять стал генералом. В пятидесяти восьми сражениях участвовал князь Волконский. Не счесть наград и орденов, полученных им за отвагу.

Князь Волконский был активным участником Южного тайного общества. И вот приговор – Сибирь, двадцатилетняя каторга, вечное поселение. Еще с большим трудом, чем княгиня Трубецкая, добилась Мария Волконская права поехать следом за мужем на каторгу.

Княгиня Трубецкая ехала летом. Княгине Волконской пришлось двигаться тем же путем зимой!

Бежали версты. Мелькали поля в сугробах. Угрюмо смотрели Уральские горы. Грозно качали ветвями сибирские кедры. Бушевали бураны, стонали метели. Кони сбивались с пути. Были голодные волки. И птицы, не выдержав лютых морозов, падали в снег, как камни.

В Иркутске Марии Волконской, как и княгине Трубецкой, пришлось выдержать нелегкий разговор с губернатором. Пугал губернатор княгиню.

– Согласна! Согласна! На все согласна!

В Нерчинске – с Бурнашевым.

– Согласна!

– Согласна!

– Согласна!

И вот Благодатский рудник.

Вот он – Сергей Волконский.

Мария Николаевна бросилась к мужу. Замерла: послышался звон цепей. Это муж рванулся навстречу.

Не ожидала Мария Николаевна увидеть мужа в цепях. Растерялась. Но тут же пришла в себя. Опустилась перед Волконским на колени, поцеловала его кандалы. Потом поднялась и нежно прижалась к нему.

Начальник рудников Бурнашев, бывший при этой встрече, остолбенело смотрел на молодую княгиню. Было тогда Марии Волконской неполных двадцать лет.

КОРОТКОЕ СЛОВО «НЕТ»

Вслед за Трубецкой и Волконской приехали в Сибирь жены и других декабристов: Александра Григорьевна Муравьева – жена Никиты Муравьева, Наталья Дмитриевна Фонвизина – жена генерала Фонвизина, Александра Ивановна Давыдова, Елизавета Петровна Нарышкина, Александра Васильевна Ентальцева и другие.

Рвалась к мужу и Мария Андреевна Поджио. Но где же сам Поджио? Нет о нем никаких вестей. Куда же Марии Андреевне ехать? На рудник Благодатский, на Зерентуйский? В остроги Читинский, Петровский, в другие места? Куда?!

– Забудь ты его, забудь, – говорит Марии Андреевне отец – сенатор и генерал Бороздин. – Он преступник. Забудь!

Иосиф Викторович Поджио был приговорен к двенадцатилетней сибирской каторге.

Посылает Мария Андреевна письма в Сибирь.

«Не привезен», – отвечают с рудника Благодатского.

«Не привезен», – отвечают с рудника Зерентуйского.

Приходит ответ из острога Читинского. Приходит из острога Петровского. Из других

далеких сибирских мест. Отовсюду один ответ – короткое слово «нет».

– Забудь ты его, забудь, – начинает отец. – Из головы злодея выброси.

Но не забывает Мария Андреевна.

Летят ее письма в далекие дали: в Якутск, в Верхоянск, в Верхне – Колымск, Туруханск, на Витим. Во многие места Сибири разослал декабристов царь. Может, Поджио именно здесь?

Приходят ответы из дальних далей. Во всех ответах одно слово – короткое слово «нет».

– Помоги, разузнай, – просит Мария Андреевна отца. – Ты сенатор, ты генерал, ты у царя в почете. Неужели тебе откажут?

Пообещал генерал Бороздин. Слово сдержал. Через неделю принес ответ.

– Разузнал. Помер давно злодей.

Плачет Мария Андреевна. Не верит.

Идут годы. Один за другим. Не верит Мария Андреевна. Все ждет: вот – вот откроются двери, хотя бы письмо принесут от мужа. Десять лет дожидалась она вестей. Наконец сникла, смирилась. Поверила – нет в живых Поджио.

А Поджио был жив и здоров. Томился он в Шлиссель–бургской крепости. Сам Бороздин декабриста туда запрятал. Не зря он сенатор, не зря генерал, не зря у царя в почете.

Не хотел генерал Бороздин, чтобы дочь вслед за мужем в Сибирь уехала.

– Я хитрее других, – хвастал друзьям Бороздин. И Трубецких и Раевских. Я свою дуру обвел вокруг пальца. Ради счастья ее старался.

А какое у Марии Андреевны счастье? До самой смерти она томилась. Все вспоминала Поджио.

– Я выйду замуж за русского!

– Что за фантазии?!

– За русского, за русского, – смеялась Полина Гебль.

Полина Гебль родилась во Франции. И вдруг сложилось так, что девушка приехала в Россию, в Москву. Здесь, в Москве, Полина Гебль и познакомилась с молодым гвардейским офицером, будущим декабристом кавалергардом Иваном Анненковым.

Редкой преданностью отличалась Полина Гебль. Когда Анненков был арестован, она немедленно приехала из Москвы в Петербург, бросилась к Петропавловской крепости, добилась с ним встречи.

– Кто вы? Куда? Тут и жен не пускают, – преградили ей путь дежурные офицеры. И все же уступили просьбам молодой девушки.

Пропустили ее офицеры, а потом сами же поражались: «Как это мы ее пропустили?!»

Полина Гебль и вторично проникла в крепость. Прошел слух, что Анненков собирается кончить жизнь самоубийством. Стояла ночь. Мосты через Неву были разведены. Шел лед. Казалось, перебраться на противоположную сторону нет никакой возможности. И все же Полина Гебль уговорила старика лодочника.

– Погибнем же, милая, – отговаривался старик.

– Прошу тебя, дедушка.

– Не пропустит Нева, не думай.

– Пропустит, дедушка, пропустит! – твердила Полина Гебль.

Сдался старик, перевез ее на ту сторону. Перевез, а потом сам же и поражался: «Как это я ее перевез!»

Дежурные офицеры остоленели, увидев Полину Гебль. Разрешили они ей второе свидание с женихом. Разрешили, а потом сами же и поражались: «Как это мы ей опять разрешили?!»

После объявления Анненкову приговора Полина Гебль решила ехать за ним в Сибирь. Но для этого нужно было получить согласие царя. Узнав, что Николай I будет на военных маневрах под городом Вязьмой, Полина Гебль помчалась под Вязьму. В день маневров ей удалось подойти к царю. Николай I нахмурился:

– Что вам угодно? Кто вы, жена?

Раздраженно поморщился: «Свои надоели. А тут еще француженка».

И все же разрешил Николай I Полине Гебль ехать в Сибирь. Разрешил, а потом сам же и поражался: «Как это я ей разрешил?!» Хотел отменить решение. Да оказалось – поздно.

И вот Чита. Читинская церковь. Стоят рядом Полина Гебль и Иван Анненков.

– Да соединит вас Господь на веки веков, – торжественно выводит батюшка.

– На веки веков... – тянут певчие.

В Сибири закончилась история француженки Полины Гебль. Она стала Прасковьей Егоровной Анненковой.

Прямо из церкви, заковав в кандалы, Ивана Анненкова вновь увезли в острог.

ПОКЛОНИСЬ

В далекой Сибири есть одна могила среди многих. Часовня стоит над ней. Если будешь когда в Сибири, поклонись дорогой могиле. Русской женщине поклонись.

Александра Григорьевна Муравьева – жена декабриста Никиты Муравьева – была общей любимицей. Редкой красоты, редкой доброты женщина.

Грязь, непогода ли стоит на дворе, мороз ли три шкуры сдирает, пурга ли сбивает с ног – спешит Муравьева к тюремной ограде. То мужу еду несет, то идет просто взглянуть на него.

Любому поможет Александра Григорьевна – накормит, напоит, словом утешит, рубаху зашьет.

Завидуют все Муравьеву.

В Сибири у Муравьевых родилась дочь. Назвали девочку Нонушкой. Обожала Александра Григорьевна Нонушку.

– Нонушка – солнышко!

– Красавица наша Нонушка!

– Нонушка самая, самая умная!

А Нонушке только год.

Счастлива была Муравьева. Не замечала сибирской каторги.

Но вот подошла беда.

Возвращалась она как-то в непогоду домой из тюрьмы от мужа. Застудилась в пути. Слегла. Не встала больше Александра Григорьевна.

Донесли царю, что в Сибири скончалась жена Муравьева.

– Все мы смертные, – ответил Николай I. – Говорил, не надо ездить. Господь покарал. Ну что ж, царство ей небесное.

Умирая, просила Муравьева похоронить ее в Орловской губернии, в родовом склепе, рядом с отцом.

Доложили царю и об этом. Не соглашается Николай I.

– Ваше величество, просят родные.

– Воля усопшей.

– Нас не поймут.

– Вновь зашумят на улицах.

Непреклонен Николай I:

– Пошумят, пошумят – забудут. Зато другим наука...

Но не забыта жена декабриста.

Если будешь когда в Сибири, поклонись дорогой могиле. Ниже, ниже поклонись.

БАТЕНЬКОВ

Гавриил Степанович Батеньков решением суда был приговорен к бессрочной сибирской каторге.

– Знакома ему Сибирь, знакома, – сказал на это Николай I. – Не напугаешь.

Батеньков до ареста был крупным государственным чиновником. По делам службы он несколько лет провел в Сибири, хорошо изучил и знал этот край.

Приказал Николай I оставить Батенькова в Петербурге, заточить в Петропавловскую крепость, в Алексеевский равелин.

Но главное было, конечно, не в том, что Батеньков хорошо знал Сибирь. Будучи на

важной государственной службе, Батеньков знал многое из того, что царь хотел бы сохранить в тайне.

– Тут место надежное, – говорил Николай I о Петропавловской крепости. – Пусть посидит. Стены тайны хранить умеют... Ну как? – спрашивал царь у Дурново.

– Гениально! – кричал Дурново. – Гениально!

Упрятал царь Батенькова в Алексеевский рavelин и все же мучился, не находил покоя. Все казалось Николаю I, что Батеньков и через стены сумеет разгласить известные тайны.

Думал царь, что бы еще изобрести.

– Его бы – того... – подсказал Дурново.

– Что – того?

– Объявить, ваше величество, что злодей от своих злодейств ума своего лишился.

Посмотрел на советчика царь:

– Умен, Дурново, умен!

Объявил государь Батенькова психически больным. Доволен Николай I: что бы ни сказал теперь Батеньков, кто же ему поверит, раз он не в своем уме.

Батеньков был и остался отважным человеком. Из Петропавловской крепости он писал царю резкие, негодующие письма. Одно из них кончалось словами:

И на мишурных тронах

Царьки картонные сидят...

– Картонные! – возмущался Николай I. – Я ему покажу – картонные. – И тут же: – Сумасшедший. Вот видите, сумасшедший. Что я вам говорил?

Двадцать лет продержал царь Батенькова в одиночной камере. Наконец смиловился:

– Ладно, пусть едет теперь в Сибирь.

СУХИНОВ

– Шевелись! Шевелись!

– монотонно командовал офицер.

Пятеро смертников рыли себе могилу. Уходят лопаты в промерзший грунт. Все глубже и глубже яма.

Рядом с могилой врыли столбы.

– Ваше превосходительство, все готово, – доложил офицер генералу.

Подвели обреченных к столбам. Генерал поднял руку, скомандовал:

– Пли!

Взвился дымок из солдатских ружей. Рухнули вниз казенные.

..Декабрист поручик Иван Сухинов был схвачен позднее других.

Невзлюбило тюремное начальство Сухинова. Погнало в Сибирь пешком. Семь тысяч верст прошагал в кандалах Сухинов. Шел год, шесть месяцев и одиннадцать дней.

Попал он на ту же нерчинскую каторгу, правда, отдельно от всех других – на Зерентуйский рудник.

Пробыл Сухинов здесь месяц, второй. Присмотрелся. Освоился. Появился у Сухинова план. Решил он взбунтовать

Зерентуйский рудник Встать во главе восстания. Поднять всю округу. Явиться в Читинский острог. Тут, в Читинском остроге, в то время находилось большинство декабристов. Сухинов мечтал организовать целую армию из заключенных. Он собирался освободить не только друзей – декабристов, но и всех тех, кто томился по разным сибирским каторгам.

Заключенные в Зерентуйске поддержали Сухинова. Стали сообща готовиться.

– Пули нужны, пули, – говорил Сухинов.

Стали заговорщики в лесу тайно лить пули и делать патроны.

– Первым делом берем цейхгауз¹⁵. – наставлял Сухинов.

Ходили каторжники вокруг цейхгауза, смотрели, с какой стороны лучше на склад напасть.

¹⁵ Цейхгауз – помещение, где хранилось оружие

Восстание назначили на май.

Все выше и выше над лесом солнце. Все ближе и ближе срок восстания.

И вдруг заговор Сухинова был раскрыт. Страшная участь постигла его участников. Шесть человек, в том числе и Сухинов, были приговорены к смертной казни. Остальных нещадно били плетью и кнутами.

Сухинова перед казнью хотели клеймить – поставить на лице раскаленным железом тюремные знаки. Для офицера такое наказание было страшнее смерти.

Узнал Сухинов:

– Не радоваться палачам!

Когда тюремщики пришли за ним в камеру, Сухинова не было уже в живых. Он сам покончил с жизнью.

ШЕСТНАДЦАТЬ АЛЕКСАНДРОВ

Александр Бестужев, Александр Муравьев, Александр Якубович, Александр Одоевский, Александр Поджио – брат Иосифа Поджио, моряк, Александр Беляев и еще десять Александров. Всего шестнадцать. Вот их сколько среди декабристов.

Каждый год в конце лета тюремное начальство разрешало для всех Александров устраивать общие именины. Торжественно, весело проходил этот день.

Макар Макаров – солдат из новеньких – несет охрану, ходит вдоль тюремной стены. Знает он, что веселятся сейчас заключенные. Сквозь окна несется дружный смех.

Ходит солдат, рассуждает: «Ишь, смеются! Каторжные, а веселятся, ишь!»

Потом кто-то запел. Басом таким, что Макаров вздрогнул. «Не хуже, чем наш Гаврила», – прикинул солдат. Был у них в деревне певец Гаврила. Голос имел такой, что минуту его слушаешь – неделю в ушах звенит.

Затем кто-то читал стихи. Кто-то играл на скрипке. Снова пели. На этот раз хором:

Ох, вы, сени, мои сени,
Сени новые мои...

«Ишь, веселятся...» – опять о своем Макаров.

И вдруг сквозь песню солдату послышался звон цепей.

Замер Макаров.

«Никак, кандалы сбивают, – пронеслось у него в голове. Прислушался. – Так и есть – сбивают! Железо стучит».

Представил себе Макаров – вырвутся каторжане сейчас наружу. Их много. А он один. И ружье одно.

Сильнее, сильнее кандалный стук.

Бросился Макаров к унтер – офицеру Кукушкину. Вышел Кукушкин из караульного помещения. Прислушался. Верно. Так и есть – кандалы сбивают.

– За мной! – закричал Кукушкин. Бросился к камере.

Однако за дверь не решился. Приложился вначале к замочной скважине. Глянул, выпрямился. Повернулся затем к Макарову и съездил солдата по шее.

– Дубина, – сказал и ушел.

Постоял в изумлении новичок. А потом и сам приложился к скважине. Глянул, не верит своим глазам: в танце, в мазурке кружатся узники. Мазурка – азартный танец. Нелегко в кандалах танцевать мазурку. Бьют по дощатому полу кандалные цепи. Дребезжат и трясутся рамы.

Глазеет обалдело на декабристов Макар Макаров: «Ишь, придумали! Каторжные, а веселятся. Ишь!»

ИСПРАВИЛ

Отправляя декабристов в Сибирь на каторгу, Николай I гадал, как поступить лучше: то ли расселить их по разным тюрьмам, то ли в общий острог со – гнать. Наконец решил: «Вместе держать их лучше. Когда вместе, за ними следить удобнее».

Рассуждал царь и о другом: «Побудут год они в общей тюрьме, начнут между собою ссориться. Характеры у них разные, привычки разные. По богатству не одинаковы – кто беден, а кто богат. И по чинам – кто генерал, а кто рядовой поручик. И по званиям – кто князь, а кто грязь. Перессорятся!»

Дурново и здесь был у царя в советчиках.

– Гениально! – кричал Дурново. – Гениально!

Приказал Николай I собрать декабристов вместе вначале в Читинском остроге, а потом построил специальную тюрьму на Петровском заводе, без окон.

Привезли декабристов. Выждал царь год.

– Ну как, перессорились?

– Нет, дружно живут, ваше величество.

Прошел еще год.

– Ну как, перессорились?

– Нет, дружно живут, ваше величество. Даже еще дружнее.

И верно. Жили декабристы на редкость дружно. Общая каторга еще больше сблизил, объединила их. Не кичились они ни чинами, ни званиями, ни богатством своим. Всегда приходили на помощь один другому. Сообща им было легче бороться с тюремным начальством. Легче переносить лишения и утраты.

Понял Николай I, что из плана его ничего не вышло.

– Ошиблись мы с тобой, Дурново, ошиблись. Обмишурились. Надо бы их поместить раздельно.

И вот, когда декабристы стали выходить на поселение, царь решил исправить свою ошибку.

– Разгоню их по разным местам. В разные стороны раскидаю!

По всей необъятной Сибири разбросал декабристов царь. Неслись тройки в Тобольск, Селенгинск, Минусинск. В Туринск и Кунгур. В Баргузин и Нарым. В Кяхту, Березов, Иркутск, Пелым и в десятки других селений.

– Гениально! – кричал Дурново. – Гениально! Погибнут они среди местных жителей. Затеряются.

Но не затерялись декабристы в снегах Сибири, не погибли. Благодарная память о них в Сибири и сейчас жива.

Как жили декабристы в изгнании, как встретили их местные жители, почему с благодарностью помнят о них в Сибири, вы и узнаете из последних рассказов этой книги.

ССЫЛЬНЫЙ

Расселяя декабристов, Николай I поступал так; возьмет карту, ткнет пальцем:

– Сюда вот Бестужевых. Сюда Трубецкого. Сюда Волконского.

Когда решалась судьба декабриста Николая Лорера, царь вообще указал на пустое место. Долго колесили по Сибири жандармы, прежде чем нашли хотя бы избенку одну поблизости. Мертвый Култук называлось то место. И в нем действительно только одна изба.

Матвея Муравьева – Апостола царь поселил в Вилуйске.

Услышали жители – каторжный едет на поселение. Что за каторжный, толком никто не знал. Всполошился Вилюйск. Разные слухи пошли нехорошие. Мол, едет грабитель с большой дороги, мол, пятерых зарезал.

Поселился ссыльный. Живет незаметно. Ножей не точит. Никого не режет.

«Что-то не то», – понимают жители. Стали они при встречах со ссыльным здороваться. Кто-то даже в доме у него побывал. Разнес по Вилуйску: в доме, мол, книги – полным – полно. Как-то мальчишки к дому подкрались. Увидел ссыльный.

– Заходите, – сказал ребятам.

Смутились мальчишки, однако зашли. Сидели, листали книжки. Ссылный о диковинных странах им рассказал, карту и глобус показал.

– Есть люди как сажа черные, – несли ребята потом по Виллойску.

– А земля стоит не на трех китах. Она есть шар и вертится.

– А за что он сослан? – интересуются жители. – За что?

Разводят ребята руками:

– Не говорил.

Потянулись мальчишки к Муравьеву – Апостолу.

– Про войну расскажи, про войну. Про Суворова и Кутузова. (Матвей Муравьев – Апостол отличился в войне с французами. Три награды имел за храбрость.)

Опять по Виллойску несли ребята:

– Суворов ел солдатские щи и кашу.

– Правый глаз у Кутузова был незрячий.

Интересуются жители:

– А за что же он сослан? За что?

Разводят ребята руками:

– Не говорил.

Все больше и больше интерес у жителей к ссылному. Вот и взрослые стали к нему заходить. Поначалу на минутку, на две. Потом по часу, по два сидели. Стал им Муравьев – Апо– стол книги давать для чтения. О многом рассказывал. То про луну, про солнце, то про Петербург и Сенатскую площадь. То про Кутузова и партизана Дениса Давыдова, то про царя и Алексеевский рavelин.

Прошел год. Нет в Виллойске теперь человека, который не знал бы, кто такие декабристы, за что боролись они, за что сослал их государь на каторгу.

Недолго пробыл здесь Муравьев – Апостол. Перевели декабриста в другое место. Сожалели о нем в Виллойске.

– Жаль, что уехал, жаль.

– Что тут скажешь – конечно, жаль.

И кто- то задумчиво, тихо:

– Дороги ему хорошей. О деле святом, великом пусть и в новых местах расскажет.

МЕЛЬНИЦА

Десять лет простояла она в бездействии. Что- то случилось с приводом. Отказалась работать мельница.

Многие брались ее наладить. Что- то крутили, где- то вертели. Морщили лбы, разводили руками. Кряхтели, потели. Только уперлась мельница. Хоть умри – колесо не вертится.

Как- то ученый немец чудом сюда попал. В ноги упали немцу. Явился гость на мельницу. Что- то потрогал, на что- то глянул.

– Не знаю, – произнес. Уехал.

Стала мхом покрываться мельница. Травой заросло подворье.

И вдруг... Пашка, Наташка и бурят Талалайка сами увидели – заработала старая мельница. Закрутилось, задвигалось колесо. Заискрилось веселыми брызгами.

Понесли Пашка, Наташка и бурят Талалайка новость по всей округе:

– Крутится!

– Крутится!

– Крутится!

– Стойте, так что же крутится?

– Колесо!

– Колесо!

– Колесо!

– Чье колесо? Какое?

– То, что на мельнице!

- Мельнице!
- Мельнице!
- Стойте же вы, пострелы. Кто починил? Говорите толком!
- Они, – отвечают Пашка, Наташка и Талалайка.
- Кто они?
- Ну, эти!
- Эти!
- Эти!
- Да говорите вы ясно, грачи – сороки!
- Те, которых царь в кандалах пригнал.

Мельницу, которую никто не мог починить, пустили в ход декабристы Николай Бестужев и морской офицер Торсон.

Среди декабристов много было людей знающих и умелых. Своим искусством и опытом многим в Сибири они помогли.

УРОДИЛОСЬ

Пашка, Наташка и бурят Талалайка новую новость несут по округе:

- Уродилось!
- Уродилось!
- Что уродилось?
- Разводят ребята руками.
- Желтое, аж красное, – заявил Пашка.
- Длинное, – сказала Наташка.
- Талалайка добавил:
- С хвостиком!
- Где уродилось?
- Там!

Показали ребята на стену, которая окружала Читинский острог. За этой стеной, за частоколом, был клочок земли. Перекопали ее декабристы, устроили огород. А нужно сказать, что в тех местах никто до этого огородами не занимался.

Про огороды первым узнал Талалайка. Залез он как-то на тюремную стену, а это совсем не простое дело, глянул внутрь – видит, декабристы копают землю.

Рассказал Талалайка Наташке и Пашке о том, что видел.

«Что же там такое?» – гадают те.

С этого дня и стали ребята приходить к стене. Правда, Наташка и Пашка лазить на нее не решались. Лазил Талалайка. Что видел, о том рассказывал.

Вскоре он доложил:

- Что-то в землю они понатыкали.

Через какое-то время:

- Что-то растет. Прет из земли зеленое.

К середине короткого читинского лета разросся за тюремной стеной огород. Огурцы завязались, поднялся картофель, репа взошла, морковь.

Прошло еще небольшое время. Талалайка снова залез на стену. Видит, Волконский идет меж грядок.

- Волконский идет, – зашептал ребятам. – Остановился.

Через минуту:

- Нагнулся, руку к чему-то тянет.

Не утерпели Наташка и Пашка. Тоже полезли на стену. Вцепились руками в бревна, глазуют на огород.

Нагнулся Волконский к какой-то зеленой метелке. Дернул. И вдруг из-под земли – длинное, желтое, с хвостиком. Разинули рты ребята – впервые видят они морковь.

Соскочили с забора, понеслись по читинским улицам:

- Уродилось!
- Уродилось!
- Что уродилось? Где уродилось?
- Там!

Местные жители вскоре переняли опыт у декабристов. Теперь огороды появились в разных местах Сибири.

Позже, когда декабристы вышли на поселение, им удавалось, правда не под открытым небом, а в парниках, выращивать в Сибири и цветную капусту, и спаржу, и даже арбузы и дыни.

«ОЗОЛОЧУ»

У иркутского купца – богатея помирала жена. Молодая. Красивая. Купец плакал как маленький. Метался от доктора к доктору:

- Спасите! Озолочу!

Получали доктора деньги. Лечили. Но больной становилось все хуже и хуже. Наконец наступил момент, когда уже никто не брался спасти умирающую.

Побежал купец к колдунам и знахарям. Заклинали те, плясали вокруг больной. Огонь разводили, дымили, чадили. Помирает совсем жена.

И вот тут какая-то иркутская старуха шепнула обезумевшему от горя купцу – мол, в Читинском остроге сидит колодник.

- Он доктор. Своих он лечит. Великий искусник.

Старуха сказала правду. Декабрист доктор Вольф был великолепным врачом. До ареста он числился личным лекарем главнокомандующего Южной армией.

Помчался купец в Читку. Бросился к коменданту тюрьмы:

- Спасите! Не забуду! Озолочу!

Долго не мог понять комендант: в чем дело, кого спасать, от кого спасать? Решил, что на купца напали разбойники.

- Да не разбойники. Жена помирает, – стонал купец.

Согласился комендант отпустить заключенного. Посадили Вольфа в телегу. Приставили рядом солдата с ружьем. Поехали.

Вылечил доктор молодую купчиху. Купец от счастья был на десятом небе. Отпуская Вольфа, он поставил перед ним расписной кувшин. Подивился Вольф: что это, мол, такое?

– Вам, – говорит купец. – С огромнейшей благодарностью. От души, от сердца. Внутрь загляни, благодетель, внутрь.

Поднял Вольф крышку, глянул в кувшин. А там полным– полно золота. Нахмурился Вольф. Отодвинул кувшин.

- Не беру. Не беру! Пошли, – сказал караульному.

Уехал Вольф с караульным солдатом, а купец еще долго стоял над кувшином, остолбенело смотрел на золото.

- Не поймешь их, каторжных. Ей – ей, не поймешь!

Своим искусством доктор Вольф прославился на всю Сибирь. Многих он спас от тяжелой болезни и верной смерти. Даже сам генерал Лепарский у него лечился.

Но денег Вольф никогда не брал. Об этом тоже в Сибири знали. Об этом легенды тогда ходили.

«УЛАН-НОРОК»

Братья Николай и Михаил Бестужевы жили на поселении в Селенгинске.

На сотни верст на восток от Байкала тянулись в те годы кочевья бурят. Не жили буряты тогда оседло. Переезжали с места на место, перевозили кибитки, перегоняли скот.

Ехали как-то бурятские семьи, остановились на дневку рядом с берегом Селенги. Видят, тут же, шагах в ста, на пригорке сидит человек. На коленях лежит доска. На доске бумага. По

бумаге чем-то загадочным водит.

Заинтересовались буряты. Подошли чуть поближе.

– Смелее, смелее, – проговорил человек. Это был Николай Бестужев. Он рисовал.

Подошли буряты совсем вплотную. Глянули. Замерли.

Перед ними течет Селенга, и на бумаге течет Селенга. Сопки видны правее, и на бумаге они правее. Вот совсем рядом стоит сосна. И на бумаге точь – в-точь такая.

Старик Ивенго стоял как вкопанный.

Заметил это Бестужев. Достал новый лист бумаги. То на Ивенго глянет, то опять к бумаге. Снял наконец бумагу. Повернул. Показал. Глянули все и ахнули. С листа бумаги смотрит на всех Ивенго. Морщинка в морщинку – как живой!

Отбежали буряты.

– Колдун!

Однако затем вернулись.

– Бери, – протянул Бестужев портрет Ивенго.

Не может понять старик, в чем дело. Растерянно улыбается.

– Бери, – повторил Бестужев и вдруг по – бурятски: – Бери!

Вновь отбежали буряты.

– Колдун!

Однако скоро вернулись.

Подружился Бестужев с бурятами. Ездил в улусы к ним. Про Петербург, про царя рассказывал. Рисовал и детей и взрослых. На охоту ходил с Ивенго.

В свою очередь, буряты часто приезжали в Селенгинск. Здесь братья Николай и Михаил Бестужевы обучали их разным ремеслам: слесарному, столярному, кузнечному.

Николай Бестужев был на редкость талантливым человеком. Он писал рассказы и умел шить сапоги. Знал, как вспахать землю, и мог починить часы. Когда декабристам разрешили снять кандалы, он из цепей выковал кольца. Эти кольца попали потом в Россию, и не было им цены.

Но больше всего Николай Бестужев любил рисовать. Это благодаря ему мы можем сейчас представить, как выглядели многие из декабристов. Как и где они жили. Какими были те тюрьмы, в которых они томились.

«У него были золотая голова, золотые руки и золотое сердце» – так отзывались товарищи о Николае Бестужеве.

«Улан – Норок», то есть «Золотое солнышко», называли его буряты.

ЗОЙКА

Привязалась к братьям Борисовым девочка – Зойка. Была она худенькой – худенькой, легкой – легкой. Казалось, дунешь – к небу взвьется Зойка.

К этому времени Петр и Андрей Борисовы жили на поселении. Была у них страсть – собирали коллекции растений и насекомых. Радовались братья любой находке.

Началось это еще давно, в тюремные годы. Идут из острога в острог Борисовы, на работу шагают, валят с другими лес, а сами смотрят внимательно по сторонам, собирают букашек, цветы и травы.

Привезли Борисовы с собой на поселение коллекцию в нескольких ящиках.

Глянула Зойка, разгорелись у нее глаза. Вот и стала девчонка ходить за братьями. Борисовы в степь – и Зойка за ними. Борисовы в сопки – и Зойка тут. Неблизко уходят порой Борисовы. Куда же Зойке в такую даль! Отгоняют они девчонку. Отойдет девчонка чуть – чуть в сторону. Постоит, переждет. И снова бежит за братьями.

Стали тогда Борисовы уходить из селения так, чтобы не видела Зойка. Выйдет один из дому, осмотрится по сторонам. Если нет поблизости Зойки, машет рукой другому. Сбегут они к речке, пройдут за кустами, пригнутся – быстрее за холм. Отойдут от дома версту, вторую, только облегченно вздохнут, смотрят – сзади несется Зойка. Хотели за уши ее отодрать.

И вдруг... Были дома братья Борисовы, разбирали свои коллекции. Посмотрели в окно. На

бревне перед домом уселась Зойка. Крутит загадочно что-то в руках, словно бы на улицу братьев манит.

Заинтересовались Борисовы, вышли на улицу. Смотрят, в руках у Зойки невиданный жук Усищи длиннющие, клещи огромные, глазищи почти с пятак

Вот так находка! Разгорелись глаза у Борисовых:

– Что за чудо?

– Откуда?

– Покажи!

– Подари!

– Не скажу, – отвечает Зойка. – Не покажу.

Убежала коварная Зойка. Огорчились, конечно, Борисовы. Вернулись к себе в избу.

На следующий день вновь разбирали они коллекции. Посмотрели в окно. На бревне перед домом уселась Зойка. Крутит загадочно что-то в руках. Словно бы братьев на улицу манит.

Заинтересовались Борисовы, вышли на улицу. В руках у девчонки ягода – невидаль. Размером почти с кулак.

Разгорелись глаза у Борисовых.

– Что за чудо!

– Откуда?

– Покажи!

– Подари!

Улыбнулась хитрющая Зойка. Согласилась отдать и жука и ягоду, только, конечно, с одним условием... чтобы братья брали ее с собой в походы.

Ходит Зойка теперь в походы. Оказалась она глазастой. В той коллекции, которую собрали братья Борисовы, есть и Зойки упрямой доля.

Скончались Борисовы. Состарилась, умерла Зойка. А коллекция эта долго еще хранилась.

Не только братья Борисовы, но и другие декабристы занимались изучением сибирской природы. Их исследования многие годы служили людям.

ЗАДАЧИ

Многими добрыми делами оставили декабристы в Сибири о себе благодарную память. Особенно тем, что создавали для местных детей школы.

С ребятами занимались и Матвей Муравьев – Апостол, и братья Бестужевы, и братья Беляевы, Александр Якубович, Петр Борисов, Петр Муханов, моряк Торсон. Занимались и другие.

Учил детей и Иван Якушкин. Когда освоили дети чтение, с цифрами их познакомил. Обучил сложению и вычитанию, умножению и делению. Про половинки и четвертинки им рассказал. Ребята были смывшленными – освоили даже дроби.

Но больше всего любили ребята задачи решать.

– Сегодня задача на сложение, – начинает Якушкин.

Замрут ребята, слушают.

– Было у барина две деревеньки. Прикупил барин еще одну. Сколько всего стало?

– Три, – кричат ребята.

– Правильно. А теперь давайте на умножение. Срубил крестьянин в барском лесу три осинки. Узнал барин, приказал за каждое деревосыпать крестьянину по пять плетей. Сколько плетей получил крестьянин?

– Пятнадцать! Пятнадцать! – кричат ребята.

– Молодцы. Правильно. А теперь давайте на вычитание.

Притихли опять ребята. Начал Якуш кин:

– Собрал крестьянин с поля десять мешков зерна. Три из них за землю отдал помещику. Четыре мешка вернул тому же помещику за долги. За крестины сына один мешок оттащил попу. Два пришлось отвезти купцу – задолжал крестьянин купцу за ситец. А ну, кто живет из вас сосчитает, сколько мешков зерна у крестьянской семьи осталось?

- Ничего не осталось! – кричат ребята. – Ничего! Пусто!
– Молодцы, – говорит Я куш кин. – Ну, дело у вас пойдет.

МЯТЕЖНЫЙ ДУХ

Жандармы искали мятежный дух.

Унтер Уклейка примчался к исправнику:

– Нашел!

– Ну – ну.

– Пушки видел! Ядра видел!

Исправник недоверчиво посмотрел на жандарма.

– Ты – того... Снова пьян?

– Никак – с нет.

– Ступай- ка сюда.

Уклейка шагнул.

– Дыхни!

Дыхнул жандарм. Видит исправник – верно, не пьян Уклейка.

– Так что ты видел?

– Пушки видел. Ядра видел, – твердил Уклейка. – Порох в мешках. Фитили для запала.

Исправник все еще с недоверием смотрел на жандарма, однако спросил:

– Где? У кого?

– У него, – зашептал Уклейка. – Рядом с домом, в амбаре.

Все было ясно. Речь шла о декабристе, бывшем подполковнике Андрее Васильевиче Ентальцеве. Отбыв каторгу, Ен- тальцев жил на поселении в городе Ялуторовске.

– Да – с, – протянул исправник, а сам подумал: «Молодец Уклейка. Все совпадает. Не зря и начальство о том говорило».

Как раз в это время предполагалось, что Сибирь посетит наследник русского престола, будущий царь Александр II. Наследник должен был проехать и через Ялуторовск. Предупредили об этом исправника, а заодно и о том, чтобы зорко следил за городом. Прежде всего за ссыльными декабристами. (Кроме Ентальцева, здесь жили Якушкин, Пущин и Оболенский.) Чтобы был начеку. Не убавилось, мол, у злодеев мятежного духа. Всякое может быть.

В ту же ночь, взяв отряд военного караула, исправник окружил дом и амбар Ентальцева.

Наставлял:

– Тише, чтоб взять живьем!

– Если будет стрелять из пушки, не разбегайся. Падай на землю, ползи пластом.

Крадутся солдаты к амбару. Вдруг раздался какой- то шорох – то ли в амбаре, то ли за ним.

– Ложись! – закричал исправник.

Упали солдаты на землю.

– За мной!

Пополз исправник, за ним солдаты.

Снова шорох.

– Замри!

Замерли все. Уклейка лежит, трясется. Пролежали минуту, две, снова исправник командует:

– Вперед!

Поползли солдаты. Опять шорох.

– Стреляй! – закричал исправник.

Пульнули солдаты по двери амбара. Тут же вскочили в рост. Помчались к амбару. Выбили с ходу дверь.

Осмотрели амбар: два старых лафета, труба от самовара, шары от крокета, мешок с овсяной крупой. Фитилей никаких, конечно, не видно. Даже ничего похожего.

Вдруг снова в амбаре шорох.

– Ложись! – закричал исправник.

Упали на пол солдаты.

«Мяу», – раздалось в темноте.

– Ты что же, – закричал исправник на Уклею, – шутики шутить вздумал? Ну, где твой порох, где ядра, пушки?

– Да тут они были, тут, в щелку я видел, – уверяет жандарм. – Были, были. Вот тут стояли. Доложу вам – нюхом учуял мятежный дух.

– Нюхом, – ругнулся исправник. – Не в щелку смотри, болван, а в душу. Вот где мятежный дух.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Стояла весна. С окрестных сопот сбежали ручьи. Загомонили, закричали веселым криком птицы. С востока, с Тихого океана подул ветер, понес тепло.

Идет Николай Бестужев по привольной сибирской степи. Небо синее – синее. Чиста и прозрачна даль.

Идет Бестужев. Мысли его о друзьях, о России. Много минуло лет. Спят в могилах друзья боевые. Но не о прошлом – о том, что будет, думает декабрист.

Россия, Россия!.. Нет крепостных в России. Между людьми – равенство. Нет на престоле царей в России. Да и сам – то престол в музее.

Идет Бестужев по привольной сибирской степи. Мысли бегут, как реки. О том, что придет, что непременно будет, думает декабрист.

Россия, Россия!.. Не в столах, не в криках лежит Россия. В весеннем стоит цвету.

Царь разгромил декабристов. Сгноил в Сибири. Лишь через тридцать лет, уже после смерти царя Николая I, декабристам разрешили вернуться с каторги. Дожили до этого времени лишь несколько человек.

Декабристы погибли. Но не утихла борьба в России. На смену одним героям, как волны в открытом море, девятым валом пришли другие.

Все теснее, теснее ряды борцов. Поднимаются новые силы. Шагает, шагает время.